

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Гришина Н.В. Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром	11
Хорошилов Д.А. Социальное познание и социальный контекст: новое прочтение научного наследия Г.М. Андреевой	20
Белинская Е.П., Рикель А.М. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования	31
Винокуров Ф.Н., Панов К.А., Садовская Е.Д. Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования	46
Рабесон М.Д., Денисова Г.В., Смирнова О.В., Стебловская С.Б. Этнокультурные и конфликтологические аспекты восприятия интернет-мемов: результаты эксперимента с использованием айтрекинга	65

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ

Липатов С.А., Нестерова Е.М. Интеграция качественных и количественных подходов как методологическая проблема социальной психологии	81
Зубова Ю.К., Иванов М.А. Психологическое консультирование и коучинг как виды социально-психологической помощи	91

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Погожина И.Н., Рекун О.С. Связь моральной направленности принимаемых решений в ситуациях потенциального кибербуллинга с индивидуально-психологическими особенностями студентов	104
Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Связь отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи	115

SOCIAL PSYCHOLOGY

Grishina N.V.
 Purposal determinants as a factor integration of human with the world 11

Khoroshilov D.A.
 Social Cognition and Social Context: a New Reading of the Scientific Heritage of G.M. Andreeva 20

Belinskaya E.P., Rikel A.M.
 Identification with the generation: a socio-psychological approach and empirical research experience 31

Vinokurov F.N., Panov K.A., Sadovskaya E.D.
 The tribute to G.M. Andreeva: the role of technological innovations in social change 46

Rabeson M.D., Denisova G.V., Smirnova O.V., Steblovskaya S.B.
 Ethnocultural and Conflictological Aspects of the Perception of Internet Memes: Results of an Eye-Tracking
 Experiment 65

METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Lipatov S.A., Nesterova E.M.
 Integration of qualitative and quantitative approaches as a methodological issue in social psychology 81

Zubova Yu.K., Ivanov M.A.
 Psychological counseling and coaching as types of socio-psychological assistance 91

EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Pogozhina I.N., Rekun O.S.
 Moral decision-making in situations of potential cyberbullying in relation to individual psychological
 characteristics of students 104

Sachkova M.E., Semenova L.E.
 Relationship between attitude to global risks, belief in the paranormal and self-efficacy among students 115

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301>
УДК/UDC 159.922

Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром

Н.В. Гришина ✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ n.v.grishina@spbu.ru

Резюме

Актуальность. Одной из тенденций развития современной психологии является возрастание интереса к исследованию контекста и утверждение принципа контекстуальности как признания влияния факторов контекста на психологическую феноменологию. Ориентация на изучение контекста, в свое время обозначенная Г.М. Андреевой в качестве фундаментального принципа новой парадигмы социальной психологии, в настоящее время является методологическим принципом всей психологической науки и современной психологии личности.

Цель. Теоретическое и эмпирическое обоснование концепта целей в качестве параметра описания отношений человека с окружающим миром.

Выборка. Общий объем выборки составил 350 человек. 45,9% женщин и 53,8% мужчин. В опросе принимали участие молодые люди (84,8% в возрасте от 17 до 25 лет).

Методы. Для описания жизненных целей человека и особенностей его целеполагания была создана опросная форма, в которой фиксировались значимость целей в основных сферах жизнедеятельности человека, удовлетворенность своей реализацией в них, оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для достижения этих целей и др. (40 пунктов); для оценки личностных факторов использовались методики «Потенциал самоизменений» (В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина); «Тест экзистенциальных мотиваций» (А. Лэнгле); «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо). Для обработки данных этой публикации использовался кластерный анализ.

Результаты. Полученные данные подтвердили контекстуальный характер целей человека, их связь с пространственно-временными координатами контекста, важнейшую роль целей в качестве фактора организации отношений человека с окружающим миром, с осмысленностью его жизни. В зависимости от наличия или отсутствия у человека значимых целей, выраженности его целевой ориентации выделены типы отношений с окружающим миром — направленность на преадаптивные изменения, готовность к адаптивным изменениям, неготовность к изменениям.

Выводы. Полученные результаты подтвердили эффективность описания целевой регуляции активности человека в качестве языка описания отношений личности с окружающим миром. Важнейшей перспективой в дальнейшей разработке данной тематики является описание целостности личности как формы отношений человека с миром.

Ключевые слова: личность, контекст, принцип контекстуальности, отношения с миром, интеграция, цели, готовность к изменениям

Благодарности. Автор благодарит Макарову Марию Владимировну, преподавателя кафедры психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета, за помощь в обработке данных исследования.

Для цитирования: Гришина, Н.В. (2024). Целевые детерминанты как фактор интеграции человека с окружающим миром. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 11–19. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301>

Purposal determinants as a factor integration of human with the world

Natalia V. Grishina ✉

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ n.v.grishina@spbu.ru

Abstract

Background. One of the trends in the development of modern psychology is an increasing interest in the study of context within the principle of contextuality as recognition of the influence of context factors on psychological phenomenology. The focus on studying the context, once designated by G.M. Andreeva as a fundamental principle of the new paradigm of social psychology, is currently the methodological principle of all psychological science and modern personality psychology.

Objectives. The goal of the study consists in theoretical and empirical substantiation of the concept of purpose as a parameter for describing a person's relationship with the outside world.

Study Participants. The total sample included 350 people (45.9% women and 53.8% men). Young people took part in the survey (84.8% aged 17 to 25 years).

Method. To describe a person's life goals and the characteristics of the purpose setting, a survey form was created. The form recorded the significance of goals in the main areas of a person's life, satisfaction with their implementation, an assessment of the possibilities for achieving these goals in the current life situation, etc. (40 points). The "Potential for Self-Change" technique (V.R. Manukyan, I.R. Murtagina, N.V. Grishina); "Test of existential motivations" (A. Langle); "Time Perspective Questionnaire" (F. Zimbardo) were used to assess personal factors. Cluster analysis was used to process the data in this study.

Results. The data obtained confirmed the contextual nature of a person's goals, their connection with the spatiotemporal coordinates of the context, the most important role of goals as a factor in organizing a person's relationship with the outside world, with the meaningfulness of life. Depending on the presence or absence of significant goals in a person, the expressiveness of the goal orientation, types of relationships with the outside world are identified — focus on pre-adaptive change, readiness for adaptive change, unpreparedness for change.

Conclusion. The results obtained confirmed the effectiveness of describing the purpose regulation of human activity as a language for describing the relationship of an individual with the outside world. The most important prospect in the further development of this research direction is the description of the integrity of an individual as a form of a person's relationship with the world.

Keywords: personality, context, principle of contextuality, relationship with the world, integration, goals, readiness for change

Acknowledgements. The author is grateful to Maria V. Makarova, Lecturer at the Department of Personality Psychology, St. Petersburg State University, for assistance in data processing.

For citation: Grishina, N.V. (2024). Purposal determinants as a factor integration of human with the world. *National Psychological Journal*, 19(3), 11–19. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0301>

Введение

Одной из фундаментальных тем, в которой соединяются интересы различных областей психологической науки, является исследование отношений человека с миром. В свое время С.Л. Рубинштейн писал: «Анализ отношения человека к миру должен идти сначала не в плане психологическом и субъективно-этическом, а в онтологическом, что и предполагает раскрытие способа существования человека в мире» (2003, с. 357). Решение этой задачи, обозначенной им в главе «Онтология человеческой жизни» книги

«Человек и мир» (Рубинштейн, 2003) сегодня реализуется в плоскости пересечения интересов различных областей психологической науки, прежде всего психологии личности и социальной психологии.

Г.М. Андреева, с именем которой связано становление и развитие социальной психологии в нашей стране, определяя векторы новой парадигмы социальной психологии, писала об их связи с новыми подходами к исследованию личности (Андреева, 2009). Именно здесь сегодня наиболее явно реализуются тренды современных теоретических и исследовательских подходов, обсуждение которых когда-то было начато ее работами.

Практически во всех своих работах Г.М. Андреева затрагивает фундаментальные проблемы социально-психологического знания, теории и методологии социально-психологических исследований, перспектив и направлений развития социальной психологии. Социальная психология относится к тем областям психологической науки и практики, которые особенно чутко реагируют на изменения реальности и необходимость теоретического осмысления происходящих изменений. Г.М. Андреева начинает говорить о необходимости новых подходов в социальной психологии в своих работах еще полувековой давности, и эта тема уже не уходит из поля ее внимания.

В конце первого десятилетия XXI века Г.М. Андреева пишет статью «Социальная психология: векторы новой парадигмы» (Андреева, 2009), в которой она обозначает ключевые проблемы современной социальной психологии, в том числе такие ее фундаментальные принципы как ориентацию на социальные изменения и изучение социального контекста.

Прошедшие с тех пор полтора десятилетия многое изменили в реалиях окружающего мира. Изменения реальности сегодня являются значимым фактором, влияющим на жизни людей. Новые реалии послужили вызовом и к психологической науке, в которой первые десятилетия XXI века стали временем больших перемен.

Сегодня можно говорить о том, что обозначенные Г.М. Андреевой десятилетия назад векторы нового подхода в области социальной психологии стали общеметодологическими принципами всей психологической науки и, прежде всего, психологии личности.

Одним из исследовательских принципов современной психологии личности, приобретающих характер методологического требования, становится принцип контекстуальности. В самом общем виде принцип контекстуальности означает признание влияния факторов контекста на психологическую феноменологию и необходимость учета контекстуальных факторов в психологических исследованиях личности.

Однако этим интерес психологии личности к изучению контекста существования личности не ограничивается. В современной психологии личности пересматриваются традиционные представления о характере отношений человека с миром. Речь идет о том, что активность человека «определяется не устойчивыми априорными характеристиками, а актуальным взаимодействием с миром, управляемым обратными связями; устойчивые структуры, напротив, порождаются и закрепляются в этом взаимодействии как его продукт» (Леонтьев, 2016, с. 11). Отталкиваясь от известного в экзистенциальной психологии тезиса Сартра «Существование предшествует сущности» и схожих представлений классиков отечественной психологии, Д.А. Леонтьев формулирует объяснительный принцип психологии личности, лежащий в основе процессуальной или функциональной парадигмы, сменяющей, как он отмечает, диспозициональную парадигму. Суть этой новой парадигмы в том, что

«индивид находится в постоянном потоке изменяющихся отношений с миром и стремится улучшить эти отношения. Эти отношения предшествуют любым устойчивым структурам психики и личности и объясняют их возникновение и динамику» (Там же). В соответствии с этим, в отличие от традиционных для психологии личности представлений об определении активности личности присущими человеку устойчивыми характеристиками, способ взаимодействия человека с миром становится основой формирования личности и ее развития.

Но, пожалуй, еще более важный аспект взаимодействия человека с окружающим миром связан с тем, что именно в отношениях с ним человек проявляется наиболее целостно, наиболее интегрально во всех своих качествах. Целостность — наряду с изменчивостью и стабильностью — относится к фундаментальным характеристикам природы личности и является принципиальным требованием к ее изучению. Характерное для психологии XX века изучение личности, «расчлененной» на отдельные составляющие, привело к теоретико-методологическому кризису. Важнейшей задачей, которая сегодня стоит перед психологией личности, является разработка методологического и методического подхода к описанию ее целостности.

Одним из возможных решений является понимание целостности через описание отношений человека с миром. Именно во взаимодействии с окружающим миром человек и проявляется в своей целостности.

Для описания онтологии человеческой жизни С.Л. Рубинштейн предлагает «взять человека во всех для него существенных связях и отношениях к миру, выявить все его качества, характеристики, в которых он в каждой из этих связей и отношений выступает» (Рубинштейн, 2003, с. 359). Таким образом, через описание отношений человека с миром мы можем приблизиться к лучшему пониманию природы личности во всей ее целостности.

Принцип контекстуальности в описании личностной феноменологии

Описания окружающей реальности в психологии XX века претерпели существенные изменения. На начальном этапе развития психологии для ее обозначения используется понятие среды, влияние которой, наряду с индивидуально-психологическими особенностями, рассматривается в качестве основных детерминант поведения человека. Далее, понятие среды редуцируется до понятия ситуации, которое на этапе расцвета «измеряющей» психологии становится основным в описании окружающей человека реальности. С конца XX века понятие ситуации вытесняется понятием контекста, которое отвечает реальности современной жизни человека.

Жизненный мир современного человека не исчерпывается конкретной ситуацией, непосредственными

условиями и обстоятельствами его жизни. Это, с одной стороны, очевидным образом определяется технологиями, «включающими» человека в современные формы коммуникации, безгранично расширяющие его жизненное пространство, с другой — «турбулентностью» современной реальности, которая перестала быть фоном выстраивания жизненных моделей и сценариев жизни людей, но стала мощным фактором, влияющим на повседневную жизнь людей и психологическую феноменологию.

Осознание новых связей человека с окружающим миром приводит к серьезным методологическим последствиям для психологической науки, в частности к необходимости разработки методологии, отвечающей принципу контекстуальности.

Критика деконтекстуализированного характера психологических исследований насчитывает уже несколько десятилетий, и, возможно, точкой отсчета к началу развития контекстуального вектора исследования можно считать научный манифест европейских социальных психологов «Контекст социальной психологии» (1972), о котором в свое время писала Г.М. Андреева (Андреева, 2002). За прошедшие десятилетия призывы к необходимости учета контекста в психологических исследованиях сменились активным поиском языков описания взаимодействия индивида с контекстом.

Еще в 1980 году в издании, посвященном прошедшей конференции по психологии ситуаций, Д. Магнуссон говорит о необходимости создания дифференциальной психологии ситуаций (Magnusson, 1981). Спустя несколько десятилетий известный исследователь в области психологии ситуаций Дж. Раутман (Rauthmann et al., 2015; Rauthmann & Sherman, 2018) вновь отмечает недостаточное продвижение в исследовании ситуаций, связанное, по его мнению, с отсутствием ясности в понимании того, как именно следует изучать ситуации, и с отсутствием согласованных концептуальных схем и представлений в этой сфере.

В своей программной статье Дж. Раутман и его коллеги предлагают ключевые принципы исследования ситуаций (изучение процесса переживания ситуации индивидом, учет разных типов реальности, согласованное описание личности и ситуации), которые, однако, не содержат принципиальной новизны по сравнению с выдвинутыми в свое время идеями К. Левина по описанию жизненного пространства человека и нуждаются в конкретизации.

Примером поиска эмпирических решений описания контекста является интегральный подход Within and Across Context Variability (WAC), направленный на изучение индивида в контексте («контекстуализированного индивида»), что, по замыслу авторов, должно способствовать преодолению издержек деконтекстуализированных исследований. Суть предложений авторов — в соединении информации об индивиде (его личностных чертах, состоянии, самооценке и др.) с тем, в какой ситуации он находится. Предметом изучения является вариативность

состояний индивида, его самооценок, поведения и т.д. в зависимости от контекста (Geukes et al., 2017).

Однако упомянутая работа, как и другие подобные исследования не лишена существенных ограничений. Главные из них относятся к фактически механическому соединению данных об индивиде и ситуации, не отражающему их реальное взаимодействие, что, несмотря на утверждения об изучении контекста, на самом деле речь идет о ситуации, в которой находится человек, что не совпадает с понятием контекста. Контекст — это описание жизненного мира, жизненного пространства человека, не сводимого к конкретным условиям его непосредственной ситуации. Логика перехода психологии от понятия ситуации к понятию контекста состоит в осознании влияния широкого пространства современной реальности на психологическую феноменологию, в осознании не просто влияния, но смыслообразующей функции контекста, что и делает привлекательным его использование в качестве концепта описания мира жизни человека.

Целевая регуляция в отношениях с миром

Принципиальное методологическое решение проблемы «человек — среда», как известно, принадлежит Курту Левину в предложенном им концепте жизненного пространства, предполагающем согласованное изучение личности и ситуации. В качестве когнитивного компонента конкретизации связи личности и ситуации выступает концепт «определение ситуации» как результат ее восприятия и понимания индивидом. По Томасу, ситуация может быть описана через три типа данных — объективные условия, установок индивида и «определение ситуации, представляющее собой более или менее ясную концепцию условий и осознание установок» (Thomas, Znaniecki, 1958, p. 68). Для описания аффективного характера отношений человека со средой Л.С. Выготским было предложено понятие «переживание». Выступая против изучения среды «в ее абсолютных показателях», он отмечает значение того, что означает среда для индивида: «переживание и есть единица личности и среды» (Выготский, 1984, с. 381).

Методологические основы изучения целевой детерминации поведения человека в отечественной психологии были заложены работами С.Л. Рубинштейна о детерминации жизненного пути человека (2003), А.Н. Леонтьева о целях и смыслах деятельности (1977), Н.А. Бернштейна о «модели потребного будущего» (1990), И.М. Фейгенберга (2011) о «вероятностном прогнозировании» и др.

В современной психологии эти идеи получают дальнейшее развитие.

То, как человек воспринимает, понимает ситуацию и ее переживает, является значимым параметром в его взаимодействии с ситуацией и во многом и определяет это взаимодействие. При этом в своем восприятии ситуации и ее эмоциональном отношении к ней

человек опирается на свой прошлый опыт, привычные способы реагирования, сформированные установки, которые могут быть основанием для объяснения и прогнозирования действий реактивного характера.

Однако если речь идет об активности, выходящей за пределы актуальной ситуации, для ее понимания необходимо привлечение понятий, связанных с ориентацией на будущее и относящихся к целевой детерминации поведения. «Сущность целевой детерминации поведения можно выразить так: действие детерминировано прошлым и “образом потребного будущего”, которые сливаются с настоящим и экстраполируются на будущее». Речь идет о том, что наука о живой природе, наряду с вопросами «как?» и «почему?», должна отвечать еще и на вопрос «для чего?» (Фейгенберг, 2004, с. 143).

Данные соображения побудили нас дополнить классические представления о взаимодействии человека с ситуацией целевым компонентом. Определение ситуации имеет когнитивный характер, переживание описывает аффективный компонент этой связи, а цель относится к действенному компоненту, который, на наш взгляд, и отвечает за активность человека в ситуации. Во взаимодействии с ситуацией все эти составляющие «работают» вместе, обеспечивая ее понимание, оценку значимости и ее согласованности с целями человека (Гришина, 2023).

Параметр цели, считающийся одним из основных в описании ситуации, является идеальным конструктом, соединяющим человека и ситуацию. Цели ставятся человеком, но при этом всегда соотносятся с ситуацией. Введение целевого параметра в описание отношений человека с ситуацией дает возможность увидеть динамику этой связи. Цели являются важнейшим параметром, отражающим отношения человека с окружающим миром. Именно цели определяют единство человека и ситуации, «чувствительность» человека к контексту лежит в плоскости его потребностей и целей относительно ситуации.

В своих исследованиях мы развиваем положения о контекстуальном характере жизненных целей, что означает их «вписанность» в пространственно-временные координаты жизненного пространства человека. В пространственном контексте цели человека соотносятся с теми возможностями или ограничениями, которые ему предоставляет жизненная ситуация, во временном контексте — в соотношении с жизненными планами человека, его представлениями о своем будущем, а также с успешным или неуспешным опытом прошлого по реализации своих целей. Данные представления были положены в основу проведенного нами эмпирического исследования.

Методы

Предметом проведенного нами исследования была целевая и ситуационная детерминация поведения,

теоретическим основанием которого было представление о контекстуальном характере целей. Исходя из этого представления, были сформулированы гипотезы исследования.

В соответствии с основной гипотезой исследования цели выступают в качестве важнейшего фактора организации отношений человека с окружающим миром, определяют его жизненную позицию с точки зрения готовности/неготовности к изменениям своей жизненной ситуации и самоизменениям.

Жизненные цели человека соотносятся им с пространственным контекстом его жизнедеятельности, а именно с теми возможностями или ограничениями, которые ему предоставляют условия его жизненной ситуации.

Жизненные цели человека соотносятся им с временным контекстом его жизнедеятельности, а именно с успешным или неуспешным опытом по реализации своих целей в прошлом, а также с его представлениями о своем будущем.

Для описания жизненных целей человека и особенностей его целеполагания в нашем исследовании была создана опросная форма, в которой фиксировались значимость целей в основных сферах жизнедеятельности человека, удовлетворенность своей реализацией в них, оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для достижения этих целей и др. В качестве таковых рассматривались профессиональная и материальная сферы, сфера межличностных отношений и сфера саморазвития (стремление к личностному росту). (Данные сферы были выделены в результате ранее проведенных исследований, см. Костромина, Гришина, Москвичева, Зиновьева, 2021). Соответственно указанным сферам были сформулированы цели человека: 1) «иметь хорошую работу, стать профессионалом в своем деле, добиться высокого статуса»; 2) «быть финансово обеспеченным человеком, иметь достаток, хорошее материальное положение и жилищные условия»; 3) «иметь хорошую семью, детей, круг близких людей»; 4) «стать более гармоничным человеком, расширить свой кругозор, уделять внимание самообразованию и самосовершенствованию, заниматься собой». Фиксировались значимость данных целей для человека, возможность их реализации в актуальных условиях жизненной ситуации, удовлетворенность своей реализацией в данных сферах, готовность к изменениям жизненной ситуации ради достижения своих жизненных целей. Общий объем опросника — 40 пунктов. Помимо этого, использовались методики, позволяющие выявить личностные особенности в качестве гипотетических факторов, связанных с целеполаганием («Потенциал самоизменений», В.Р. Манукян, И.Р. Муртазина, Н.В. Гришина; «Тест экзистенциальных мотиваций» А. Лэнгле; «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо).

Для получения интегральной характеристики жизненной позиции человека с точки зрения его готовности / неготовности к изменениям своей

жизненной ситуации и самоизменениям был проведен иерархический кластерный анализ переменных методом Уорда с интервальной мерой квадрата расстояния Евклида), позволивший выделить три кластера, объединившие данные 49,7, 36,8 и 13,5 процентов участников выборки. Для описания кластеров был произведен сравнительный анализ с использованием непараметрического критерия Краскала — Уоллиса для независимых выборок по переменным выделенных факторов.

Выборка

Общий объем выборки составил 350 человек. 45,9% женщин и 53,8% мужчин. В опросе принимали участие молодые люди (84,8% в возрасте от 17 до 25 лет); 63,8% из них учатся, 23,6% учатся и работают.

Результаты исследования

Полученные в исследовании результаты показали связь целей человека с вероятностью их достижения в конкретных условиях его жизненной ситуации, оцениваемых им с точки зрения того, насколько ему уже удалось реализовать планы и ожидания прошлого, а значимость целей в конкретных сферах жизнедеятельности определяется тем, что человек готов сделать для их достижения, в том числе изменить свою жизненную ситуацию или измениться самому. Тем самым был подтвержден тезис о контекстуальном характере целей (часть результатов исследования изложена в коллективной статье: Гришина и др., 2023).

В результате факторного анализа были выделены 5 факторов, описывающих полученные данные. Три фактора относились к значимости целей в различных сферах жизни и готовности к изменению своей жизненной ситуации ради их достижения (значимость социальных целей — статуса и материального достатка; значимость целей в области межличностных отношений — семья, друзья; значимость целей саморазвития и личностного роста), один отражал готовность к самоизменениям ради достижения своих целей, еще один — оценку возможностей актуальной ситуации для достижения этих целей. Именно этот последний фактор имел наибольшее число значимых корреляций с показателями личностных методик (шкалами потенциала самоизменений, показателями экзистенциальной мотивации и временной перспективы).

В данной публикации мы представляем результаты, описывающие обобщенные характеристики жизненной позиции человека с точки зрения его готовности/неготовности к изменениям своей жизненной ситуации и самоизменениям, полученные в результате кластерного анализа переменных, входящих в описанные факторы. Далее между кластерами был проведен сравнительный анализ (с использованием непараметрического

критерия Краскала — Уоллиса для независимых выборок по дополнительным переменным).

Между выделенными кластерами были выявлены следующие различия (все приведенные данные имеют статистически значимый характер).

Первый кластер (47 человек, 13,5%) характеризуется самыми высокими показателями по всем факторам, которые значимо отличаются от тех же у двух других: выше других оцениваются значимость реализации собственных целей в основных сферах жизнедеятельности, возможности актуальной ситуации для их реализации, готовность к изменениям ради достижения своих целей. По личностным параметрам для данного кластера характерны самые высокие показатели общего потенциала самоизменений, потребности в самоизменениях, способности к самоизменениям и веры в возможность самоизменений, ориентация на будущее и гедонистическое настоящее. В целом, для первого кластера характерна сильная выраженность значимости жизненных целей и при высокой оценке возможностей актуальной ситуации для достижения своих целей высокая готовность к изменениям.

Второй кластер (174 человека, 49,7% выборки): оценки значимости целей в разных сферах жизни имеют невысокий характер, несколько выше только в области межличностных отношений, при этом возможности своей актуальной жизненной ситуации для достижения своих целей оцениваются достаточно высоко, а готовность к самоизменениям ради их достижения низко. По личностным методикам для данного кластера характерны средние (по сравнению с двумя другими) оценки общего потенциала самоизменений, потребности в самоизменениях, способности к ним и веры в возможность самоизменений. Для данного кластера характерна ориентация на позитивное прошлое и — что особенно его отличает — высокие показатели (выше, чем в двух других кластерах) практически по всем шкалам экзистенциальных мотиваций: доверия к миру, ценности жизни, самоценности, смысла жизни и общей экзистенциальной исполненности; именно это, возможно, позволяет представителям данного кластера ощущать свое благополучие и проявлять неготовность к изменениям.

Третий кластер (129 человек, 36,8% выборки): низкие оценки значимости собственных целей в различных сферах жизнедеятельности — они имеют самые низкие (по сравнению с другими кластерами) значения. С ними связаны низкие оценки готовности к изменениям и наиболее низкая оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для достижения своих целей. Ни в одной из этих сфер представители данного кластера не имеют целей, значимость которых они оценивали бы выше других кластеров. Выявленные тенденции поддержаны данными личностных опросников. Для данного кластера характерны самые низкие оценки общего потенциала самоизменений, потребности в самоизменениях, способности к ним и веры в возможность самоизменений, более высокая ориентация на негативное прошлое

и фаталистическое настоящее, неверие в свои возможности влиять на свою судьбу и события своей жизни.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют описать (соответствующие кластерам) следующие типы отношений человека с миром своей жизни:

1. Направленность на преадаптивные изменения — жизнетворчество (основана на наличии высокозначимых целей в конкретных сферах жизни, высокой оценке возможности актуальной жизненной ситуации для их достижения, выраженной готовности к изменениям и др.).

2. Направленность на адаптивные изменения (средняя значимость целей в конкретных сферах жизни, высокая оценка возможностей актуальной жизненной ситуации для их достижения, средняя готовность к изменениям и др.).

3. Неготовность (неспособность) к адаптивным изменениям (отсутствие значимых жизненных целей или их низкая оценка, низкая оценка возможностей актуальной жизненной ситуации, неготовность к изменениям и др.).

Проведенное исследование подтвердило решающее значение целевого компонента для описания способа отношений человека с реальностью. Именно выраженность целевой ориентации является важнейшей составляющей адаптивных и преадаптивных стратегий изменения. Наличие значимых жизненных целей лежит в основе ориентации на будущее и готовности к преадаптивным изменениям. Отсутствие жизненных целей или их невысокая значимость ограничивают человека адаптивными изменениями или полной неготовностью к каким-либо изменениям.

Полученные результаты позволили подтвердить ряд положений ранее обозначенной нами гипотетической модели целевой регуляции активности человека: цели имеют контекстуальный характер, наличие или отсутствие значимых жизненных целей и степень выраженности целевой ориентации становится значимым, системообразующим признаком, определяющим отношения человека с окружающим миром.

Проведенное исследование выполнено в соответствии с методологическим принципом единства личности и ситуации, сформулированным, как ранее отмечалось, К. Левином. Эмпирические подтверждения неразрывной связи личностных и контекстуальных факторов были получены нами и в других исследованиях.

Предметом проведенного под нашим руководством исследования В.Д. Мамаевой-Найлз являлось изменение целей человека в связи с изменением ситуации. Участникам эксперимента предлагались ситуации, которые оценивались ими с точки зрения их возможностей для реализации тех или иных целей. Кроме этого, они оценивали и свое предполагаемое состояние в каждой из предложенных ситуаций. Далее им предъявлялись те же ситуации, в которые

были внесены изменения, препятствующие достижению их целей или по меньшей мере ограничивающие возможности их реализации.

Полученные результаты подтвердили контекстуальный характер целей человека: цели человека значимо изменяются в связи с изменением ситуации и соответственно с изменением ситуационных возможностей, которые ситуация предоставляет; таким образом, цели человека тесно связаны с контекстом их реализации. Кроме этого, полученные данные позволяют рассматривать их как подтверждение тесной связи личности и контекста ее жизнедеятельности. Ситуации предоставляют разные возможности для достижения целей, при оценке ситуации человек выделяет именно те ее аспекты, которые важны для достижения его целей. Личностные особенности человека оказываются значимым фактором в восприятии ситуации человеком, при этом они проявляют себя по-разному в зависимости от ситуации. Так, в ситуациях официального характера, связанных с работой и финансами, значимо проявляются такие черты личности, как открытость опыту и добросовестность, в ситуациях межличностных отношений — экстраверсия и доброжелательность. При изменении ситуации в эксперименте, нарушающем ожидания человека, происходит резкое изменение целей человека, усиливается негативность в оценке ситуации и статистически значимое влияние на эту оценку начинает оказывать параметр нейротизма (Мамаева-Найлз, Гришина, 2024; Мамаева-Найлз, 2023).

Предметом еще одного выполненного под нашим руководством исследования Ч. Чжоу было исследование связи реализации человеком целей в основных сферах жизни с осмысленностью жизни. Участниками исследования были представители российской и китайской культур (143 и 150 человек соответственно). Результаты исследования в обеих выборках подтвердили связь жизненных целей человека с особенностями культурного контекста, в том числе и в факторах, определяющих осмысленность жизни. Для российской части выборки осмысленность жизни оказалась связанной со значимостью жизненных целей и возможностями их достижения, для китайской выборки — с готовностью к изменениям ради достижения своих целей, удовлетворенности жизнью, а также (в отличие от российской выборки) с ориентацией на семейные и традиционные ценности и близостью к родительской семье. При наличии этих различий главным результатом исследования стало подтверждение основной гипотезы исследования о контекстуальном характере целей и их связи с осмысленностью жизни (Чжоу, 2024).

Заключение

Одной из важнейших методологических идей современной психологии является идея контекстуальности как признание контекстуального характера

психологической феноменологии, как требование к ее изучению.

В свое время осознание ограниченности психологических исследований «вне времени и пространства» начинается с социальной психологии, наиболее «чувствительной» к изменениям реальности. В отечественной психологии приоритет в постановке и утверждении идеи контекстуальности принадлежит Г.М. Андреевой, сформулировавшей в качестве фундаментальных принципов современной социальной психологии ориентацию на социальные изменения и изучение социального контекста. За прошедшие десятилетия обозначенные ею ключевые векторы развития социальной психологии стали методологическими принципами всей психологической науки и, в первую очередь, психологии личности.

Исследование отношений человека с контекстом сталкивается с рядом методологических и методических трудностей, связанных прежде всего с решением задач согласованного описания личности и контекста ее жизнедеятельности. В наших исследованиях изучалась возможность использования концепта целей как единицы описания взаимодействия человека с контекстом.

Цели являются важнейшим параметром, отражающим отношения человека с окружающим миром, единство человека и ситуации, в свое время обозначенное методологическими предложениями К. Левина. Полученные в эмпирических исследованиях результаты подтвердили гипотетические предположения о контекстуальном и уровневом характере целей человека, их решающую роль в степени активности позиции человека в его отношениях к окружающим миром.

Взаимодействие человека с окружающим миром — это проблемное поле, объединяющее интересы социальной психологии и психологии личности. Именно здесь сбываются прогнозы Г.М. Андреевой о связи новых векторов развития социальной психологии с перспективами появления новых подходов к исследованию личности.

Отношения человека с окружающим миром — это форма проявления целостности личности, именно во взаимодействии с ним личность проявляется интегральным образом. Такая трактовка целостности личности открывает перспективы ее новых исследований.

Список литературы

- Андреева, Г.М. (2002). В поисках новой парадигмы: традиции и старты XXI века. В кн.: Социальная психология в современном мире. Под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. (С. 9–26). Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. *Психологические исследования*, 2(3). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1000>
- Бернштейн, Н.А. (1990). Физиология движений и активность. Москва: Изд-во «Наука».
- Выготский, Л.С. (1984). Собрание сочинений: в 6 тт. Т. 4. Детская психология. (С. 376–385). Москва: Изд-во «Педагогика».
- Гришина, Н.В. (2023) Целевая регуляция поведения человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 310–323. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Гришина, Н.В., Аванесян, М.О., Макарова, М.В., Мамаева-Найлз, В.Д. (2023). Контекстуальный характер жизненных целей: ситуационные и индивидуально-психологические детерминанты целеполагания. *Российский психологический журнал*, 20(3), 6–28. <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1>
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Москвичева, Н.Л., Зиновьева, Е.В. (2021). Жизненные модели молодежи: изменения и традиции. *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки*, 1(103), 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
- Леонтьев, А.Н. (1977). Деятельность. Сознание. Личность. Москва: Изд-во «Политиздат».
- Леонтьев, Д.А. (2016). Экзистенциальный подход в современной психологии личности. *Вопросы психологии*, (3), 3–15.
- Мамаева-Найлз, В.Д. (2023) Изменение саморепрезентации личности в условиях неконгруэнтности целей и ситуационных возможностей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 375–395. <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.306>
- Мамаева-Найлз, В.Д., Гришина, Н.В. (2024). Личность в ситуациях целевой неконгруэнтности: факторы оценивания. *Новые психологические исследования* (1), 30–56. https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_01_02
- Рубинштейн, С.Л. (2003). Бытие и сознание. Человек и мир. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Фейгенберг, И.М. (2011). Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. Москва: Изд-во «Медицинское информационное агентство».
- Чжоу, Ч. (2024). Жизненные цели как смыслообразующий фактор жизни представителей русской и китайской культур. *Новые психологические исследования*, (1), (57–78). https://doi.org/10.51217/npsyresearch_2024_04_01_03
- Geukes, K., Nestler, St., Hutteman, R., Küfner, A., Back, M. (2017). Trait Personality and State Variability: Predicting Individual Differences in within- and Cross-Context Fluctuations in Affect, Self-Evaluations, and Behavior in Everyday Life. *Journal of Research in Personality*, (69), 124–138.
- Israel, J., Taifel, H. (eds.). (1972). The Context of Social Psychology: A critical assessment. New York: Academic Press Publ.
- Magnusson, D. (ed.). (1981). Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. New Jersey: Hillsdale Publ.
- Rauthmann, J., Sherman, R., Funder, D. (2015). Principles of Situation Research: Towards a Better Understanding of Psychological Situations. *European Journal of Personality*, (29), 63–381.
- Rauthmann, J.F., Sherman, R.A. (2018). The Description of Situations: Towards Replicable Domains of Psychological Situation Characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(3), 482–488. <https://doi.org/10.1037/pspp0000162>
- Thomas, W., Znaniecki, F. (1958). The Polish Peasant in Europe and America. New York: Alfred A. Knopf Publ.

References

- Andreeva, G.M. (2002). In search of a new paradigm: traditions and starts of the XXI century. In: Social psychology in the modern world. In: G.M. Andreeva, A.I. Dontsova. (pp. 9–26) Moscow: Aspect Press Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2009). Social Psychology: Vectors of a New Paradigm. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 2(3). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1000>
- Bernstein, N.A. (1990). Physiology of movements and activity. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Geukes, K., Nestler, St., Hutteman, R., Küfner, A., Back, M. (2017). Trait Personality and State Variability: Predicting Individual Differences in within- and Cross-Context Fluctuations in Affect, Self-Evaluations, and Behavior in Everyday Life. *Journal of Research in Personality*, (69), 124–138.
- Grishina, N.V. (2023). Purpose Regulation of Human Behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13(3), 310–323. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.302>
- Grishina, N.V., Avanesyan, M.O., Makarova, M.V., Mamaeva-Niles, V.D. (2023). The Contextual Nature of Life Goals: Situational and Individual Psychological Determinants of Goal Setting. *Russian Psychological Journal*, 20(3), 6–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.21702/rpj.2023.3.1>
- Feigenberg, I.M. (2011). Man Completed and Ethics. Civilization as a stage in the development of life on Earth. Moscow: Medical Information Agency Publ. (In Russ.)
- Israel, J., Taifel, H. (Eds.). (1972). The Context of Social Psychology: A critical assessment. New York: Academic Press Publ.
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Moskvicheva, N.L., Zinovieva, E.V. (2021). Life Models of Youth: Changes and Traditions. Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. *Humanities and Social Sciences*, 1(103), 79–98. <https://doi.org/10.22204/2587-8956-2021-103-01-79-98>
- Leontyev, A.N. (1977). Activity. Consciousness. Personality. Moscow: Politizdat Publ. (In Russ.)
- Leontyev, D.A. (2016) Existential approach in modern psychology of personality. *Voprosy psikhologii*, (3), 3–15. (In Russ.)
- Magnusson, D. (ed.). (1981). Toward a Psychology of Situations: An Interactional Perspective. New Jersey: Hillsdale Publ.
- Mamaeva-Niles, V.D. (2023). Personality Self-Representation Change in Circumstances of “Goal — Affordance” Incongruity and Situational Opportunities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 13(3), 375–395. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/spbu16.2023.306>
- Mamaeva-Niles, V.D., Grishina, N.V. (2024). Personality In Situations of Goal Incongruence: Assessment Factors. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (1), 30–56. (In Russ.). https://doi.org/10.51217/npsyre-search_2024_04_01_02
- Rauthmann, J., Sherman, R., Funder, D. (2015) Principles of Situation Research: Towards a Better Understanding of Psychological Situations. *European Journal of Personality*, (29), 363–381.
- Rauthmann, J.F., Sherman, R.A. (2018). The Description of Situations: Towards Replicable Domains of Psychological Situation Characteristics. *Journal of Personality and Social Psychology*, 114(3), 482–488. <https://doi.org/10.1037/pspp0000162>
- Rubinshtein, S.L. (2023). Being and consciousness. Man and the World. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Thomas, W., Znaniecki, F. (1958). The Polish Peasant in Europe and America. New York: Alfred A. Knopf Publ.
- Vygotsky, L.S. (1984). Collected works: in 6 vol. Vol. 4. Child psychology. (pp. 376–385.). Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ.)
- Zhou, Ch. (2024) Life goals as a meaning-forming factor in the lives of representatives of Russian and Chinese cultures. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (1), 57–78. (In Russ.). https://doi.org/10.51217/np-syre-search_2024_04_01_03



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Гришина, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.v.grishina@spbu.ru, <https://orchid.org/0000-0001-6763-7389>

Natalia V. Grishina, Doctor of Sci. in Psychology, professor, Department of Personality Psychology, the Faculty of Psychology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation, n.v.grishina@spbu.ru, <https://orchid.org/0000-0001-6763-7389>

Поступила: 20.05.2024; получена после доработки: 25.06.2024; принята в печать: 15.08.2024.

Received: 20.05.2024; revised: 25.06.2024; accepted: 15.08.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0302>
УДК/UDC 316.6

Социальное познание и социальный контекст: новое прочтение научного наследия Г.М. Андреевой

Д.А. Хорошилов ✉

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация

✉ d.khoroshilov@gmail.com

Резюме

Актуальность. Актуальность теоретического исследования рецепции научного наследия Г.М. Андреевой в социальной психологии и смежных дисциплинах обусловлена возрастающим вниманием к психологии неопределенности и транзитивного общества, которое является результатом исторического процесса модернизации, понимаемого как кризисный переход от традиционного образа мышления и жизни к современному.

Цель. Цель статьи заключается в том, чтобы показать эвристичность идей, предложенных Г.М. Андреевой в современной психологии и обозначить новые направления исследования социального познания как процесса конструирования образа социального мира в ситуации социальных трансформаций.

Выборка. Проводится метаанализ теоретических и эмпирических исследований, опирающихся на подход Г.М. Андреевой; выборку составили представители различных социальных групп российского общества, что позволяет сделать выводы о структуре образа мира, конструируемого в обыденном и массовом сознании под воздействием радикальных социальных преобразований.

Методы. Используются методы исторической и психологической герменевтики и компаративистского анализа, а также комплекс методов качественных исследований.

Результаты. Раскрыты эпистемологические и концептуальные принципы научной школы социальной психологии Г.М. Андреевой, в центре которой находится проблематика социального познания. Выделены способы концептуализации социального контекста (жизненный мир, жизненное пространство, социальные институты) и единицы его описания и анализа (когнитивные, аффективные и поведенческие). Представленная в статье система категорий психологического анализа контекста (образ социального мира — коллективное переживание — копинг-стратегии) позволяет детально изучить феноменологию и механизмы социального познания в изменяющемся транзитивном обществе, а также задать направления дальнейших исследований темы.

Выводы. Доказана актуальность идей и научных прогнозов Г.М. Андреевой, которые получили эмпирическое подтверждение в современных междисциплинарных исследованиях и дают прочное теоретико-методологическое основание для психологического понимания и объяснения социальных изменений.

Ключевые слова: модернизация, социальные изменения, социальная психология, социальное познание, социальный контекст, принцип неопределенности

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00140, тема проекта «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

Для цитирования: Хорошилов, Д.А. (2024). Социальное познание и социальный контекст: новое прочтение научного наследия Г.М. Андреевой. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 20–30. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0302>

Social Cognition and Social Context: a New Reading of the Scientific Heritage of G.M. Andreeva

Dmitry A. Khoroshilov ✉

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

✉ d.khoroshilov@gmail.com

Abstract

Background. Studying the reception of the scientific heritage of G.M. Andreeva in social psychology and related disciplines is relevant due to the increasing attention to the psychology of uncertainty and transitive society. This attention is the result of the historical process of modernization, understood as a crisis transition from a traditional way of thinking and life to a modern one.

Objective. The purpose of the article is to show the heuristic nature of the ideas proposed by G.M. Andreeva in modern psychology as well as to identify new directions for the study of social cognition as a process of constructing an image of the social world in a situation of social transformations.

Study Participants. A meta-analysis of theoretical and empirical studies based on the approach of G.M. Andreeva is carried out. The sample was made up of representatives of various social groups of Russian society, which allows us to draw conclusions about the structure of the image of the world, constructed in everyday and mass consciousness under the influence of radical social transformations.

Methods. Methods of historical and psychological hermeneutics and comparative analysis are used, as well as a complex of qualitative research methods.

Results. The epistemological and conceptual principles of G.M. Andreeva's scientific school of social psychology are revealed. These principles focus on the problems of social cognition. The ways of conceptualizing the social context (life-world, life space, social institutions) and the units of its description and analysis (cognitive, affective and behavioral) are highlighted. The system of categories for psychological analysis of contexts presented in the article (image of the social world — collective emotions — coping strategies) allows us to study the phenomenology and mechanisms of social cognition in a changing transitive society, as well as to set directions for further research on the topic.

Conclusions. The relevance of the ideas and scientific forecasts of G.M. Andreeva has been proven. The ideas have received empirical confirmation in modern interdisciplinary research and provide a solid theoretical and methodological basis for the psychological understanding and explanation of social change.

Keywords: modernization, social change, social psychology, social cognition, social context, uncertainty principle

Funding. The study has been supported by Russian Science Foundation (RSF), project No. 22-18-00140, Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty.

For citation: Khoroshilov, D.A. (2024). Social cognition and social context: a new reading of the scientific heritage of G.M. Andreeva. *National Psychological Journal*, 19(3), 20–30. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0302>

Введение

Социальные изменения и социальный контекст в работах Г.М. Андреевой

Несмотря на то обстоятельство, что категория социального изменения была введена в научный обиход в 1922 г. У. Огборном, идея о постоянной изменчивости социального является константной в истории философии от Гераклита (все движется и не остается на месте) до Г. Гегеля (считавшего изменение неотъемлемой характеристикой воплощения абсолютного духа, а также существования и исчезновения народов).

Социальное изменение, определяемое как переменна в базовых структурах организации общества, то есть в отношениях и группах, является постоянным явлением, но сегодня отличается особой интенсивностью и затрагивает все сферы жизни (Гидденс,

Саттон, 2018). Ускорение социальных изменений связано с процессом модернизации общества — перехода от традиционного образа жизни к современному; в исторической социологии убедительно показывается множественность локальных форм модернизаций (Травин, 2022).

Согласно формуле С. Хантингтона, модернизация порождает стабильность, но сам процесс модернизации порождает нестабильность вследствие острого конфликта традиции и современности, который становится источником социокультурной напряженности, что ярко проявилось в революционных событиях в России 1917 г. (Миронов, 2018; Фицпатрик, 2023). Результатом модернизации является новый текучий, жидкий мир, непредсказуемо изменяющийся очертания под воздействием даже незначительных событий и сил (Бауман, Донскис, 2019). Процессы

модернизации накладывают неминутый отпечаток на личность человека, который может испытывать разочарование в современности и ностальгировать по идеализированному прошлому, «золотому веку» традиционного устойчивого общества (Штомпка, 1996). Модернизация «запускает» социальные изменения, которые порождают кризисные эмоциональные состояния, но и стимулируют поиск конструктивных стратегий *ментального* овладения современностью (Асмолов, Гусельцева, 2015).

Казалось бы, Г.М. Андреева приступала к разработке дисциплинарной структуры социальной психологии в советскую эпоху с характерным для нее массовым убеждением (как покажут вскоре исторические события, — иллюзорным) в незыблемости и устойчивости социального порядка: «*Это было навсегда, пока не кончилось*» (Юрчак, 2014). Принимая приглашение А.Н. Леонтьева организовать кафедру социальной психологии в Московском университете, Г.М. Андреева фактически откликнулась на научный призыв «подойти к объяснению специфических особенностей индивидуального человека, его деятельности и психики со стороны анализа соотношения и связи этих особенностей с достижениями развития предшествующих поколений людей, общества» (Леонтьев, 1965, с. 354). Научно-исследовательские разработки основанной ею школы социальной психологии оказались, впрочем, эвристичными для анализа не только стабильного, но и *изменяющегося общества*.

Психология личности всегда должна анализироваться при предшествующем анализе *социального контекста* (Андреева, 1999а), который представляет собой систему малых и больших групп, складывающихся в конфигурацию институтов социализации. Оказываясь в лабиринте социальных групп и институтов, человек на протяжении своего жизненного пути вступает в смысловую сеть непрестанных коммуникаций и взаимодействий с другими людьми, усваивает определенные установки, ценности и роли, из которых он конструирует Я-концепцию и идентичность; классическая предметная структура социальной психологии: общение — группы — личность (Андреева, 1980, 2007). Проблема личности оказывается не начальным пунктом социальной психологии, а ее логическим завершением. Г.М. Андреева воплощает мысль А.Н. Леонтьева о том, что личность является внутренним моментом деятельности человека, которая включена в систему социальных отношений. В общении и совместной деятельности в *реальных* группах формируется личность человека.

Верность принципу контекстуальной обусловленности восприятия и действия, восходящему к хрестоматийным работам К. Левина, позволила Г.М. Андреевой приступить к активной «перестройке» социальной психологии (Андреева, 1988) в период перестройки политической, обернувшейся распадом СССР и радикальными трансформациями уже постсоветского, нового российского общества. В 1990-е гг. Г.М. Андреева совершает переход от изучения социальной

перцепции индивидов и групп к *психологии социального познания* (Андреева, 1999б). В зарубежной традиции исследования социального познания отвечают на вопрос о том, как люди понимают себя и других, строят картину ментальных состояний других людей («модель психического»), на основе которой интерпретируют намерения и прогнозируют поведение друг друга в различных социальных ситуациях (Сергиенко, 2021; Холмогорова, 2016; Fiske, Taylor, 2021). Способность к «чтению» психических состояний другого человека выступает главным механизмом группобразования и социализации.

Психология социального познания в работах Г.М. Андреевой не ограничивается межличностным восприятием и познанием людьми друг друга. Речь идет о том, как человек конструирует образ социального мира в обыденном и *массовом сознании*, категоризирует и интерпретирует социальную информацию (Андреева, 2005, 2012). Конструируемый образ мира предстает как социальная реальность, в которой люди взаимодействуют между собой и частично переделывают ее под себя. Г.М. Андреева объединяет положения деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, когнитивной и нарративной психологии Дж. Брунера, социальной феноменологии А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, а также социального конструкционизма К. Гегена. Конструкция реальности не означает ее нереальности; социальная конструкция артикулирует или «высвечивает» характеристики окружающей реальности, значимые для субъекта (Лекторский, 2018). Эта позиция получила название *конструктивного реализма*.

В небольшой работе, написанной Г.М. Андреевой совместно с А.Н. Леонтьевым в далеком 1974 г. (Андреева, Леонтьев, 2018), выделяется три вида социальных изменений: 1) радикальные и революционные преобразования; 2) изменения конкретных областей общественной деятельности (социальных институтов); 3) изменения деятельности малых групп и входящих в них индивидов. Психологический фокус внимания ограничивается восприятием этих изменений и изучением способов адаптации к ним при стремлении сохранить позитивную самооценку. Данная концепция, тезисно обозначенная, остается ведущей и для позднего научного творчества Г.М. Андреевой, в котором обосновывается *принцип неопределенности* в познании социальных явлений.

Сегодня возникает новый критерий социального неравенства — не канонические для социальных наук доход, власть, образование и престиж, а адаптированность к изменениям или сопротивление им (Шваб, 2016), то есть принятие неопределенности, разнообразия и сложности или отвержение или упрощение изменяющейся реальности (Асмолов и др., 2020). Неопределенность становится характеристикой современного общества как общества *транзитивного*, которое все интенсивнее «раскачивается» между полюсами жестких (кризисных) и мягких (текучих) изменений, резких преобразований социальной

ситуации и эмоционального состояния человека и постепенных, но неуклонных трансформаций, которые в психологическом отношении переносятся на много болезненнее (Марцинковская, 2021). В дисциплинарном пространстве социальной психологии неопределенность определяется как *субъективное восприятие и переживание* социальных изменений, которое характеризуется множественностью, разнонаправленностью, непредсказуемостью и неконтролируемостью развития событий (Белинская, 2022). Принцип неопределенности стал за последние годы одним из ключевых для отечественной психологии.

Если уместно обратиться к размышлениям О.А. Седаковой, то можно утверждать, что принятие неопределенности в социальном познании закономерно приводит к тому, что «в такую переломную эпоху никто не знает, чего ждать и как себя вести. Это состояние можно назвать растерянностью. Чувствуется, что начинается или уже началась совсем другая эпоха, но куда она развернется — как представить?» (Седакова, 2019). Таким образом, требуется разработать *стратегии научной репрезентации* социального контекста, который выступает в роли «проводника» изменений для отдельного человека. В данном случае будет исполнена «миссия» социальной психологии как исторической науки об изменяющихся со временем фактах (К. Герген), науки о взаимодействии между изменением и личностным выбором (А. Тэшфел), эпистемологии современного общества (С. Московиси), а в терминах Г.М. Андреевой — социальная психология активно включится в диагностику и разрешение актуальных социальных проблем (Андреева, 2009).

Проблема концептуализации и локализации социального контекста

Эпистемологический примат контекстуализма заключается в том, что любое явление может быть познано не исходя из самого себя, а в соотношении со своим окружением. В указанном отношении контекстуализм можно считать реализацией общепсихологического *принципа системности*. В психологии особое значение контекстуальной обусловленности познания и действия придавалось У. Джеймсом, К. Бюлером, Л.С. Выготским и, разумеется, К. Левином. Понятие контекста остается не до конца очевидным: любая контекстуализация есть локализация изучаемого явления в определенной реальности (Касавин, 2005).

Какие способы контекстуальной локализации социального познания выделить в рамках психологического исследования?

Во-первых, социальный контекст представляется с точки зрения философской и социальной феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца как *жизненный мир*, целостность опыта межличностного общения, которая может быть описана как интерсубъективно разделяемая система типических значений. «Изучение всеобщих принципов, в соответствии с которыми человек в повседневной жизни организует свой опыт,

и особенно опыт социального мира, является главной задачей методологии социальных наук» (Шюц, 2004, с. 61). Область социального познания с феноменологической точки зрения ограничивается контекстом повседневной жизни и ее «пристрастного» отражения в обыденном сознании.

Во-вторых, на уровне психологического исследования жизненный мир правомерно рассматривать как психологическое поле или жизненное пространство (Гришина, 2018), которое, согласно К. Левину, представляет собой динамическое взаимодействие личности и ситуации. Тем самым объединяется субъективная интерпретация ситуации и дальнейшее реальное действие в ней. От К. Левина начинается свой отсчет экспериментальная социальная психология, которая стремилась смоделировать условия возникновения и принятия людьми немецкого фашизма как воплощения «банальности зла» по знаменитой гипотезе Х. Арендт (Гилович, Росс, 2019; Хорошилов, 2022).

Параллельно теории К. Левина и экспериментальной социальной психологии идеи о ситуационной детерминации мышления и поведения человека разрабатывала в уникальных записках Л.Я. Гинзбург, которая опиралась на личный опыт выживания в Ленинградской блокаде: «Современное понимание — не человек, а ситуация. Пересечение биологических и социальных координат, из которого рождается поведение данного человека, его функционирование. Человек как функция этого пересечения» (Гинзбург, 2011, с. 294). В настоящее время предпринимается опыт осмысления идей Гинзбург в интеллектуальном контексте культурно-исторической психологии (Хорошилов, 2020). Я намеренно сейчас не касаюсь вопроса о соотношении социального и культурного контекста (Андреева, 2013б).

В-третьих, жизненным пространством или ситуацией практической деятельности выступает *социальная группа*. Напомним классическое определение малой группы согласно Г.М. Андреевой: общественные отношения выступают в форме непосредственных личных контактов. Не стоит интерпретировать данное определение как идеологически окрашенное советской теорией коллектива: группа может принимать или не принимать *деятельности, задаваемые обществом извне* (Андреева, 2011). Такие «внешние» по отношению к группе системы деятельностей задаются *социальными институтами* как агентами социализации, устанавливающими отношения между личностью и группой.

В психологии четко усвоена концепция экологических систем У. Бронфенбреннера, предполагающая выделение нескольких сфер влияния на процесс социализации личности: микроуровень — промежуточный уровень — макроуровень, который относится по своему содержанию к социальным институтам. В менее известной психологам институциональной теории институты предстают как ограничительные рамки взаимодействий между людьми, воспринимаемые независимо от индивидов и задающие

специфический когнитивный стиль и образ жизни (Аузан, 2017; Дуглас, 2020; Норт; 1997). Редко отмечается, что на кафедре социальной психологии МГУ учениками Г.М. Андреевой реализован уникальный подход к исследованию институциональной детерминации социального познания, опосредствуемого организационной культурой, политикой, экономикой, средствами массовой информации и так далее, что определяет содержание соответствующих направлений *практической социальной психологии*. Как человек познает социальный мир в этом хитросплетении организационных, политических, экономических и прочих отношениях, воплощаемых для него в неустанной работе социальных институтов, упорядочивающих повседневную жизнь?

Социальные изменения затрагивают прежде всего функционирование институтов как структурных образующих общества, которые утрачивают легитимный статус в глазах его участников. В процессе социализации учащаются случаи «сбоев» в межпоколенческой трансляции социально полезного знания, помогающего ориентироваться в обществе. Слом задаваемых институтами стереотипов, ценностей и моделей идентичностей оборачивается *социальной травмой* (П. Штомпка) и *культурным шоком* (К. Оберг) как психологическими формами дезориентации в изменяющемся социальном пространстве. Имеется и обратное воздействие: сложный и противоречивый комплекс массовых настроений и переживаний, установок, ценностей, образов и представлений, называемый *психологическим состоянием общества*, оказывает влияние на функционирование институтов, в частности, публичной политики (Шестопал, 2022). Так или иначе, анализ социального познания под воздействием трансформации институтов как форм репрезентации и локализации социального контекста требует разработки специального концептуального инструментария.

В поисках психологических единиц описания и анализа социального контекста

К. Левин сетовал, что в современной ему психологии нет понятий, которые могли бы зафиксировать динамическое взаимодействие личности и окружения. Психологическое поле являлось, в сущности, первым конструктом на пути разработки новых понятий такого плана. Сегодня предпринимаются интересные попытки выделить концептуальные единицы описания и анализа контекста: Н.В. Гришина (Гришина, 2023) разводит его *когнитивное измерение* («образ ситуации» по У. Томасу), *аффективное* (переживание как отношение личности и среды по Л.С. Выготскому) и *поведенческое*, что в логике Н.В. Гришиной уместнее обозначить скорее как *интенциональное* (целевая регуляция активности). Обратимся к этой удобной схеме для анализа структуры восприятия социального контекста.

В оригинальном тексте У. Томаса нет его знаменитой «теоремы», а есть случайный комментарий к кли-

ническому случаю; формула, согласно которой, если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны и по своим последствиям, приобретает известность после работ Р. Мертона о самоисполняющемся пророчестве. С точки зрения Г.М. Андреевой «теорема» У. Томаса согласуется с идеей о том, что образ мира формируется во взаимодействии человека и мира и вместе с тем опосредствует это взаимодействие.

Важнейшая функция образа социального мира заключается в ориентации в ситуации неопределенности, а с точки зрения структуры он представляет собой динамическое (в этом главное отличие от статичной картины или модели мира), нерелексивное и многослойное образование. В этих характеристиках Г.М. Андреева опирается на работы С.Д. Смирнова (Смирнов, 2016) и А.А. Леонтьева (Леонтьев, 2021), развивающие и уточняющие концепт образа мира. Кроме того, ею выделяются символические измерения или «элементы» образа социального мира, которые складываются в целостный образ общества: 1) *индивидуальное* (социальная идентичность); 2) *групповое* (социальные представления); 3) *пространственно-временное*, ассоциирующееся сегодня с исследованиями коллективной памяти, жизненных моделей, образа социального пространства, например, городской среды.

В одной из своих последних публикаций (Андреева, 2013а) Г.М. Андреева обращала внимание на возможность расхождения образа мира и реального мира (кстати, в настоящем допущении имеется существенное отклонение от классического подхода А.Н. Леонтьева, для которого образ всегда «вычерпывается» из объективной реальности). Провокационная гипотеза подтвердилась в исследованиях массового сознания российского общества 2010-х гг., констатирующих кризис понимания реальности в условиях стагнации и деградации постсоветских институтов (Гудков, 2022); ментальный диссонанс и дезинтеграцию как социальных представлений, так и коллективной памяти, сопровождаемые символическим уходом в идеализированное прошлое (Емельянова, 2016); поляризацию, расщепление и диффузию идентификационных структур личности (Соколова, 2015) и др.

Что касается *аффективного измерения* социального контекста, то Г.М. Андреева неоднократно подчеркивала значение эмоций и, в частности, настроения как мгновенной и быстрой оценки социальных событий, которая дополняет когнитивное конструирование образа мира. Эмоция выполняет функцию эвристики как принятия решения, что доказано в серии экспериментов Дж. Форгаса, ставших основой для модели «вливания аффекта» в социальное познание (*affect infusion model*). Он предостерегает от переоценки в культуре позитивных установок и хорошего настроения, в котором более вероятны когнитивные ошибки и искажения, в частности, фундаментальная ошибка атрибуции (Forgas, 2013).

В указанном отношении Дж. Форгас сходится с критической позицией Е. Иллуз. Е. Иллуз анализирует позитивный дискурс, привнесенный в массовое сознание терапевтическими практиками гуманистической и позитивной психологии, которые конструируют особый тип субъективности не обычных граждан, а «психождан», «для которых погоня за счастьем стала второй натурой, так как они верят, что их полная функциональность и ценность как личностей тесно связаны с их постоянной самооптимизацией с помощью психологических средств» (Иллуз, Кабанас, 2023, с. 206). Дискурс позитива несет угрозы эгоцентрического замыкания на собственной индивидуальности и размыванию социальных отношений.

В отечественной психологии для анализа эмоционального фактора в формировании образа социального мира используется категория не индивидуального (как традиционно у Л.С. Выготского, Б.М. Теплова и Ф.Е. Василюка), а *коллективного переживания* (вслед за Г. Шпетом). Восстановлению в научных правах понятия коллективного переживания во многом способствовала Т.Г. Стефаненко. Коллективное переживание не только фиксирует эмоционально-типическое отношение членов группы к продуктам общества и культуры, но и выполняет функцию ментального освоения социальных изменений, которое сопряжено с их мгновенной эмоциональной оценкой, что является развитием идей Дж. Форгаса об эмоции как эвристике — не на индивидуальном уровне анализе общества, а на групповом (Липатов, Стефаненко, 2015). Иными словами, коллективное переживание выступает аффективно-когнитивным механизмом конструирования образа изменяющегося мира.

В наших исследованиях описан специфический тип коллективных переживаний, характерных для массового сознания современного российского общества, — *прекарность*, которая определяется как хрупкость, незащищенность, уязвимость и неуверенность перед лицом социальных изменений (Хорошилов, 2022). Переживание прекарности, исходя из наших данных, разделяется представителями различных групп, и часто вне зависимости от их положения в социально-статусной иерархии. Психологическую структуру прекарного габитуса составляет резкое сокращение временной перспективы и горизонта планирования, а также нередуцируемая «хроническая» тревога, пронизывающая массовое сознание.

Если для родоначальника этого понятия П. Бурдьё прекарность означает отсутствие экономических гарантий и выступает критерием нового социального класса прекариата (линия продолжается в работах Г. Стэндинга и Дж. Батлера), то мы взяли на себя смелость реконцептуализировать прекарность как эмоциональное состояние, разделяемое членами больших социальных групп и выступающее фактором конструирования образа мира как несправедливого, опасного и конкурентного, но при этом мотивирую-

щее к гражданской солидарности и организации общественных движений.

Поведенческой единицей анализа социального контекста, на наш взгляд, выступают *копинг-стратегии* как особые формы социального поведения, позволяющие справиться со стрессовыми ситуациями (Крюкова, 2013). Объем статьи не позволяет подробнее раскрыть проблему совладания, отметим только, что привычные (выделяемые в психологии) копинги в неопределенности могут вообще перестать работать, и индивиды начинают изобретать их самостоятельно из текущего опыта. Анализ социального познания и социального контекста с применением концептуальных единиц образа мира, коллективного переживания, копинг-стратегий раскрывают, таким образом, многовариантные и сложные формы преадаптации и адаптации человека к ситуации неопределенности.

Новые факторы конструирования образа социального мира

«Неописуемые (не поддающиеся описанию) ситуации можно назвать и ситуациями принципиальной неопределенности. При обособлении и реализации этого свойства в чистом виде они как раз и являются теми «черными дырами», в которые могут попадать целые народы и обширные области человеческой жизни», — проницательно предупреждал М.К. Мамардашвили (Мамардашвили, 1992, с. 109). Не оказалось ли социальное познание в подобной ловушке «черной дыры» принципиальной неопределенности, о чем косвенно свидетельствуют приведенные ранее результаты исследований о невозможности построить внутренне согласованный образ мира, который мог бы объяснить для обыденного сознания непрерывные и находящиеся волнами друг на друга социальные изменения?

В недавнем историческом бестселлере Ш. Фицпатрик убедительно демонстрирует, что важнейшим фактором нарастания социальной неопределенности и шока от социальных изменений после распада СССР был не столько кризис политической власти и очевидные экономические проблемы, а сколько травматичная для массового сознания неспособность спрогнозировать и оправдать неожиданный, фактически случайный крах старого режима логикой истории (вопреки Гегелю и марксизму); для постсоветского, нового российского общества неизвестным и пугающим стало не только его будущее, но и собственное прошлое (Фицпатрик, 2023).

Сказанное предполагает, что исследования социального познания должны быть явно расширены и усовершенствованы за счет включения ряда междисциплинарных трендов, усложняющих привычную проблематику процесса конструирования образа мира, который опосредствуется следующими дополнительными факторами: 1) *глубинной медиатизацией* реальности; 2) актуализацией *архаических практик* риска и принятия решений вследствие невозможности прогнозирования в неопределенности;

3) *индивидуализацией общества* как стратегией обособления и психологической защиты от социальных проблем.

Во-первых, социальные изменения тесно связаны с повсеместным распространением средств массовой информации и глубинной медиатизацией реальности (Couldry, Hepp, 2017): новые медиа не транслируют информацию, а направляют внимание и общественное мнение; отныне мы лишены «непосредственного» способа восприятия реальности, которая изначально означается, «препарируется» массмедиа. Поэтому представляется уместным дополнить подход Г.М. Андреевой исследованием медиаконструирования образа мира, в котором задействованы такие специфические механизмы формирования *предвзятости* общественного восприятия и мнения, как установление повестки дня, фрейминг и прайминг (Кастельс, 2017). Медиаобраз социального мира становится *симулякром* (в терминологии Ж. Бодрийяра), семантически пустым образом без соотнесения с исходным подлинником, о чем упоминалось при обсуждении поздних размышлений Г.М. Андреевой о возможности расхождении образа и реальности под влиянием социальных изменений. Один из опасных социально-психологических эффектов медиатизации — диффузия границ между частным и публичным пространствами, которая делает человека уязвимым перед неконтролируемыми потоками вербальной и визуальной информации (Хорошилов, 2022).

Во-вторых, общая эпистемологическая ситуация характеризуется *невозможностью прогнозирования*. Прогнозирование традиционно считалось важнейшей характеристикой научного исследования и человеческого разума. В полемике Н. Талеба с Д. Канеманом, привлечшей внимание мировой аудитории, постулируется невозможность использования прошлого опыта для принятия решений в принципиальной неопределенности: «Миром движет аномальное, неизвестное и маловероятное (маловероятное с нашей нынешней, непросвещенной точки зрения); а мы при этом проводим время в пустых светских беседах, сосредоточившись на известном и повторяющемся» (Талеб, 2020, с. 30). Невозможность прогнозирования усугубляется также параллельным кризисом воспроизводимости данных в социогуманитарных науках и в психологии, связанным, помимо прочего, с разоблачением недостоверных исследований, среди которых называется и эксперимент Ф. Зимбардо (Ричи, 2024); об интерпретации экспериментальной фальсификации Ф. Зимбардо как перформанса, не снижающего ценности полученных данных (Хорошилов, 2022).

Одна из закономерных реакций массового сознания на такое положение вещей — актуализация *архаически-мифологических практик* принятия решений, которые приводят к тому, что наше время

называется «новой магической эпохой» повторного околдовывания мира (вопреки прогнозу М. Вебера) и даже «Ренессансом» магического мышления (Ионин, 2005). Пристального внимания заслуживает анализ различных оккультных и эзотерических учений, которые объединяются с элементами науки и массовой культуры и становятся современным стилем мышления, а не просто манифестацией первобытной мифологической и магической ментальности (Носачев, 2024). На данное обстоятельство обращал внимание С. Московиси в плане взаимодействия обыденного и научного знания.

Здесь возникает множество вопросов. Какие архаические элементы включаются в образ социального мира; как именно они интегрируются с научно-популярными идеями в век высоких технологий и медиатизации повседневности; в чем заключается возрастающая привлекательность магических ритуалов и гадательных практик в сравнении, например, с научно обоснованными и доказательными техниками консультирования и психотерапии, которые, возможно, «пропускают» значимые потребности и запросы рядового человека при принятии жизненных решений в неопределенности?

В-третьих, неоднократно отмечается нарастание тенденций к индивидуализации (У. Бек), атомизации (Х. Арендт) и сингуляризации общества (А. Реквиц), что представляет опасность коррозии самой ткани социальных отношений. Индивиды сосредотачиваются на медийных идеалах профессионального успеха, бесконечного личностного саморазвития и самореализации, подчас игнорируя тревожащие события социального контекста. Не менее важно, что социальные проблемы также подчиняются этой логике индивидуализации, и их причины приписываются не контексту и несправедливому устройству общества, а самому человеку, на которого всецело возлагается вина и ответственность за социальные неудачи (Бринкман, 2017). Формируется общество усталости и выгорания, которое оказывается не в состоянии ответить на вызовы современности (Хан, 2023).

К сожалению, значительный вклад в этот процесс своеобразного эгоцентрического замыкания в границах частной жизни вносит психотерапевтический дискурс с характерным для него акцентом на эмоциональном, внутреннем и субъективном; следует отметить, что академическая психология развивалась скорее по заданной К. Левином линии экспликации взаимодействия человека и среды, а не индивидуализации абстрактного субъекта, одиноко познающего мир (Хорошилов, 2023). Предельная индивидуализация общества проявляется уже в клинико-психологических феноменах нарциссизма, фальшивой личности и отказа от социальных интересов, как отмечала А.Б. Холмогорова в докладе на Санкт-Петербургском саммите психологов в 2021 г.

Заклучение

Научное наследие Г.М. Андреевой как интеллектуальное средство совладания с ситуацией социальной неопределенности

Таким образом, социально-психологические идеи Г.М. Андреевой реализовались в современных исследованиях и получили новое звучание в широкой междисциплинарной панораме научного знания. Социальная психология всегда отличалась, во-первых, высокой чувствительностью к историческим событиям, во-вторых, продуктивным взаимодействием с другими науками, оставаясь самостоятельной психологической дисциплиной и по своему предметному содержанию, и по исследовательским подходам. Г.М. Андреева научила нас понимать и объяснять переломное время с опорой на лучшие интеллектуальные традиции мировой и отечественной психологии,

приоритетом для которой был и остается *реальный человек в реальном контексте*.

Позволю себе закончить статью словами великого представителя того же поколения 1920-х гг., к которому принадлежала и Галина Михайловна, — Иоанна Павла II: «*Мы не можем бежать в другое измерение, презрев нашу эпоху, закрывая глаза и сердца от того страдания, что наполняет жизнь*» (Иоанн Павел II, 2004, с. 63). Хочется верить, что школа социальной психологии Г.М. Андреевой даст возможность ее многочисленным ученикам и последователям не только увидеть глубинный смысл нашей эпохи, но и найти стратегии деятельного преобразования последней социально этике гуманизма и идеалу милосердия к человеку, который в психологии социального познания 1970-х гг. считался когнитивным лентяем (cognitive miser), а в первой четверти XXI века стал активированным контекстом деятелем (activated actor) (Fiske, Taylor, 2021), созидателем или разрушителем мира.

Список литературы

- Андреева, Г.М. (1980). Социальная психология. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (1988). Актуальные проблемы социальной психологии. Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (1999а). А.Н. Леонтьев: Личность, сознание, деятельность. *Мир психологии*, (1), 4–11.
- Андреева, Г.М. (1999б). Социальное познание: проблемы и перспективы. Москва: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во «НПО МОДЭК».
- Андреева, Г.М. (2005). Психология социального познания. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Андреева, Г.М. (2007). Становление социально-психологической традиции на факультете психологии. В кн.: Психология в Московском университете: 1755–2005. Под ред. А.Н. Ждан. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология сегодня: поиски и размышления. Москва: Изд-во «НОУ ВПО МПСИ».
- Андреева, Г.М. (2011). Ролевой репертуар руководителя в условиях социальных трансформаций. *Социальная психология и общество*, 2(4), 5–14.
- Андреева, Г.М. (2012). Идеи Грушина развиваются сегодня в самых различных областях общественных наук. В кн.: Открывая Грушина. Т. 3. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Андреева, Г.М. (2013а). Образ мира и/или реальный мир? *Вопросы психологии*, (3), 33–43.
- Андреева, Г.М. (2013б). Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. *Психологические исследования*, 6(30). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/677> (дата обращения: 20.03.2024).
- Андреева, Г.М., Леонтьев, А.Н. (2018). Методические проблемы исследования психологических аспектов социальных изменений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(4), 646–654.
- Асмолов, А.Г., Гусельцева, М.С. (2015). Образование как потенциальный ресурс модернизации общества. *Образовательная политика*, (2), 2–19.
- Асмолов, А.Г., Шехтер, Е.Д., Черноризов, А.М. (2018). Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. Москва: Изд-во «Акрополь».
- Аузан, А.А. (2017). Экономика всего: как институты определяют нашу жизнь. Москва: Изд-во «МИФ».
- Бауман, З., Донскис, Л. (2019). Текущее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Белинская, Е.П. (2022). Совладание с трудностями в эпоху неопределенности и глобальных рисков: основные исследовательские тренды. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 24(6), 760–771.
- Бринкман, С. (2017). *Конец эпохи self-help: как перестать себя совершенствовать*. Москва: Изд-во «Альпина Паблишер».
- Гидденс, Э., Саттон, Ф. (2018). Основные понятия социологии. Москва: Изд-во Высшей школы экономики.
- Гилович, Т., Росс, Л. (2019). Наука мудрости: как обратить себе на пользу важнейшие открытия социальной психологии. Москва: Изд-во «Individuum».
- Гинзбург, Л.Я. (2011). Проходящие характеры: проза военных лет. Записки блокадного человека. Москва: «Новое издательство».
- Гришина, Н.В. (2018). Экзистенциальная психология. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Гришина, Н.В. (2023). Целевая регуляция поведения человека. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(3), 310–323.
- Гудков, Л.Д. (2022). Возвратный тоталитаризм. Москва: Изд-во «НЛО».
- Дуглас, М. (2020). Как мыслят институты. Москва: Изд-во «Элементарные формы».
- Емельянова, Т.П. (2016). Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. Москва: Изд-во Института психологии РАН.

- Иллуз, Е. Кабанас, Э. (2023). Фабрика счастливых граждан: как индустрия счастья контролирует нашу жизнь. Москва: Изд-во «Лед».
- Иоанн Павел II. (2004). Идите с миром: дар бессмертной любви. Москва: Изд-во «София».
- Ионин, Л.Г. (2005). Новая магическая эпоха. *Логос*, 2(47), 156–173.
- Касавин, И.Т. (2005). Контекстуализм как методологическая программа. *Эпистемология и философия науки*, 6(4), 5–17.
- Кастельс, М. (2017). Власть коммуникации. Москва: Изд-во Высшей школы экономики.
- Крюкова, Т.Л. (2013). Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы. *Вестник КГУ имени Н.А. Некрасова*, (5), 184–188.
- Лекторский, В.А. (2018). Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма. *Философия науки и техники*, 23(2), 18–22.
- Леонтьев, А.А. (2021). Методологические основы психологии. Москва: Изд-во «Смысл».
- Леонтьев, А.Н. (1965). Проблемы развития психики. Москва: Изд-во «Мысль».
- Липатов, С.А., Стефаненко, Т.Г. (2015). Категории переживания, коллективных переживаний, коллективных эмоций: сравнительный анализ подходов. В кн.: Коллективные переживания социальных проблем: коллективная монография. Под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. (С. 8–20). Москва: Изд-во «Смысл».
- Мамардашвили, М.К. (1992). Как я понимаю философию. Москва: Изд-во «Прогресс, Культура».
- Марцинковская, Т.Д. (2021). Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности. *Новые психологические исследования*, (2), 31–45.
- Мионов, Б.Н. (2019). Российская модернизация и революция. Санкт-Петербург: Изд-во «Дмитрий Буланин».
- Норт, Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Изд-во «Фонд экономический книги Начала».
- Носачев, П.Г. (2024). Очарование тайны: эзотеризм и массовая культура. Москва: Изд-во «НЛО».
- Ричи, С. (2024). Научнообразная чувшь: разоблачение мошенничества, предвзятости, недобросовестности и хайпа в науке. Москва: Изд-во «Согрус».
- Седакова, О.А. (2019). Реставрация порождает только призраков. URL: <https://polka.academy/materials/659> (дата обращения: 20.03.2024).
- Сергиенко, Е.А. (2021). Психическое развитие с позиций системно-субъектного подхода. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Смирнов, С.Д. (2016). Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности. *Психологический журнал*, 37(5), 5–13.
- Соколова, Е.Т. (2015). Клиническая психология утраты Я. Москва: Изд-во «Смысл».
- Талей, Н. (2020). Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. Санкт-Петербург: Изд-во «Азбука-Аттикус».
- Травин, Д.Я. (2022). Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. Москва: Изд-во Института Егора Гайдара.
- Фицпатрик, Ш. (2023). Кратчайшая история Советского союза. Москва: Изд-во «Альпина нон-фикшн».
- Хан, Б.-Ч. (2023). Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. Москва: Изд-во «Лед».
- Холмогорова, А.Б. (ред.). (2016). Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе. Москва: Изд-во «НЕОЛИТ».
- Хорошилов, Д.А. (2020). Блокада человека: поиск психологической концепции личности в записках Л.Я. Гинзбург и О.М. Фрейденаберг. В кн.: Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология. Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. (С. 149–181). Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Хорошилов, Д.А. (2022). Психология социального познания в изменяющемся обществе. Москва: Изд-во «Акрополь».
- Хорошилов, Д.А. (2022). Социальные институты и проблема зла в психологии. *Новые психологические исследования*, (4), 73–89.
- Хорошилов, Д.А. (2023). Индивидуализация и психологизация современного общества как факторы ослабления социальных связей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 13(4), 447–461.
- Шваб, К. (2016). Четвертая промышленная революция. Москва: Изд-во «Эксмо».
- Шестопал, Е.Б. (2022). Влияние психологического состояния российского общества на публичную политику. *Политическая наука*, (3), 181–203.
- Штомпка, П. (1996). Социология социальных изменений. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Шюц, А. (2004). Избранное: мир, светящийся смыслом. Москва: Изд-во «Российская политическая энциклопедия».
- Юрчак, А.В. (2014). Это было навсегда, пока не кончилось: последнее советское поколение. Москва: Изд-во «НЛО».
- Couldry, N., Hepp, A. (2017). The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press.
- Fiske, S.T., Taylor, S.E. (2021). Social cognition: from brains to culture. London: Sage Publ.
- Forgas, J. (2013). Don't worry, be sad! On the cognitive, motivational, and interpersonal benefits of negative mood. *Current directions in psychological science*, 22(3), 225–232.

References

- Andreeva, G.M. (1980). Social psychology. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (1988). Current problems of social psychology. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (1999a). A.N. Leontiev: Personality, Consciousness, Activity. *Mir Psikhologii = World of Psychology*, (1), 4–11. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (1999b). Social cognition: problems and prospects. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute Publ; Voronezh: NPO MODEK Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2005). Psychology of social cognition. Moscow: Aspekt Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2007). Formation of socio-psychological tradition at the Faculty of Psychology. In the Psychology at Moscow University: 1755–2005. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)

- Andreeva, G.M. (2009). Social psychology today: searches and reflections. Moscow: NOU VPO MSSSI Publ. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2011). Role Repertoire of a Leader in Conditions of Social Transformations. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2(4), 5–14. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2012). Grushin's ideas are developing today in a variety of areas of social sciences. In: Opening Grushin. Vol. 3. (pp. 49–56). Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2013a). Image of the world and/or real world? *Voprosy Psikhologii*, (3), 33–43. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2013b). Social Psychology in the Space of Modern Science and Culture. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Research*, 6(30). URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/677> (accessed: 03/20/2024). (In Russ.)
- Andreeva, G.M., Leontiev, A.N. (2018). Methodological Problems in Studying the Psychological Aspects of Social Change. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki = Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 15(4), 646–654. (In Russ.)
- Asmolov, A.G., Guseltseva, M.S. (2015). Education as a Potential Resource for Modernizing Society. *Obrazovatel'naya Politika = Educational Policy*, (2), 2–19. (In Russ.)
- Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2018). Preadaptation to uncertainty: unpredictable evolutionary routes. Moscow: Acropolis Publ. (In Russ.)
- Auzan A.A. (2017). The economics of everything: how institutions shape our lives. Moscow: MIF Publ. (In Russ.)
- Bauman, Z., Donskis, L. (2019). Fluid evil: life in a world where there are no alternatives. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publ. (In Russ.)
- Belinskaya, E.P. (2022). Coping with Difficulties in an Era of Uncertainty and Global Risks: Main Research Trends. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 24(6), 760–771. (In Russ.)
- Brinkman, S. (2017). The end of the era of self-help: how to stop improving yourself. Moscow: Alpina Publ. (In Russ.)
- Castells, M. (2017). The power of communication. Moscow: High School of Economics Publ. (In Russ.)
- Couldry, N., Hepp, A. (2017). The mediated construction of reality. Cambridge: Polity Press.
- Douglas, M. (2020). How institutions think. Moscow: Elementary forms Publ. (In Russ.)
- Emelyanova, T.P. (2016). Social Representations: History, Theory, and Empirical Research. Moscow: Institute of psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Fiske, S.T., Taylor, S.E. (2021). Social cognition: from brains to culture. London: Sage Publ.
- Fitzpatrick, S. (2023). A short history of the Soviet Union. Moscow: Alpina non-fiction Publ. (In Russ.)
- Forgas, J. (2013). Don't worry, be sad! On the cognitive, motivational, and interpersonal benefits of negative mood. *Current directions in psychological science*, 22(3), 225–232.
- Giddens, E., Sutton, F. (2018). Basic concepts of sociology. Moscow: High School of Economics Publ. (In Russ.)
- Gilovich, T., Ross, L. (2019). The science of wisdom: how to benefit from the most important discoveries of social psychology. Moscow: Individuum Publ. (In Russ.)
- Ginzburg, L.Ya. (2011). Passing characters: prose of the war years. Notes of a besieged man. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Grishina, N.V. (2018). Existential psychology. St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russ.)
- Grishina, N.V. (2023). Target Regulation of Human Behavior. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(3), 310–323. (In Russ.)
- Gudkov, L.D. (2022). Reverse totalitarianism. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Han, B.-C. (2023). The fatigue society: negative experiences in an age of excessive positivity. Moscow: Led Publ. (In Russ.)
- Illouz, E., Cabanas, (2023). Factory of happy citizens: how the happiness industry controls our lives. Moscow: Led Publ. (In Russ.)
- Ionin, L.G. (2005). A new magical era. *Logos*, 2(47), 156–173. (In Russ.)
- John Paul II. (2004). Go in peace: the gift of undying love. Moscow: Sofiya Publ. (In Russ.)
- Kasavin, I.T. (2005). Contextualism as a methodological program. *Epistemologiya i Filosofiya Nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 6(4), 5–17. (In Russ.)
- Kholmogorova, A.B. (2016). Social cognition as a higher mental function and its development in ontogenesis. Moscow: NEOLIT Publ. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2020). Human blockade: search for the psychological concept of personality in the notes of L.Ya. Ginzburg and O.M. Freudenberg. In: Living space in psychology: theory and phenomenology. (pp. 149–181). St. Petersburg: SPbGU Publ. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2022). Psychology of social cognition in a changing society. Moscow: Acropolis Publ. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2022). Social Institutions and the Problem of Evil in Psychology. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (4), 73–89. (In Russ.)
- Khoroshilov, D.A. (2023). Individualization and Psychologization of Modern Society as Factors in the Weakening of Social Ties. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 13(4), 447–461. (In Russ.)
- Kryukova, T.L. (2013). Psychology of Coping Behavior: Current State and Psychological, Sociocultural Perspectives. *Vestnik KGU Imeni N.A. Nekrasova = Bulletin of KSU Named after N.A. Nekrasova*, (5), 184–188. (In Russ.)
- Lektorsky, V.A. (2018). Constructive Realism as a Modern Form of Epistemological Realism. *Filosofiya Nauki i Tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 23(2), 18–22. (In Russ.)
- Leontyev, A.A. (2021). Methodological foundations of psychology. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Leontyev, A.N. (1965). Problems of mental development. Moscow: Mysl' Publ. (In Russ.)
- Lipatov, S.A., Stefanenko, T.G. (2015). Categories of experience, collective experiences, collective emotions: a comparative analysis of approaches. In: Collective experiences of social problems: a collective monograph. (pp. 8–20). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Mamardashvili, M.K. (1992). How do I understand philosophy? Moscow: Progress, Kul'tura Publ. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T.D. (2021). A New Methodology for Studying the Transitivity of the Living Space of a Changing Personality. *Novye Psikhologicheskie Issledovaniya = New Psychological Research*, (2), 31–45. (In Russ.)
- Mironov, B.N. (2019). Russian modernization and revolution. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ. (In Russ.)
- North, D. (1997). Institutions, institutional change and economic performance. Moscow: Fond ekonomicheskii knigi Nachala Publ. (In Russ.)

- Nosachev, P.G. (2024). The charm of mystery: esotericism and popular culture. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)
- Ritchie, S. (2024). Science fictions: Exposing fraud, bias, negligence and hype in science. Moscow: Corpus Publ. (In Russ.)
- Schutz, A. (2004). Favorites: a world glowing with meaning. Moscow: Russian politic encyclopedia Publ. (In Russ.)
- Schwab, K. (2016). The fourth industrial revolution. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- Sedakova, O.A. (2019). Restoration only creates ghosts. URL: <https://polka.academy/materials/659> (access date: 03.20.2024). (In Russ.)
- Sergienko, E.A. (2021). Mental development from the standpoint of the system-subject approach. Moscow: Institute of psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Shestopal, E.B. (2022). The Influence of the Psychological State of Russian Society on Public Policy. *Politicheskaya Nauka = Political Science*, (3), 181–203. (In Russ.)
- Smirnov, S.D. (2016). Predictive Orientation of the Image of the World as the Basis for Dynamic Control of Uncertainty. *Psikhologicheskii Zhurnal = Psychological Journal*, 37(5), 5–13. (In Russ.)
- Sokolova, E.T. (2015). Clinical psychology of loss of the Self. Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Sztompka, P. (1996). Sociology of social change. Moscow: Aspekt Publ. (In Russ.)
- Taleb, N. (2020). Black Swan: under the sign of unpredictability. St. Petersburg: Azbuka Publ. (In Russ.)
- Travin, D.Ya. (2022). How a State Gets Rich: A Guide to Historical Sociology. Moscow: Instituta Egora Gaidara Publ. (In Russ.)
- Yurchak, A.V. (2014). It was forever until it was over: the last Soviet generation. Moscow: NLO Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ /ABOUT THE AUTHOR



Дмитрий Александрович Хорошилов, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского Государственного Гуманитарного Университета, Москва, Российская Федерация, d.khoroshilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4688-1934>

Dmitry A. Khoroshilov, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Head of the Department of Social Psychology of the Vygotsky, Institute of Psychology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation, d.khoroshilov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4688-1934>

Поступила: 16.05.2024; получена после доработки: 12.06.2024; принята в печать: 16.08.2024.

Received: 16.05.2024; revised: 12.06.2024; accepted: 16.08.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0303>
УДК/UDC 159.9.075

Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования

Е.П. Белинская, А.М. Рикель ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ a.m.rikel@gmail.com

Резюме

Актуальность. Актуальность исследования определяется: 1) в условиях неопределенности и сокращения привычных оснований социальной солидаризации анализ закономерностей идентичности поколений задает новый ракурс для понимания динамического единства процессов конструирования социальной и персональной идентичностей; 2) выявление феноменологии идентичности различных поколений представляется необходимым для нужд практической психологической помощи различным социальным субъектам.

Цель. Выявление и описание особенностей идентификации людей, принадлежащих к разным поколениям, со своей поколенческой группой.

Выборка. 215 человек (поколения застоя, реформенное, миллениалы, зумеры).

Методы. Авторская анкета (Приложение 1) из трех блоков: 1) вопросы об исторических событиях, повлиявших на становление поколенческой группы; 2) вопросы о культурном жизненном сценарии поколения и оценка вероятности того или иного типичного события; 3) неоконченные предложения о психологическом портрете своего поколения.

Результаты. Идентификационный портрет поколения застоя включает в себя: акцент на масштабные события; преобладание коллективистических и семейных ценностей; самоатрибуцию таких качеств, как патриотизм, открытость миру, добросовестность, отзывчивость. Идентичность реформенного поколения опирается на события 1990-х годов, интерпретируя их через призму политики открытости окружающему миру, а также события технологического порядка; оно является «переходным» с точки зрения типичных жизненных сценариев и личностных черт. Идентификационный портрет **миллениалов включает в себя:** преимущественно события 2010-х годов и экономические события, преобладание ценностей свободы, творчества, прогресса; самоатрибуцию переживания жизненных трудностей. Идентичность поколения **зумеров** значительно отличается: у них отсутствуют политические события в идентификационном портрете; в качестве идентификационной опоры выступают события недавнего времени (пандемия, цифровизация); в жизненных сценариях маловероятны брак и рождение детей; самоатрибуции включают гибкость, индивидуализм, политкорректность и миролюбие.

Выводы. Социально-психологический анализ идентичности поколений реализован на трех взаимосвязанных уровнях через идентификацию: с историческими событиями, с событиями жизненного сценария и с типичным психологическим портретом представителя поколения.

Ключевые слова: социальная идентичность, временная идентичность, идентификация, самокатегоризация, поколение, поколенческая группа

Для цитирования: Белинская, Е.П., Рикель, А.М. (2024). Идентичность поколений: социально-психологический подход и опыт эмпирического исследования. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 31–45. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0303>

Identification with the Generation: Socio-Psychological Approach and Empirical Research Experience

Elena P. Belinskaya, Alexander M. Rikel ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ a.m.rikel@gmail.com

Abstract

Background. The relevance of the study is determined by two core factors. (1) In conditions of uncertainty and reduction of the usual bases of social solidarity, the analysis of the patterns of generational identity sets a new perspective for understanding the dynamic unity of the processes of constructing social and personal identities. (2) Identifying the phenomenology of identity of different generations seems necessary for the needs of practical psychological assistance to various social subjects.

Objective. The research is focused on revealing and describing the features of identification with the generational group in people belonging to different generations.

Methods. Author's questionnaire (Appendix 1) consisting of: (1) questions about historical events that influenced the formation of a generational group; (2) questions about the cultural life scenario of a generation and an assessment of the probability of a particular typical event; (3) unfinished sentences on the psychological portrait of one's generation.

Study Participants. 215 respondents (Generations of Stagnation, Reform, Millennials, and Zoomers) took part in the research.

Results. The identity portrait of the stagnation generation includes: an emphasis on large-scale events; the prevalence of collectivist and family values; self-attribution of such qualities as patriotism, openness to the world, conscientiousness, responsiveness. The identity of the reform generation is based on the events of the 1990s, interpreting them through the prism of the policy of openness to the outside world, as well as technological events; it is "transitional" in terms of typical life scenarios and personality traits. The identity portrait of millennials includes: mainly the events of the 2010s and economic events, the prevalence of the values of freedom, creativity, progress; self-attribution of experiencing life's difficulties. The identity of the zoomer generation is significantly different: they do not have political events in their identity portrait; recent events (pandemic, digitalization) act as an identification support; marriage and childbirth are unlikely in life scenarios; self-attributions include flexibility, individualism, political correctness, and peacefulness.

Conclusion. The socio-psychological analysis of the identity of generations is implemented at three interconnected levels through identification: with historical events, with events of the life scenario and with a typical psychological portrait of a representative of the generation.

Keywords: social identity, temporary identity, identification, self-categorization, generation, generational group

For citation: Belinskaya, E.P., Rikel, A.M. (2024). Identification with the generation: socio-psychological approach and empirical research experience. *National Psychological Journal*, 19(3), 31–45. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0303>

Введение

На современном этапе изучения идентичности, несмотря на его кризисное состояние, причины и проявления которого не раз становились предметом анализа (Андреева, 2011; Белинская, 2015; Леонтьев, 2009; Соколова, 2014; Емелин, Тхостов, 2020), существуют, как минимум, две содержательно взаимосвязанные «точки согласия» между исследователями самой разной дисциплинарной принадлежности и теоретических пристрастий. Во-первых, это все больший сдвиг исследовательского интереса от структурных составляющих идентичности к ее процессуальным характеристикам, в результате чего в центре внимания оказывается «текущая» идентичность человека «текучей» современности (Бауман, 2008), лишенная структур-

ной определенности и завершенности; а во-вторых — констатация определенных феноменологических изменений в системе идентификаций (Белинская, 2018). Последние все чаще свидетельствуют о необходимости концептуальных метаморфоз в трактовке традиционных дихотомий, характеризующих предметное поле всей проблематики идентичности.

Так, прежде всего, сегодня конфигурация персональных и социальных идентичностей человека ставится в зависимость не только от постоянно идущих их реципрокных взаимопереходов в соответствии с тем или иным вариантом социального сравнения, но и от процесса их непрерывающейся переоценки субъектом. Последняя осуществляется преимущественно с точки зрения содержания доминирующих социальных представлений, в результате чего

традиционное структурное различие персональной и социальной идентичностей во многом теряет смысл, уступая место идее главенства *отношения* человека к социальному контексту своего бытия (Марцинковская, Полева, 2017) — как основе не только системы персональных выборов, но и идентификаций. Последние в таком случае неизбежно приобретают изменчивость (Психология личности..., 2019) — хотя бы в силу факта своей аффективной «окрашенности» для человека, превращая его рефлексии анонии и отчуждения в онтологическую неопределенность, значительный вес в которой начинают играть «сложные чувства»: вины, стыда, «нелюбви» (Сложные чувства..., 2018; Белинская, 2020). Другая традиционная дихотомия в проблематике идентичности — константность/изменчивость идентификационных структур личности, — также фактически уходит в небытие. Сегодня тезис о том, что отсутствие в современности универсальных целостностей делают идентичность принципиально множественной (а потому — исключительно и только изменчивой), стал уже общепринятым. Подчеркнем здесь, что обе эти современные концептуальные метаморфозы в понимании идентичности (отказ от жесткости структурного деления «социальная/персональная» и акцент на множественности/изменчивости) закономерно заставляют исследователей расширять эмпирическое поле ее изучения: с одной стороны, обращая внимание на новые возможные основания социальной солидаризации и, соответственно, социальной самокатегоризации, а с другой — фиксируя не только и не столько факты идентификации человека с той или иной социальной группой, сколько постоянную динамику эмоционально-ценностного отношения к ней. И представляется, что обращение социальной психологии к анализу закономерностей конструирования идентичности поколений открывает для этого новые возможности.

Подчеркнем, что социологическая и культурологическая традиция исследования поколенческих групп предполагает их описание сквозь призму ярких исторических событий, оказавших влияние на ход политического, экономического, культурного, технологического и прочих процессов (Мангейм, 1998; Серебрякова, 2019; Шамис, 2019; Howe, Strauss, 2018; Twenge, 2012). Однако, несмотря на эти традиции, ряд логичных вопросов до сих пор остается без ответа. Кто определяет эпохальность и значимость исторического события с точки зрения формирования поколения? Есть ли необходимость в доказательстве связи события и некоторых паттернов поведения, объединяющих поколенческую группу? Когда именно это событие должно произойти, для того чтобы «сформировать» поколение? Ответ на последний вопрос выглядит достаточно абстрактно, но все же дается в логике различных теоретических классификаций, когда авторы рассуждают о так называемых формирующих годах (*formative ages*) и приводят с опорой на разные возрастно-психологические концепции те или иные сроки, очерчиваемые годами юности (Gauly, 2017; Giuliano, Spilimbergo, 2013). При этом первые два

вопроса остаются без теоретико-методологического обоснования и даже попыток привести доказательную базу влияния исторических событий на формирование поколения. Представляется, что именно социальная психология может внести очевидный вклад в научную концептуализацию понятия поколения, добавляя переменную идентичности поколений и тем самым проставляя логичный «мостик» между категорией исторического события и психологическими особенностями поколенческих когорт. Эта задача на данный момент остается нерешенной (Емельянова, Викентьева, Тарасова, 2022; Рикель, 2020; Петрунина, 2022; Lyons, 2019).

Отдельно подчеркнем, что введение в социально-психологический анализ проблематики идентичности поколений в значительной степени было заложено в поздних работах Г.М. Андреевой (Андреева, 2009, 2011), в которых обосновывалась идея временной идентичности (*time identity*) как осознания человеком своей принадлежности к определенному историческому времени, понимаемому (в том числе) событийно. Подобный тип идентичности конструируется в ходе взаимодействия различных социальных субъектов и нередко оказывается представлен в виде специфического нарратива о потере ощущения социального времени (Андреева, 2012). Как отмечала Г.М. Андреева, с этой точки зрения для любого человека возникают следующие вопросы: является ли мое поколение референтным для меня в подлинном смысле этого слова? Как я к нему отношусь? Разделяю ли его ценности? (Андреева, 2011).

Для эмпирической операционализации мы предлагаем рассматривать идентификацию с поколением на трех уровнях: 1) исторической идентичности (уровень идентификации с историческими событиями, оказавшими влияние на психологический портрет поколения); 2) идентичности на уровне культурного жизненного сценария поколения (совокупности установок о событиях, которые должны произойти в жизни типичного представителя данной поколенческой группы) и 3) личностной идентичности (представлений о социально-психологическом портрете типичного представителя данной поколенческой группы).

Методы исследования

В качестве основной **методики** исследования выступила авторская анкета (см. Приложение 1), состоящая из следующих блоков:

1) *исторически-событийный блок*: респондентам предлагалось не менее 7 раз ответить на вопрос о событиях, повлиявших на становление их поколенческой группы, а также оценить эти события как скорее, положительные, нейтральные или отрицательные. Ответы подвергались обработке контент-анализом. Анализировались как конкретные единицы событий, так и их отнесенность к той или иной сфере (политика, экономика, войны и т.п.), а также к временному периоду (1950, 1960, 1970-е и пр.).

2) блок представлений о культурном жизненном сценарии: респондентам предлагалось оценить вероятность наступления того или иного события в жизни типичного представителя его поколения (рождение своего ребенка, окончание школы, первая влюбленность, служба в вооруженных силах, получение высшего образования, покупка квартиры/дома, заключение брака, трудоустройство, обретение независимости от родителей, дружба). Перечень событий был сформирован на основе ранее проведенного исследования о жизненных сценариях различных поколений (Рикель, Дорохов, 2024), а также универсального списка событий культурных жизненных сценариев, выявленного в других исследованиях (Костромина и др., 2018; Нуркова, 2018; Scherman et al., 2017; Wilkinson, Dunlop, 2020);

3) блок психологического портрета: респондентам предлагалось завершить неоконченные предложения а) «Люди моего поколения...», б) «В отличие от других поколений, мы...», в) «Сильная сторона нашего поколения — это...», г) «Слабая сторона нашего поколения — это...», д) «Людей моего поколения можно легко узнать по типичной черте: мы, как правило...». Данная схема анализа может быть отнесена к схеме анализа идентификации с большими социальными группами, восходящей к классическим тестовым методам, подразумевающим открытые качественные ответы на вопросы, выявляющие особенности социальной идентификации (например, тест «Кто я?» М. Куна и Т. Макпартленда) (Андреева, 2012). Ответы подвергались качественному контент-анализу с помощью категориальной сетки контент-анализа социально-психологических качеств личности (Андреева, 2006).

Выборка

В исследовании приняли участие 215 человек, принадлежавших к 7 поколенческим группам (поколение застоя, реформенное поколение, поколение миллениалов и поколение зумеров, в каждом случае — старшая и младшая группы). Нами использовалась классификация поколений В. Радаева (Radaev, 2020), в максимальной степени эмпирически апробированная на большой выборке современных россиян и адаптированная к российским историческим реалиям по сравнению с аналогичными популярными западными классификациями (Howe, Strauss, 2018). В рамках данного исследования поколенческие когорты делились еще на 2 подгруппы (старшие и младшие), что, как было показано ранее (Radaev, 2020; Рикель, Дорохов, 2023) позволяет провести более тщательный и более обоснованный анализ. Ряд поколенческих групп (старшие и младшие представители поколений Застоя и поколений Миллениалов) при проведении ряда статистических процедур (однофакторный дисперсионный анализ, корреляционный анализ) подлежали временному объединению с

целью укрупнения для более обоснованного математического анализа.

Выборка не выравнена по уровню образования и не полностью выравнена по месту жительства. Смещение по данным переменным не позволяет составить психологический портрет идентификации менее образованного не городского населения, что не противоречит логике анализа поколенческих когорт в традиции изучения ядра поколения как представителей городского среднего класса (Radaev, 2020; Rikel, 2019).

Результаты исследования

Анализ представлений о себе как о типичном/нетипичном представителе своей поколенческой группы показывает: в большинстве групп респонденты, скорее, соотносят себя с типичным представителем своего поколения (см. Таблицу 1), что позволяет говорить о возможной релевантности оценок своего поколения людьми, оценивающими себя соответствующим образом. Чуть меньшая соотносительность наблюдается в группе младших миллениалов и младшего поколения застоя, однако, связи между принадлежностью к поколению и степенью схожести на типичного представителя своего поколения нет (k Спирмена = $-0,065$; $p = 0,352$), таким образом можно сказать, что выборка во всех когортах репрезентативна с точки зрения поставленных задач.

Таблица 1

Соотнесение респондентами себя с типичным представителем поколения

Оценка схожести в баллах	Доля респондентов, принадлежащих данной поколенческой группе (в %)						
	1	2	3	4	5	6	7
1-3 (скорее, не похож)	5	18,6	14,3	5,9	7,7	23,1	9,4
4 (и похож, и не похож)	30	25	19	17,6	23,1	30,7	20,8
5-7 (скорее, похож)	65	56,4	66,7	76,5	69,2	46,2	69,7

Table 1

Respondents' comparison of themselves with a typical representative of the generation

Similarity score	The proportion of respondents belonging to this generational group (in %)						
	1	2	3	4	5	6	7
1-3 (rather not similar)	5	18.6	14.3	5.9	7.7	23.1	9.4
4 (both similar and not similar)	30	25	19	17.6	23.1	30.7	20.8
5-7 (rather similar)	65	56.4	66.7	76.5	69.2	46.2	69.7

Фактор образования с точки зрения описательной статистики показывает любопытные результаты: 42,9% респондентов со средним уровнем образования не идентифицируют или слабо идентифицируют себя со своим поколением, в то время как для людей с другим уровнем образования этот показатель не превышает 12%. В то же время фактор проживания в том или ином населенном пункте демонстрирует любопытные различия в плане идентификации себя с типичным представителем поколения: жители крупных и малых городов ощущают свою общность с эпохой, а жители сельской местности — удаленными от поколенческих трендов. Этот результат может быть проинтерпретирован сторонниками наличия ядра поколения в свою пользу.

Идентификация респондентов с историческими событиями продемонстрировала лидерство технологических и политических событий (26,3% и 26,4% от общего числа упоминаний). Военные события занимают третье место (13,8%), далее — масштабные спортивные события (9,1%) и экономические события (8,8%). Чаще всего респонденты всех поколений вспоминали события, произошедшие в 2010-е годы (20,7%), 2020-е годы (20,4%), 2000-е годы (19,1%), 1990-е (17,2%), 1980-е (16,5%), а события 1940–1970-х годов вспоминались респондентами значительно реже.

Что касается рейтинга этих событий, то чаще всего респонденты называли: 1) распад СССР (9,7% упоминаний), 2) спортивные праздники (8,8%), 3) специальную военную операцию (7,7%), 4) появление интернет-технологий (7,6%), 5) эпидемию COVID-19 (7,2%), 6) появление мобильных технологий (5,7%), 7) медицинские технологические прорывы (4,4%).

Различия между поколенческими когортами были проанализированы с помощью однофакторного дисперсионного анализа.

Поколение застоя и реформенное поколение в среднем в 2 раза чаще вспоминают политические события в контексте идентификации с поколением, чем младшие (миллениалы и зумеры, $p < 0,001$). В свою очередь 75,5% зумеров вспоминают об эпидемии COVID-19 (против 38,5% миллениалов, 35,8% реформенного поколения и не более чем 27,8% поколения застоя) ($k = 0,181$; $p < 0,001$). Масштабные спортивные события чаще всего упоминают представители старшего поколения застоя (60%), а также молодые зумеры (54,7%); реформенное поколение вспоминает о них реже (не более 27,3%), а младшие миллениалы — совсем редко (15,4%). На уровне тенденции ($k = 0,705$; $p = 0,06$) можно говорить о том, что о войне чаще вспоминают представители поколения застоя (старшие) (70%), младшие миллениалы (69,2%), зумеры (50,9%) и реже — старшие миллениалы (38,5%).

Касательно времени наступления события, то 92,5% зумеров называют события 2020-х годов (различия с другими поколениями значимы на $p < 0,001$). 2010-е лидируют у старших миллениалов (77,2%); 1990-е чаще всего называют (88,6%) представители реформенного поколения. С 1980-ми идентифицируют себя представители поколения застоя (до 94,5%) против тех же 3,8% у зумеров и 15,4% у младших миллениалов ($p < 0,001$). Наконец, 1960-е предсказуемо на первом месте у самого старшего поколения (75% упоминаний), а у всех остальных когорт — не более 22,2% ($p < 0,001$). Этот логичный результат подтверждает гипотезу «формирующих лет» (Giuliano, Spilimbergo, 2013): большинство респондентов говоря о событиях, сформировавших их поколение, называют те из них, которые пришлось на период их юности.

Об идентификации с конкретными событиями, сформировавшими поколение, по результатам дисперсионного анализа были получены следующие значимые различия ($p < 0,001$), представленные в Таблице 2.

Таблица 2

Рейтинг событий, являющихся основаниями для идентификации поколенческих групп

Поколенческая группа / Рейтинг событий	1	2	3	4	5	6	7
I	Распад СССР (70%)	Распад СССР (55,6%)	Распад СССР (84,1%)	Распад СССР (66%)	Правление Путина (53,8%)	СВО (69,2%)	COVID-19 (75,5%)
II	Полет Гагарина (70%)	Интернет (50%)	Перестройка (40,9%)	Интернет (41,5%)	Олимпиада и ЧМ-2018 (53,8%)	Интернет (46,2%)	Олимпиада и ЧМ-2018 (56,6%)
III	Олимпиада 1980 (55%)	Перестройка (33,3%)	Интернет (38,6%)	СВО (32,1%)	Дефолт (46,2%)	Смартфоны (46,2%)	СВО (49,1%)
IV	СВО (30%)	Открытие границ (33,3%)	Открытие границ (36,4%)	Смартфоны (32,1%)	Смартфоны (38,5%)	COVID-19 (38,5%)	Интернет (35,8%)
V	ВОВ (25%)		СВО (36,4%)	Медицина (32,1%)	COVID-19 (30,8%)	Крым (38,5%)	Смартфоны (32,1%)

Table 2
Rating of events that are the basis for identifying generational groups

Generation Group / Event Rating	1	2	3	4	5	6	7
I	Collapse of the USSR (70%)	Collapse of the USSR (55.6%)	Collapse of the USSR (84.1%)	Collapse of the USSR (66%)	Putin's govern (53.8%)	Special Military Operation (69.2%)	COVID-19 (75.5%)
II	Gagarin's Flight (70%)	Internet (50%)	Perestroika (40.9%)	Internet (41.5%)	Olympics and 2018 World Cup (53.8%)	Internet (46.2%)	Olympics and 2018 World Cup (56.6%)
III	1980 Olympics (55%)	Perestroika (33.3%)	Internet (38.6%)	Special Military Operation (32.1%)	Default (46.2%)	Smartphones (46.2%)	Special Military Operation (49.1%)
IV	Special Military Operation (30%)	Opening of borders (33.3%)	Opening of borders (36.4%)	Smartphones (32.1%)	Smartphones (38.5%)	COVID-19 (38.5%)	Internet (35.8%)
V	Great Patriotic War (25%)		Special Military Operation (36.4%)	Medicine (32.1%)	COVID-19 (30.8%)	The Crimea (38.5%)	Smartphones (32.1%)

Итак, поколение *зумеров* полностью исключает для себя идентификацию сквозь призму политических событий, оставляя для себя в качестве главных эпидемию COVID-19, СВО, спортивные праздники и digital-технологии. Для *младших миллениалов* военно-политическая тематика оказывается чуть более важной, а *старшие миллениалы* добавляют к ней экономическую тематику. Для *всех групп поколения застоя и реформенного поколения* самым значимым событием является распад СССР. Они также упоминают «перестройку» и «открытие границ». В *поколении застоя* также закономерным образом фигурирует «Великая Отечественная война» и «полет Гагарина в Космос».

Нельзя не обратить внимание: самое старшее поколение называет события, связанные исключительно с нашей страной, в то время как последующие поколения добавляют к этим событиям и общемировые. *Младшее поколение застоя* и *старшее реформенное поколение* отличаются от других более частым упоминанием событий, связанных с реформами, направленными на активизацию взаимодействия нашей страны с западным миром. Наиболее технологичным поколением из всех можно назвать *младшее реформенное* поколение: в их рейтинге исторических событий присутствует сразу 3 позиции, относящиеся к технологиям («интернет», «смартфоны», «медицина»).

Любопытно, что практически во всех поколенческих группах максимальный рейтинг имеют «СВО»

и «появление Интернета»: эти исторические события можно охарактеризовать как максимально глобальные, повлиявшие на жизнь всех ныне живущих поколений, вне зависимости от возраста. Любопытно, что такое самовосприятие поколениями самих себя идет вразрез с популярной трактовкой влияния интернет-технологий лишь на молодые поколения.

Идентификация с событиями в рамках культурного жизненного сценария предусматривала анализ самых частотных событий, происходящих в жизни современного россиянина. Самыми вероятными событиями во всей выборке назывались события с положительной эмоциональной валентностью (например, развод, вероятность наступления которого у представителей ныне живущих поколений оценивается как очень высокая, занял последнее место в рейтинге идентификации). Наиболее популярными событиями в рейтинге оказались те, которые занимают конвенционально высокие места в реальных жизненных сценариях людей, предполагая наименьшую вариабельность («окончание школы», «первая влюбленность», «трудоустройство» и пр.). Более низкие позиции таких событий как «брак», «рождение ребенка», «получение высшего образования» демонстрируют возможное разнообразие в развитии именно этих стратегий поведения.

Межпоколенческие отличия анализировались с помощью дисперсионного анализа, данные представлены в Таблице 3.

Таблица 3

Усредненные вероятности наступления события для каждой поколенческой группы ($p = 0,05$)

Событие	Среднее значение для каждой поколенческой группы						
	1	2	3	4	5	6	7
Окончание 9 класса	0,924	0,873	0,872	0,935	0,908	0,883	0,906
Окончание 11 класса	0,724	0,753	0,694	0,774	0,775	0,7	0,683
Первая любовь	0,953	0,96	0,886	0,896	0,867	0,908	0,915
Получение в/о	0,541	0,64	0,65	0,659	0,733	0,633	0,581
Покупка дома/квартиры	0,494	0,587	0,6	0,587	0,583	0,458	0,53
Брак	0,8	0,78	0,797	0,761	0,683	0,608	0,551*
Рождение ребёнка	0,882	0,893	0,864	0,846	0,708	0,833	0,628*
Трудоустройство	0,935	0,947*	0,903*	0,893*	0,925*	0,789	0,758*
Армия	0,741*	0,747*	0,594	0,502	0,483	0,35	0,398
Независимость от родителей	0,782	0,767	0,789	0,761	0,783	0,808	0,726
Развод	0,324	0,467	0,45	0,507	0,55	0,5	0,502
Друг	0,908	0,892	0,773	0,841	0,945	0,891	0,859

*помечены значимые отличия, согласно дисперсионному анализу.

Table 3

Average probabilities of the event occurrence for each generation group ($p = 0.05$)

Event	Average value for each generation group						
	1	2	3	4	5	6	7
Graduation from 9th grade	0.924	0.873	0.872	0.935	0.908	0.883	0.906
Graduation from 11th grade	0.724	0.753	0.694	0.774	0.775	0.7	0.683
First love	0.953	0.96	0.886	0.896	0.867	0.908	0.915
Getting a higher education	0.541	0.64	0.65	0.659	0.733	0.633	0.581
Buying a house/apartment	0.494	0.587	0.6	0.587	0.583	0.458	0.53
Marriage	0.8	0.78	0.797	0.761	0.683	0.608	0.551*
Birth of a child	0.882	0.893	0.864	0.846	0.708	0.833	0.628*
Employment	0.935	0.947*	0.903*	0.893*	0.925*	0.789	0.758*
Army	0.741*	0.747*	0.594	0.502	0.483	0.35	0.398
Independence from parents	0.782	0.767	0.789	0.761	0.783	0.808	0.726
Divorce	0.324	0.467	0.45	0.507	0.55	0.5	0.502
Friend	0.908	0.892	0.773	0.841	0.945	0.891	0.859

*significant differences according to variance analysis are marked.

Итак, обе подгруппы поколения застоя демонстрируют более частотное представление о службе в армии как части жизненного сценария, чем другие когорты (74%, $p < 0,001$), согласно попарному сравнению групп с поправкой Тьюки, различия есть). Отметим, что опрос респондентов проводился во время активной фазы СВО, что, вероятно, оказало влияние на ответы респондентов. Также отметим для них факт низкой вероятности разводов (32%), высокой вероятности брака (80%) и рождения детей (88%). У старшего и младшего реформенного поколения нет значимых отличий от других поколенческих групп, но наименее вероятным событием становится служба в армии (50%), слегка возрастает вероятность получения высшего образования (66%), показатели рождения детей и брака все так же высоки (85% и 76%, соответственно). У поколения миллениалов так же нет значимых отличий, но при этом продолжает быть еще менее популярной служба в армии, снижается вероятность трудоустройства, заключения брака и рождения ребенка. Наиболее отличающимся по совокупности параметров поколением выступает поколение Z: у них значимые отличия в низкой вероятности заключения брака (55%, $p < 0,001$ — согласно попарному сравнению групп с поправкой Тьюки различия есть); низкой вероятности рождения ребенка и низкой вероятности трудоустройства (63% и 75% $p < 0,001$ — согласно попарному сравнению групп с поправкой Тьюки). Первые два события иллюстрирует распространенный в обществе дискурс о постепенном отказе общества от института брака, распространению гражданских браков и проникновении идеологии чайлд-фри (Тихомандрицкая, Рикель, 2022). Последний тренд особенно любопытен, если учесть также отказ молодого поколения от традиционного понятия карьеры и трудоустройства.

Идентификация с социально-психологическим портретом своего поколения показала следующие результаты. Респонденты всех поколений характеризуют свое поколение с помощью положительных (74,2%) или нейтральных (17,7%) характеристик: чаще всего респонденты говорят о высоком культурном уровне (7,2%), гибкости и пластичности (7%), своего поколения, о перенесенных их поколением трудностях (5,6%), а также характеризуют свое поколение как целеустремленное, образованное и трудолюбивое.

Дисперсионный анализ выявил следующие закономерности ($p < 0,001$).

Поколение застоя в 2 раза чаще реформенного поколения называет себя патриотичными, ни один (!) из опрошенных миллениалов и зумеров не приписал своему поколению такую характеристику. Это же поколение считает себя трудолюбивым (50%, при 11,3–17% у реформенного поколения и 7,5% у зумеров), открытым (20% против низких показателей у реформенного поколения и миллениалов), оптимистичным (25%, что в 2–4 раза больше, чем

у большинства других когорт), но при этом негибким. Старшая когорта этого поколения удивительно редко заявляет о перенесенных жизненных трудностях (10%), причем младшая когорта говорит о том же уже в 38,9% случаев. Чаще других поколений они считают себя добрыми (30%), дружелюбными (25%), отзывчивыми (20%).

Реформенное поколение «раскололось» в вопросе патриотизма: таким себя считает 20,5% старшей когорты и всего 1,9% младшей. Как и поколение застоя, они практически не считают себя прогрессивными (не более 5,7%), но точно так же считают себя оптимистами (до 25%), хотя тоже воспринимают свое поколение как перенесшее трудности (до 35,9%). Они реже называют себя трудолюбивыми и значительно менее открытыми окружающему миру. На младшем реформенном поколении начинается резкий рост восприятия своей гибкости (до 35,9%).

Миллениалы непатриотичны (ни одного упоминания), зато прогрессивны (до 23,1%), хотя и не трудолюбивы (всего 7,7% упоминаний). Миллениалы — единственное поколение, не называющее себя открытым, а у младших миллениалов оптимизм падает до 0 упоминаний (что заслуживает отдельной интерпретации). При этом они считают себя гибкими и более других поколений (до 53,8%) перенесшими жизненные трудности. Они не называют себя добросовестными, отзывчивыми, дружелюбными, мягкими, но считают себя творческим поколением (до 23,1%) и чаще других — свободными и раскованными (до 7,7%).

Зумеры очень во многом похожи на младших миллениалов: они так же непатриотичны (0%), редко упоминают доброту, отзывчивость и мягкость (0%), трудолюбие (7,5%), при этом часто говорят о своей современности и прогрессивности (24,6%), гибкости (32,1%), свободы (11%), индивидуальности (18,9%), тактичности и политкорректности (18,9%). Они смотрят на жизнь без оптимизма (3,8%) и, вероятно, справедливо реже всех других когорт говорят о своем поколении как о перенесшем трудности жизни (всего 1,9%), при этом чаще других называют себя мирным поколением (11,3%). Любопытно, что по уровню восприятия своего поколения как открытого окружающему миру они находятся на уровне высоких цифр поколения застоя (22,7%). Естественно, что на уровне поведенческих привычек именно это поколение идентифицирует себя через приверженность социальным сетям (26,4%).

Обсуждение результатов

Значительная часть респондентов идентифицирует себя со своим поколением, что позволяет говорить о том, что изучение поколенческих трендов оправданно. При этом связь жителей сельской местности, а также менее образованной части выборки со своей поколенческой группой ощущается ими меньше, так

же большинство поколенческих когорт называют в качестве сформировавших их исторических событий те, которые произошли на границе их юношеского и молодого возраста, тем самым подтверждая гипотезу о так называемых формирующих годах в жизни поколения. Это в совокупности позволяет говорить о корректности методологии изучения ядра поколения — представителей городского среднего класса (Howe, Strauss, 2018; Radaev, 2020).

Описание особенностей своего поколения в рамках жизненного сценария или в рамках психологического портрета соответствует законам социальной перцепции и психологии межгрупповых отношений: люди не идентифицируют себя с эмоционально негативными событиями (развод, смерть близких), а также свое поколение они описывают положительно или нейтрально.

Восприятие своего поколения находится в консонансе с культурологическими, историческими и научно-популярными представлениями о портрете того или иного поколения: старшее поколение видится само себе коллективистским, их описание жизнеутверждающее (с опорой на оптимизм, трудолюбие, доброту), зумеры — напротив, индивидуалистичны, свободны, интернет-зависимы. Инструментарий исследования не позволяет отследить причинно-следственные связи, а именно характер влияния представлений на особенности идентификации, и наоборот.

Исторический уровень идентификации включает, преимущественно, политические, военные, технологические, спортивные, но не экономические события: вероятно, экономические аспекты истории не воспринимаются людьми как части событийной картины восприятия.

Ниже представлен обобщенный идентификационный портрет каждого из поколений.

Поколение застоя (в особенности старшая когорта) характеризует себя сквозь призму коллективистических ценностей (патриотизм, открытость миру, добросовестность, отзывчивость). Говоря о событиях, повлиявших на их поколение, они вспоминают масштабные спортивные события, войны, а также политические события, однако, все они исключительно связаны с внутрироссийскими и внутрисоветскими трендами. События жизненного сценария, типичные для данного поколения, так же больше, чем у других поколений ориентированы на коллективистические и семейные ценности: представители этого поколения чаще служили в вооруженных силах, не отрицали семейные ценности (брак и рождение ребенка). Они видят себя ориентированными на добросовестный труд, в отношениях с окружающими говорят об отзывчивости и открытости миру. Они не считают себя поколением, перенесшим трудную эпоху, что может показаться странным лишь на первый взгляд: возможно, поколение Застоя — дети воевавшего поколения — воспринимают свою жизнь как гораздо более легкую, чем жизнь их родителей, перенесших Великую Отечественную войну. По этой же

причине они, вероятно, приписывают себе оптимизм: в сравнении с людьми, встретившими серьезные жизненные испытания, они могут позволить себе смотреть на жизнь с надеждой.

Реформенное поколение предпочитает вспоминать о событиях 1990-х годов, чаще других упоминая события, связанные с политикой открытости окружающему миру («Перестройка», «Открытие границ»), и события технологического порядка («Появление Интернета», «Появление смартфонов», только у этой когорты — «События, связанные с медицинскими инновациями»). Видно, что именно это поколение — переходное в части восприятия патриотизма: старшая когорта еще приписывает его себе, а младшая — уже значимо реже. Возможно, это связано с тем, что они считают себя перенесшим трудности поколением, но при этом оптимистичным, хотя и менее открытым окружающему миру.

Поколение миллениалов чаще называет события 2010-х годов и в отличие от других когорт упоминает экономические события. Младшие миллениалы чаще других вспоминают «украинские события», что, возможно, связано с актуальностью военного контекста для этой группы в силу их возраста. Они революционно непатриотичны (ни одного упоминания), при этом они идентифицируют себя через категории свободы, творчества, раскованности, прогресса. Как и другие поколения, они считают себя перенесшими жизненные трудности.

Наконец, **зумеры** сильно отличаются от предыдущих поколенческих когорт. Они удивляют отсутствием политических событий в идентификационном портрете: это можно объяснить и аполитичностью, и коллективным «вытеснением» политического контекста за рамки их дискурса. Чаще вспоминаемая события 2020-х годов, они резонным образом упоминают эпидемию COVID-19, цифровизацию, а также часто говорят о масштабных спортивных событиях. Они так же, как и миллениалы, не видят себя патриотами и в целом воспринимают себя свободными космополитами: прогрессивные, гибкие, индивидуалистичные, политкорректные и миролюбивые, они при этом не приписывают себе оптимизм (возможно, в силу возрастной критичности, а, может быть, в силу приписываемого им себе критического мышления). Возможно, эта же индивидуалистическая ориентация позволяет им, говоря о своем жизненном сценарии, чаще ставить под сомнение брак и рождение ребенка как часть последнего. Их характеризует справедливо приписанная самоидентификация через отсутствие жизненных трудностей. Пресловутая индивидуализация жизненного сценария позволяет им даже потенциальное трудоустройство отнести к менее вероятным жизненным событиям, чем у предыдущих поколений (возможно, последнее объясняется через расширение способов и форм возможностей заработка).

Выводы

1. Введение в исследовательское пространство проблемы идентификации поколений позволяет социальной психологии расширить и дополнить проблематику идентичности, особенно в том ее аспекте, который касается соотношений социального и персонального полюсов идентификационных структур личности. Представляется, что в современных условиях нарастающей онтологической неопределенности и объективного сокращения привычных оснований социальной солидаризации обращение к анализу закономерностей идентификации через «поколенческую» призму задает новый ракурс для понимания динамического единства процессов конструирования социальной и персональной идентичностей.

2. Модель измерения идентификации поколения на трех выделенных уровнях позволяет сформировать комплексный социально-психологический портрет каждого поколения: на уровне макросоциальной идентификации (идентификация с историческими событиями, что может быть обозначено как историческая идентичность), на социально-психологическом уровне (идентификация с нормативными событиями культурно-жизненного сценария как основание для построения и реализации собственно социальной идентичности) и на личностном уровне (самоатрибуция конкретных психологических характеристик как отражение персональной идентичности).

3. Эмпирически построенная феноменология особенностей идентификационных структур различных поколений позволяет, с одной стороны, увидеть их общие черты (во многом связанные с уже известными социально-психологическими закономерностями — таково, например, преобладание преимущественно позитивных самооценок на макро- и микроуровне социальной идентификации), а с другой — выделить их специфические характеристики, как уже отмечавшиеся в других исследованиях (например, отсутствие идентификации «зумеров» с политическими событиями), так и ранее не известные (например, склонность тех же «зумеров» к противоречивому сочетанию в самоатрибуциях отсутствия оптимизма и трудных жизненных ситуаций).

Практическое применение

Представляется, что полученные эмпирические результаты могут служить доказательной базой для, как минимум, трех направлений социальной и психологической работы, а именно:

— специфические особенности идентификации различных поколений с историческими событиями могут быть использованы в рамках направленного идеологического влияния на них посредством масс-медиа;

— содержательная феноменология социально-психологических портретов поколений может служить опорой для создания тренинговых программ, направленных на помощь в разрешении межличностных конфликтов в организациях разного типа и видов деятельности, в которых работают представители различных поколенческих когорт;

— включение в параметры социальной и персональной идентичностей поколений событий культурно-жизненного сценария и их особенностей с точки зрения аффективной валентности позволяют существенно расширить направления психологических интервенций в рамках оказания профессиональной консультативной и психотерапевтической помощи.

Ограничения исследования

1. Для подтверждения полученных данных выборка может быть увеличена, однако, уже на данной стадии ее формирования (215 чел.) достигается репрезентативность за счет равномерности распределения выборки по другим значимым социально-экономическим параметрам (место проживания, образовательный статус и пр.).

2. Представленная в данном исследовании схема изучения идентичности поколений, безусловно, не претендует на абсолютную методологическую универсальность, однако, рассмотренная на трех уровнях, она значительно расширяет возможный методический кругозор в исследовании поколений и их самовосприятия, а так же логики и строгости их анализа как отдельных социальных групп.

Список литературы

- Андреева, Г.М. (2011). К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций. *Психологические исследования*, 6(20), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
- Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. *Психологические исследования*, 3(1). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1000>
- Андреева, Г.М. (2012). Презентации идентичности в контексте взаимодействия. *Психологические исследования*, 5(26), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v5i26.731>
- Бауман, З. (2008). *Текущая современность*. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Белинская, Е.П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. «Психология. Педагогика»*. Серия 16, 8(1), 6–15.

- Белинская, Е.П. (2020). Парадоксы эпохи эмоциональной неопределенности. *Социальная психология и общество*, 11(2), 204–208.
- Белинская, Е.П. (2015). Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? *Психологические исследования*, 40(8), 8. <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.551>
- Емелин, В.А., Тхостов, А.Ш. (2020). Дисформативная идентичность. *Вопросы философии*, (4), 80–91.
- Емельянова, Т.П., Викентьева, Е.Н., Тарасов, С.В. (2022). Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколения. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, (4), 57–78.
- Костромина, С.Н., Гришина, Н.В., Зиновьева, Е.В., Москвичева, Н.Л. (2018). Жизненная модель как конструкт изучения жизненного сценария личности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(4), 341–357. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403>
- Леонтьев, Д.А. (2009). Лабиринт идентичностей: не человек для идентичности, а идентичность для человека. *Философские науки*, (10), 5–10.
- Мангейм, К. (1998). Проблема поколений. *Новое литературное обозрение*, 2(30), 7–47.
- Марцинковская, Т.Д., Полева, Н.С. (2017). Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение. *Мир психологии*, 89(1), 24–37.
- Нуркова, В.В. (2018). Жизнь — инструкция по применению: результаты графической экспликации культурного жизненного сценария. *Международный журнал исследований культуры*, 1(30), 55–73.
- Петрунина, Д.С. (2022). «Переходное поколение»: поколенческая идентичность миллениалов. *Социологические исследования*, (2), 57–64.
- Гришина, Н.В. (ред.). (2019). Психология личности: Пребывание в изменении. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та.
- Рикель, А.М. (2020). Рациональное, прагматичное и конкурирующее: опыт эмпирического исследования стереотипов о поколении «Y». *Социальная психология и общество*, 11(3), 135–148.
- Рикель, А.М., Дорохов, Е.А. (2023). Поколение как предмет социальной психологии: исследовать нельзя отказаться? *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 46(3), 143–165.
- Серебрякова, Е.Г. (2019). Шестидесятники: биография поколения. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*, 25(1), 99–105.
- Соколова, Е.Т. (2014). Утрата Я: клиника или новая культурная норма? *Эпистемология и философия науки*, (3), 191–209.
- Андреева, Г.М., Аксенова, Е.А., Базаров, Т.Ю. (2006). Социальная психология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов. Под ред. Т.В. Фоломеевой. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Тихомандрицкая, О.А., Рикель А.М. (2022). (Не)взрослое поколение: модель исследования поколенческой относительно-сти оценки взрослости. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Психология и педагогика*, 19(2), 209–232.
- Аронсон, П. (ред.). (2022). Сложные чувства. Разговорник новой реальности: от абьюза до токсичности. Москва: Изд-во «Индивидуум».
- Шамис, Е., Никонов, Е. (2019). Миллениумы (Y). Rugenerations — российская школа теории поколений. URL: <https://rugenations.ru/category/миллениумы-у-85-03> (дата обращения: 01.03.2023).
- Gauly, B. (2017) The Intergenerational Transmission of Attitudes: Analyzing Time Preferences and Reciprocity. *Journal of Family and Economic Issues*, (38), 293–312. <https://doi.org/10.1007/s10834-016-9513-4>
- Gilleard, C., Higgs, P. (2005). Contexts of Ageing: Class, cohort and community. Cambridge: Polity Press.
- Giuliano, P., Spilimbergo, A. (2013). Growing up in a Recession. *The Review of Economic Studies*. URL: <http://restud.oxford-journals.org/content/early/2013/12/25/restud.rdt040.full.pdf> (accessed: 01.03.2023).
- Howe, N., Strauss, W. (2018). Millennials Rising: The Next Generation. In *Small Business and the City*. New York: Knopf Doubleday Publishing Group.
- Lyons, S.T., Schweitzer, L., Urick, M.J., Kuron L. (2019). A Dynamic Social-Ecological Model of Generational Identity in the Workplace. *Journal of Intergenerational Relationships*, 17(1), 1–24.
- Radaev, V. (2020). The Divide Among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part One). *Sociological Journal*, 26(3), 30–63.
- Rikel, A.M. (2019). Generation as a Social-Psychological Research Object: Playing at Home or an Away Match? *Social Policy and Society*, 10(2), 9–18.
- Scherman, A.Z., Salgado, S., Shao, Z., Berntsen, D. (2017). Life Script Events and Autobiographical Memories of Important Life Story Events in Mexico, Greenland, China, and Denmark. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(1), 60–73.
- Twenge, J.M., Campbell, W.K., Gentile, B. (2012). Generational Increases in Agentic Self-Evaluations Among American College Students, 1966–2009. *Self and Identity*, (11), 409–427.
- Wilkinson, D.E., Dunlop, W.L. (2020). Ethnic-Racial Life Scripts: Relations with Ethnic-Racial Identity and Psychological Health. *Emerging Adulthood*, 10(2), 402–419.

References

- Andreeva, G.M. (2011). On the issue of identity crisis in the context of social transformations. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 6(20), 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v4i20.804>
- Andreeva, G.M. (2009). Social Psychology: Vectors of the New Paradigm. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 3(1). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v2i3.1000>
- Andreeva, G.M. (2012). Presentations of identity in the context of interaction. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 5(26), 1. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i26.731>
- Bauman, Z. (2008). Fluid modernity. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Belinskaya, E.P. (2018). Contemporary studies of identity: from structural certainty to processuality and incompleteness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. «Psikhologiya. Pedagogika». Seriya 16 = Bulletin of St. Petersburg State University. "Psychology. Pedagogy". Series 16*, 8(1), 6–15. (In Russ.)

- Belinskaya, E.P. (2020). Paradoxes of the era of emotional uncertainty. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 11(2), 204–208. (In Russ.)
- Belinskaya, E.P. (2015). Variability of the Self: A Crisis of Identity or a Crisis of Knowledge about It? *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 40(8), 8. (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.551>
- Emelin, V.A., Tkhostov, A.Sh. (2020). Disformative identity. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*, (4), 80–91. (In Russ.)
- Emelyanova, T.P., Vikentyeva, E.N., Tarasov, S.V. (2022). Urban identity and the image of the future in two cities: the generation factor. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, (4), 57–78. (In Russ.)
- Kostromina, S.N., Grishina, N.V., Zinovieva, E.V., Moskvicheva, N.L. (2018). Life model as a construct for studying the life scenario of an individual. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 8(4), 341–357. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.403>
- Leontiev, D.A. (2009). The labyrinth of identities: not a person for identity, but identity for a person. *Filosofskie nauki = Philosophical sciences*, (10), 5–10. (In Russ.)
- Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *Novoe literaturnoe obozrenie = New Literary Review*, 2(30), 7–47. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T.D., Poleva, N.S. (2017). Generations of the era of transitivity: values, identity, communication. *Mir psikhologii = The World of Psychology*, 89(1), 24–37. (In Russ.)
- Nurkova, V.V. (2018). Life — instructions for use: results of a graphic explication of a cultural life scenario. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Studies*, 1(30), 55–73. (In Russ.)
- Petrulina, D.S. (2022). “Transitional generation”: generational identity of millennials. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, (2), 57–64. (In Russ.)
- Grishina, N.V. (ed.). (2019). *Psychology of personality: Staying in change*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ. (In Russ.)
- Rikel, A.M. (2020). Rational, Pragmatic, and Competitive: An Empirical Study of Stereotypes about Generation Y. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 11(3), 135–148. (In Russ.)
- Rikel, A.M., Dorokhov, E.A. (2023). Generation as a Subject of Social Psychology: Is It Possible to Refuse to Research? *Lomonosov Psychology Journal*, 46(3), 143–165. (In Russ.)
- Serebryakova, E.G. (2019). The Sixties: Biography of a Generation. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of Education, Science, and Culture*, 25(1), 99–105. (In Russ.)
- Sokolova, E.T. (2014). Loss of Self: A Clinic or a New Cultural Norm? *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, (3), 191–209. (In Russ.)
- Andreeva, G.M., Aksenova, E.A., Bazarov, T.Yu. (2006). *Social Psychology: Workshop: Textbook for University Students*. In: T.V. Folomeeva (ed.). Moscow: Aspect Press Publ. (In Russ.)
- Tikhomandritskaya, O.A., Rikel, A.M. (2022). The (Un)Adult Generation: A Model for Studying the Generational Relativity of Adulthood Assessment. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya Psikhologiya i pedagogika = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Psychology and Pedagogy Series*, 19(2), 209–232. (In Russ.)
- Aronson, P. (ed.). (2022). *Complex Feelings. A Phrasebook of the New Reality: From Abuse to Toxicity*. Moscow: Individual Publ. (In Russ.)
- Shamis, E., Nikonov, E. (2019). Millennials (Y). Rugenerations is a Russian school of generational theory. URL: <https://rugen-erations.ru/category/миллениумы-у-85-03> (accessed: 01.03.2023). (In Russ.)



ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Елена Павловна Белинская, доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>

Elena P. Belinskaya, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, elena_belinskaya@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3057-5273>



Александр Маркович Рикель, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Alexander M. Rikel, Cand. Sci (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, a.m.rikel@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6940-4244>

Поступила: 16.05.2024; получена после доработки: 28.06.2024; принята в печать: 21.08.2024.

Received: 16.05.2024; revised: 28.06.2024; accepted: 21.08.2024.

Приложение 1 Авторская анкета

Здравствуйте! Это опрос, который проводит факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.
Он о том, **что**, как Вам кажется, **повлияло на жизнь вашего поколения**.

Представьте себе самые важные события из сферы:

- исторических и политических событий
- научных открытий и изобретений
- экономических и бизнес-трендов
- медицинских открытий
- знаковых событий из мира культуры, искусства, спорта и пр.,

которые **оказали влияние на жизнь ИМЕННО** вашего поколения.

Это могут быть события как из далекого и недавнего прошлого, так и актуальные события.

Отвечайте не задумываясь, в этом опросе нет правильных и неправильных ответов.

Напишите, пожалуйста, **5–7 таких событий**.

В конце мы еще зададим вам пару вопросов о том, как вы видите свое поколение, чем оно отличается от других.

Опрос займет **не более 10–12 минут** и не затронет никаких чувствительных и конфиденциальных тем.

Спасибо Вам большое заранее.

Ваш год рождения:*

- 2001 г. и позднее
- 1991–2000 гг.
- 1982–1990 гг.
- 1975–1981 гг.
- 1968–1974 гг.
- 1958–1967 гг.
- 1947–1957 гг.

Где вы проживаете?*

Ваше образование:*

- Среднее
- Среднее специальное
- Высшее
- Кандидат/доктор наук

Напоминаем задание.

Представьте себе самые важные события из сферы:

- исторических и политических событий
- научных открытий и изобретений
- экономических и бизнес-трендов
- медицинских открытий
- знаковых событий из мира культуры, искусства, спорта и пр.,

которые **оказали влияние на жизнь ИМЕННО** вашего поколения.

Событие № 1 — это...*

Для меня это событие —* -3-3

Люди из поколения моих родителей воспринимают это событие, скорее...* -3-3

Люди из поколения моих детей воспринимают это событие, скорее...* -3-3

Событие 2-7...

Оцените вероятность наступления следующих событий в жизни **ТИПИЧНОГО** человека вашего поколения*

Насколько вероятно, что каждое событие ниже обязательно наступит (или наступило) в жизни типичного человека из вашего поколения?

Рождение своего ребенка
Окончание 9 классов школы
Окончание 11 классов школы
Первая любовь / первые отношения
Получение высшего образования
Покупка своей квартиры/дома
Заключение брака
Трудоустройство
Служба в армии
Обретение независимости от родителей
Развод (в браке)
Появление друга

Осталось совсем чуть-чуть, наберитесь терпения. Закончите несколько фраз ниже.

Люди моего поколения...*
В отличие от других поколений, мы...*
Сильная сторона нашего поколения — это...*
Людей моего поколения можно легко узнать по типичной черте: мы, как правило...

Я, в целом, похож на типичного представителя своего поколения*
1 “звезда” — мне гораздо комфортнее общаться с людьми другого возраста и других поколений, со сверстниками ощущаю себя не в своей тарелке. 7 “звезд” — с людьми своего поколения я как рыба в воде, полностью разделяю их ценности, привычки и увлечения.

Appendix 1 Author’s questionnaire

Hello! This is a survey conducted by the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University.
It is about **what**, in your opinion, **has influenced the life of your generation**.
Imagine the most important events in the field of:

- historical and political events
- scientific discoveries and inventions
- economic and business trends
- medical discoveries
- significant events in the world of culture, art, sports, etc.,

that **have influenced the life of EXACTLY your generation**.

These can be events from the distant and recent past, as well as current events.

Answer without thinking, there are no right or wrong answers in this survey.

Please write down 5–7 **such events**.

At the end, we will ask you a couple more questions about how you see your generation, how it differs from others.

The survey will take **no more than 10–12 minutes** and will not touch on any sensitive or confidential topics.

Thank you very much in advance.

The year of your birth:*

- 2001 and later
- 1991–2000
- 1982–1990
- 1975–1981
- 1968–1974
- 1958–1967
- 1947–1957

Where do you live?*

Your education:*

- Secondary
- Secondary special
- Higher
- Candidate/Doctor of Science

We remind you of the task.

Imagine the most important events in the field of:

- historical and political events
- scientific discoveries and inventions
- economic and business trends
- medical discoveries
- significant events in the world of culture, art, sports, etc.,

that **have influenced the life of EXACTLY your generation.**

Event #1 is...*

For me, this event is —* -3-3

People from my parents' generation perceive this event more as...* -3-3

People from my children's generation perceive this event more as...* -3-3

Event 2-7...

Assess the probability of the following events occurring in the life of a TYPICAL person of your generation*

How likely is it that each event below will definitely occur (or has occurred) in the life of a typical person of your generation?

- The birth of your child
- Finishing 9th grade at school
- Finishing 11th grade at school
- First love / first relationship
- Getting a higher education
- Buying your own apartment/house
- Getting married
- Employment
- Military service
- Gaining independence from parents
- Divorce (in marriage)
- Making a friend

There's just a little bit left, be patient. Finish a few sentences below.

People of my generation...*

Unlike other generations, we...*

The strong point of our generation is...*

People of my generation can be easily recognized by a typical feature: we, as a rule...

In general, I look like a typical representative of my generation*

1 "star" — I feel much more comfortable communicating with people of a different age and generation, I feel out of place with my peers. 7 "stars" — I feel completely at ease with people of my generation, I completely share their values, habits and hobbies.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0304>
УДК/UDC 159.9.072

Наследие Г.М. Андреевой: роль технологических инноваций в социальных изменениях

Ф.Н. Винокуров, К.А. Панов, Е.Д. Садовская ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

✉ sadovskaiaed@my.msu.ru

Резюме

Актуальность. Технологические инновации становятся агентом социальных изменений, порождая новое социально-психологическое содержание. В этих условиях тезис Г.М. Андреевой о цели социальной психологии — помочь человеку адаптироваться к изменившейся среде, не теряет своей актуальности.

Цель. Целью работы является выделение специфики социально-психологического подхода к изучению роли технологических инноваций в социальных изменениях. В качестве иллюстрации приведены результаты двух эмпирических исследований возникающего в контексте профессиональной деятельности социально-психологического содержания на примере разработчиков открытого программного обеспечения (1) и в бытовом контексте на примере использования Виртуального Ассистента (ВА) для принятия экономических решений (2).

Выборка. Исследование (1): 900 сообщений с платформы для совместной разработки.

Исследование (2): 200 испытуемых — пользователей популярного на российском рынке ВА, жители российских городов с населением более 500 000 человек.

Методы. Исследование (1): контент-анализ с использованием больших языковых моделей.

Исследование (2): количественный опрос, включающий оценку восприятия пользователями их ВА и ранее неизвестных ВА по 15 характеристикам, уровень декларируемого и экономического доверия в сценариях, связанных с денежными транзакциями.

Результаты. Исследование (1): предварительно настроенная модель gpt-4-turbo с инструкцией, состоящей из двух примеров, достигает 56% точности классификации. Использование точно настроенной модели предыдущего поколения deberta-v3-small повышает эффективность классификации сообщений разработчиков до ≈70%. Это позволяет использовать модель для кодирования взаимодействия разработчиков, чтобы обнаружить детерминанты эффективной совместной деятельности.

Исследование (2): обе формы доверия (декларируемое и экономическое) значимо связаны с компонентами социальных представлений о ВА. Отдельные компоненты представлений коррелируют и с декларируемым, и с экономическим доверием на уровне $r > 0,3$; $p < 0,05$. Наблюдается разница в показателях взаимосвязи для знакомого и незнакомого ВА. Делается предположение о возможном влиянии длительности использования ВА на силу связей между социальными представлениями о нем и доверием ему. Таким образом, социальные представления, сформированные при взаимодействии с технологией, вносят вклад в доверительное отношение к ней, и соответственно, в процесс принятия решения с ее участием.

Выводы. Социально-психологическое знание об изменяющемся социально-психологическом содержании может лечь в основу формирования человекоцентричных технологий. В рамках профессиональной деятельности разработчиков можно совершенствовать текущие инструменты для развития, управления и оптимизации совместной деятельности. А в повседневной — формировать уровень доверия, адекватный ситуации взаимодействия с Виртуальным Ассистентом.

Ключевые слова: технологические инновации, открытое программное обеспечение, эффективность совместной деятельности, большие языковые модели, виртуальный ассистент, доверие, искусственный интеллект, социальное представление

Для цитирования: Винокуров, Ф.Н., Панов, К.А., Садовская, Е.Д. (2024). Наследие Г.М. Андреевой: роль технологических инноваций в социальных изменениях. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 46–64. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0304>

The Tribute to G.M. Andreeva: the Role of Technological Innovations in Social Change

Fedor N. Vinokurov, Kirill A. Panov, Ekaterina D. Sadovskaia ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

✉ sadovskaiaed@my.msu.ru

Abstract

Background. Technological innovations have become an important agent of social change, creating new socio-psychological meaning. In this context, G.M. Andreeva's idea that social psychology should help people adapt to changing environments remains relevant.

Objectives. This paper aims to highlight the socio-psychological perspective on the role of innovative technologies in social change. We present two empirical studies that demonstrate emerging socio-psychological patterns in the context of open-source software development (study 1) and the use of virtual assistants (VA) for economic decision-making (study 2).

Study Participants. Study (1): 900 posts from a collaborative development platform.

Study (2): 200 users of the VA popular in Russia, residents of Russian cities with a population of more than 500,000 people.

Methods. Study (1): Content analysis using large language models.

Study (2): Quantitative online survey assessed users' perception of their VA and previously unknown VA across 15 characteristics, subjective trust levels, and economic trust through scenarios involving monetary transactions.

Results. Study (1): A pre-configured GPT-4 turbo model with an instruction consisting of two examples achieved 56% accuracy in classification. Using a fine-tuned model of the previous generation, DeBERTa-v3-Small, increased the efficiency of classifying developer messages by up to 70%. This allowed the model to be used to encode developer interactions in order to identify the factors that contribute to effective collaboration.

Study (2): Both forms of trust (declared and economic) are significantly related to components of social representations (SR) of VA. Individual components of these perceptions correlate with both declared and economic trust at the level of $r > 0.3$, $p < 0.05$. However, there is a difference in the strength of these relationships for familiar and unfamiliar VAs. An assumption can be made about the possible influence of the duration of use of VA on the strength of connections between SR and trust in VA. Thus, SR formed through interaction with VA contributes to a trusting attitude towards it and, accordingly, to decision-making processes involving its use.

Conclusions. Socio-psychological knowledge about the changing socio-psychological meaning can form the foundation for the development of human-centered technologies. As a part of professional work, a developer can improve current tools for the creation, management, and optimization of collaborative activities. In everyday life, it is also important to establish a level of trust that is appropriate for the situation in which a Virtual Assistant is used.

Keywords: technological innovations, open source software, efficiency of joint activities, large language models, virtual assistant, trust, artificial intelligence, social representations

For citation: Vinokurov, F.N., Panov, K.A., Sadovskaia, E.D. (2024). The tribute to G.M. Andreeva: the role of technological innovations in social change. *National Psychological Journal*, 19(3), 46–64. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0304>

Введение

С каждым годом мы видим все больше примеров изменчивости социальной ситуации (Андреева, Леонтьев, 2018). Технологические инновации выступают одной из определяющих черт данного процесса, становясь частью нашей среды и «продолжением» психических способностей человека (Белинская, Гавриченко, 2018). Социальная психология вносит вклад в создание человекоцентричных технологий за счет понимания социально-психологического содержания, возникающего в процессе внедрения

технологий. В нашей статье мы рассматриваем два варианта такого содержания: интегративные тенденции в виртуальной совместной деятельности разработчиков открытого программного обеспечения (ПО) и факторы формирования доверия технологии на примере виртуальных ассистентов (ВА). Это соответствует предложенному Г.М. Андреевой взгляду на социальную психологию не только как на отдельную науку, которая исследует социально-психологическое содержание, но и как на часть культуры, которая это содержание и конструирует (Андреева, 2013, с. 10).

Связь технологических инноваций и общества в «родительских» дисциплинах

В научном поле социологии существует спектр представлений о связи технологических инноваций и общества, на краях которого находятся две противоположные точки зрения — технодетерминизм, утверждающий автономность технологий и их влияние на общество, и социальный детерминизм, утверждающий примат общества над технологиями (Бычкова, 2020). Социология, изучая всю совокупность социальных связей и отношений, подчеркивает взаимовлияние технологий и общества: порожденные социальными отношениями технологии становятся материальной силой, которая после восприятия и определения ее социальной группой накапливает «импульс» и сама изменяет отношения (Добрякова, Котельникова, 2015; Johnson, Wetmore, 2021). Ключевые обобщения социологического взгляда могут быть сформулированы следующим образом: ученые и инженеры включены в социальные отношения наука и технологии — социальные.

Современная психология изучает новое психическое содержание, сформированное под воздействием технологического прогресса, пытаясь отделить новые психологические феномены от уже классических в новом контексте. С одной стороны, ученые отмечают реорганизацию высших психических функций: привычная система интериоризации сменяется в современном мире экстериоризацией, когда часть психических функций выносится за пределы человека, помещается в технологии, стирается граница между психикой и технологией (Фаликман, 2020), а у сознания появляется новый механизм преадаптации как ответ на постоянные изменения (Асмолов и др., 2017; Нуркова, 2019). С другой стороны, в контексте, задаваемом технологическими инновациями, вновь актуализируются дискуссии о критериях естественного и искусственного интеллекта (Лекторский и др., 2022), а также проявляются и видоизменяются классические психологические феномены, такие как образ тела, отношения с другими, зависимости и пр. (Войскунский и др., 2019; Емелин и др., 2014; Расказова и др., 2012; Ростовцева и др., 2022).

Связь технологических инноваций и общества в социальной психологии

Г.М. Андреева намечает вектор современной социальной психологии — быть не просто предсказателем, но «катализатором» социальных изменений (Андреева, 2009). «Психология сошла со страниц научных трактатов и практически стала фактором конструирования реальности», — говорит о будущем психологии и А.Г. Асмолов (Асмолов, Нестик, 2018). В такой ситуации основной целью социальной психологии становится помощь в формировании безопасных, человекоцентричных технологий, что является преадаптацией к изменениям на уровне общества в целом.

Этот вектор активно реализуется в современных отечественных социально-психологических исследованиях технологических инноваций:

1. Разрабатываются новые теоретические конструкции. Разработана социально-когнитивная концепция цифровой социализации, отражающая процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды (Солдатов, Войскунский, 2021), изучаются закономерности построения сетевой идентичности (Белинская, 2019), особенности трансформации культурной памяти (Винокуров, Фоломеева, 2019).

2. Обогащается исследовательский арсенал. Исследователи изучают **новую методологию цифровой повседневности, например, «психологический хронотоп»**, внутренняя форма которого позволяет исследовать отношение людей к своему статусу в разных пространствах: реальном и виртуальном (Марцинковская, 2023). Другим примером может служить «**социальное воображаемое**», как новый докатегориальный механизм социального познания, который помогает изучать невербализуемые способы познания и переживания современного мира (в отличие от традиционных механизмов, во многом основанных так или иначе на вербализации).

3. Создаются прогнозы многоуровневого влияния технологий на общество (Журавлев, Нестик, 2019), отслеживаются культурные и возрастные особенности отношения к новым технологиям (Патраков и др., 2022), психологическое благополучие «цифрового поколения» (Тихомандрицкая и др., 2019).

Иными словами, социальная психология как часть и широкого социального контекста становится агентом изменений технологий, которые, в свою очередь, определяют изменения в обществе. Исследование 1 является частью проекта по созданию технологии для оптимизации виртуального предметно-ориентированного взаимодействия разработчиков открытого ПО. В нем обосновывается подход к автоматизации наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого ПО с использованием больших языковых моделей. Исследование 2 направлено на изучение взаимосвязи представлений о виртуальном ассистенте для принятия экономических решений (ВА) и доверия ему. Образ ВА сильно связан с доверием на первых этапах взаимодействия, это провоцирует ошибки при делегировании экономических решений. Из этого следует рекомендация формировать образ ВА контролируемо, чтобы уровень доверия был адекватен его реальным возможностям.

Исследование 1. Социально-психологические особенности совместной деятельности разработчиков открытого ПО

Движение за открытое программное обеспечение, начавшееся как ответ группы разработчиков-

энтузиастов на высокую стоимость и недостаточную гибкость коммерческого ПО, продолжилось в виде децентрализованной модели разработки, продукты которой лежат в основе большинства современных цифровых сервисов как в мире (Octoverse, 2023), так и в России (Коммерческий Open Source в России, 2024).

Развитие и внедрение новых информационных технологий привело к появлению новой формы производственной деятельности ИТ-специалистов — разработке ПО с открытым исходным кодом, характеризующейся большей демократизацией процесса создания программ. Появившееся форма производства среди профессионалов порождает заинтересованность в развитии, управлении и оптимизации совместной деятельности. Социальная психология для решения данной задачи может обратиться к собственно психологическим средствам оптимизации — анализу социально-психологических особенностей деятельности таких групп.

Прежде чем перейти к анализу, важно кратко объяснить используемую в работе терминологию. Проекты с открытым исходным кодом хранятся в репозиториях¹. Вокруг репозитория с программой возникают группы разработчиков, как правило, использующих ее. Как только у разработчика возникает потребность в новой функции программы, они могут самостоятельно изменить ее код и предложить его внести в основной репозиторий, тем самым становясь вкладчиком или контрибьютором (contributor). Администратор проекта или мейнтейнер (maintainer) получает запрос на добавление нового кода и принимает решение — принять, совместно доработать или отклонить запрос, если он, например, не соответствует целям продукта, либо его редактирование займет много времени (Khatoonabadi и др., 2023), либо из-за принятой администратором стратегии взаимодействия с запросами (Alami и др., 2020).

Социально-психологические особенности совместной деятельности могут быть рассмотрены на организационном, групповом и индивидуальном уровнях. Общность разработчиков открытого ПО является частным примером сетевой мультиагентной виртуальной организации. Она возникает при появлении рыночной возможности или поступления социального заказа и характеризуется кратковременными связями и децентрализованным типом управления (Журавлев, Занковский, 2017). На уровне группы в каждом проекте с открытым исходным кодом присутствует функциональное разделение между малочисленным «ядром» — администратором проекта и «постоянными» разработчиками и превосходящей его по количеству «периферией» — группой разработчиков, использующих со-

¹ Централизованное хранилище данных, используемое для управления версиями исходного кода проекта.

зданное ПО и вносящих предложения по его изменению (Crowston, Howison, 2005; Tamburri и др., 2013). На уровне взаимодействия индивидов для разработки открытого ПО характерна совместно-последовательная форма организации совместной деятельности, при которой предмет передается от администратора к вкладчику и обратно, тем самым дорабатывается (Уманский, 1977).

Таким образом, особенности совместной деятельности разработчиков открытого ПО сформированы комбинацией ряда условий. Написание программного кода — когнитивно сложный труд, требующий согласования деятельности администратора проекта и вкладчика. Он протекает в условиях сжатых сроков разработки и при этом только временного взаимодействия, низкой психологической контактности, размытых физических и временных границ группы.

В условиях функциональной зависимости и виртуальной совместной деятельности значимый вклад в эффективность достижения цели будет вносить оптимальная интеграция индивидуальных деятельностей, обозначаемая как сработанность (Обозов, 1979). Отсюда, при изучении социально-психологических факторов эффективности совместной деятельности разработчиков открытого ПО, важно принять в качестве предмета изучения процессы распределения и объединения индивидуальных деятельностей в единую, а также процессы согласования, координации и управления.

Совместная деятельность разработчиков открытого ПО доступна для непосредственного наблюдения, поскольку представлена в виде текстовых сообщений в системе для совместной разработки. Чтобы наблюдать за взаимодействием и принять процессуальные характеристики деятельности в качестве переменной эмпирического исследования, важно автоматизировать кодирование большого объема текстовых данных, используя большие языковые модели (large language models). С одной стороны существуют платные модели типа Chat GPT, которые используют большее число параметров и, предположительно, обеспечат более точную классификацию. С другой — свободно распространяемые модели с меньшим числом параметров типа BERT, но специализирующиеся на классификации текстов. Цель исследования — выбрать наиболее точную модель для классификации сообщений разработчиков.

Методы

Используемые модели

Кодирование производилось с помощью трех предварительно обученных (pre-trained) моделей, возвращенных на стороннем сервере, их характеристики представлены в Таблице 1.1 (Models — OpenAI API, 2024; Deberta-v3-small, 2024).

Таблица 1.1
Характеристики используемых моделей

Модель	Версия	Настройки	Количество параметров	Ограничение ввода	Дата обращения
Chat GPT	gpt-3.5-turbo, версия 0125	Температура = 0,5; Максимальное число токенов = 40	20B	16 тысяч токенов	02.2024
Chat GPT	gpt-4-turbo, версия 2024-04-09		1Tln	128 тысяч токенов	
BERT	deberta-v3-small, TF 2.0, 2019	Базовые настройки для работы с несколькими классами ²	44M	Нет	02.2024

Table 1.1
Characteristics of the models used

Model	Version	Configuration	Number of parameters	Input restriction	Date of application
Chat GPT	gpt-3.5-turbo, version 0125	Temperature = 0.5; Maximum number of tokens = 40	20B	16 thousand tokens	02.2024
Chat GPT	gpt-4-turbo, version 2024-04-09		1Tln	128 thousand tokens	
BERT	deberta-v3-small, TF 2.0, 2019	Basic settings for working with multiple classes	44M	No	02.2024

Материалы

Два эксперта с разным опытом закодировали 2119 сообщений разработчиков из платформы для совместной разработки, приписав им следующие категории: «Разъяснение», «Решение и его описание», «Призыв к действию», «Статус действий», «Проблема и ее описание», «Вопрос», «Выражение согласия/одобрения», «Предложение по процедуре», «Принятие ответственности». Уровень межэкспертной согласованности — каппа Коэна > 0,81 (Панов, Винокуров, 2024).

Тонкая настройка моделей

Чтобы модель адекватно классифицировала сообщение, важно ее настроить. Для моделей Chat GPT настройка производилась с помощью разных запросов-инструкций (prompts). Инструкция «цепочка мыслей» (CoT — Chain-of-Thought), при которой задача по классификации разделяется на подзадачи, решая которые, модель лучше предсказывает категорию (Wei и др., 2023); метод «подсказок и рассуждений» (CARP — Clue And Reasoning Prompting), заключающийся в поиске подсказок в тексте сообщения и включение их в рассуждение перед окончательной классификацией (Sun и др., 2023); полнотекстовая кодировочная инструкция; а также обучение с помощью двух примеров (Few-shot, N = 2). Модели Chat GPT дополнительно настраивались с помощью увеличения параметра «креативности» (temperature) для более непредсказуемых ответов модели, а также установки ограничения на длину ответа модели (max tokens). Модель deberta «настраивалась» с помощью

обучающей выборки, куда попали все закодированные сообщения. Используемые запросы-инструкции, а также наборы данных указаны в приложении³.

Показатели

Для оценки качества работы моделей машинного обучения используются несколько метрик. Точность — это соотношение верных предсказаний модели к общему количеству предсказаний, а полнота — насколько хорошо модель находит все положительные случаи. На точности и полноте базируется F₁-мера. Это объединяющий обе метрики показатель, который дает более надежную оценку качества работы модели. Если оцениваются сразу несколько классов, то используются вариации F₁-меры: F₁-микро (метрика предполагает, что каждое наблюдение вносит равный вклад в показатели качества модели, поэтому вычисляет среднее значение, взвешенное по количеству наблюдений в категориях) и F₁-макро (метрика предполагает, что категории равны вне зависимости от числа наблюдений в них, поэтому F₁-мера рассчитывается для каждой категории, а затем усредняется).

$$\begin{aligned}
 \text{Точность} &= \frac{\text{(Верноположительные исходы)}}{\text{(Верноположительные + Ложноположительные)}} \\
 \text{Полнота} &= \frac{\text{(Верноположительные исходы)}}{\text{(Верноположительные + Ложноотрицательные)}} \\
 F1 &= 2 * \frac{\text{Точность} * \text{Полнота}}{\text{Точность} + \text{Полнота}}
 \end{aligned}$$

² Список представлен на сайте: <https://huggingface.co/blog/Valerii-Knowledgator/multi-label-classification>

³ Репозиторий с приложениями: https://github.com/kiriririr/Appendices_tribute_to_GM

Результаты исследования

Как видно из Таблицы 1.2, модель показывает наилучшие результаты при определении категории «Вопрос» (Ср.знач. $F_1 = 0,61$) и «Подтверждение» (Ср.знач. $F_1 = 0,54$), в то время как классификация «предложений по процедуре разработки» (Ср.знач. $F_1 = 0,22$) и

«разъяснений» (Ср.знач. $F_1 = 0,32$) затруднена. Это может быть связано с тем, что в первых случаях, языковая модель ориентируется на явные признаки единицы текста — знаки вопроса и лексемы — конкретные слова «Подтверждаю», «Выглядит отлично для меня», во втором случае от модели требуется анализ семантики — установления связи между лексемами.

Таблица 1.2

Показатели эффективности классификации больших языковых моделей для каждой категории

Категория	gpt-3.5-turbo					gpt-4-turbo			
	Среднее	CoT	CARP	Инструкция	Два примера	CoT	CARP	Инструкция	Два примера
Выражение согласия/одобрения	0,54	0,43	0,48	0,43	0,54	0,43	0,68	0,74	0,62
Призыв к действию	0,42	0,40	0,38	0,18	0,54	0,40	0,45	0,46	0,56
Разъяснение	0,32	0,33	0,30	0,36	0,31	0,33	0,28	0,29	0,38
Принятие ответственности	0,48	0,34	0,12	0,55	0,51	0,34	0,60	0,70	0,71
Проблема и ее описание	0,50	0,50	0,45	0,48	0,55	0,50	0,40	0,54	0,59
Предложение по процедуре	0,22	0,23	0,26	0,31	0,31	0,23	0,12	0,07	0,25
Вопрос	0,61	0,54	0,57	0,52	0,68	0,54	0,61	0,64	0,74
Решение и его описание	0,44	0,44	0,45	0,44	0,40	0,44	0,37	0,40	0,55
Статус действий	0,40	0,28	0,37	0,41	0,38	0,28	0,38	0,55	0,57

Table 1.2

Performance indicators for classifying large language models for each category

Category	gpt-3.5-turbo					gpt-4-turbo			
	Mean	CoT	CARP	Instruction	Few shot (N = 2)	CoT	CARP	Instruction	Few shot (N = 2)
Expression of consent/approval	0.54	0.43	0.48	0.43	0.54	0.43	0.68	0.74	0.62
Call to action	0.42	0.40	0.38	0.18	0.54	0.40	0.45	0.46	0.56
Explanation	0.32	0.33	0.30	0.36	0.31	0.33	0.28	0.29	0.38
Responsibility taking	0.48	0.34	0.12	0.55	0.51	0.34	0.60	0.70	0.71
The problem and its description	0.50	0.50	0.45	0.48	0.55	0.50	0.40	0.54	0.59
Procedure proposal	0.22	0.23	0.26	0.31	0.31	0.23	0.12	0.07	0.25
Question	0.61	0.54	0.57	0.52	0.68	0.54	0.61	0.64	0.74
The solution and its description	0.44	0.44	0.45	0.44	0.40	0.44	0.37	0.40	0.55
Action status	0.40	0.28	0.37	0.41	0.38	0.28	0.38	0.55	0.57

В Таблице 1.3 показано, что наиболее эффективным способом создания запроса к большим языковым моделям является демонстрация нескольких примеров. Она позволяет увеличить точность классификации на 19% для gpt-3.5 (F_1 -микро CoT = 0,4 против F_1 -микро Few-shot (N = 2) = 0,48) и на 39% (F_1 -микро CoT = 0,4 против F_1 -микро Few-shot

(N = 2) = 0,56) по сравнению с методом обучения без примеров. Для последнего обе модели демонстрируют одинаковую эффективность. «Средние» значения показателя эффективности могут быть также связаны и с тем, что модель, несмотря на запрос, приписывала лишь один класс получаемому на «вход» сообщению.

Таблица 1.3

Показатели эффективности классификации двух больших языковых моделей для каждого метода создания запроса

Модель	Запрос	F ₁ -макро	F ₁ -микро
gpt-3.5-turbo	CoT	0,388	0,399
	CARP	0,375	0,401
	Инструкция	0,407	0,418
	Два примера	0,470	0,475
gpt-4-turbo	CoT	0,388	0,399
	CARP	0,434	0,433
	Инструкция	0,488	0,502
	Два примера	0,551	0,556

Table 1.3

Performance indicators for classifying two large language models for each query creation method

Model	Prompt	F ₁ -macro	F ₁ -micro
gpt-3.5-turbo	CoT	0.388	0.399
	CARP	0.375	0.401
	Instruction	0.407	0.418
	Few shot (N = 2)	0.470	0.475
gpt-4-turbo	CoT	0.388	0.399
	CARP	0.434	0.433
	Instruction	0.488	0.502
	Few shot (N = 2)	0.551	0.556

Выводы

Максимальная эффективность классификации моделями gpt равна 56% (F₁-микро, gpt-4, «Два примера»). Поэтому ни одна из моделей gpt не может быть использована для решения задачи мультиклассовой классификации сообщений разработчиков открытого ПО. Предварительно обученная модель deberta-v3-small позволяет на 13,3% увеличить эффективность, добившись результата в 69,4%. Этот показатель сопоставим с показателями эффективности классификации в области биотехнологий (Events classification biotech, 2024). Авторы принимают во внимание возможность снижения качества классификации на новых данных, а также вероятность неверной классификации, поэтому в будущем эмпирическом исследовании намерены отвергнуть нулевую гипотезу при вероятности значительно меньшей, чем 1%. С учетом этих ограничений именно модель deberta-v3-small может быть использована для автоматизации процесса кодирования больших объемов данных о сов-

местной деятельности разработчиков открытого ПО, чтобы в будущем выделить особенности изменения профессиональной деятельности под влиянием технологических инноваций.

Исследование 2. Социально-психологические факторы принятия экономического решения с использованием ВА

Одним из примеров внедрения технологий в жизнь современного человека является распространение Виртуальных ассистентов. В отличие от примера, описанного выше, в данном случае речь идет о внедрении технологии не столько в профессиональную, сколько в бытовую жизнь человека.

Виртуальный ассистент (ВА) — это цифровой продукт на основе технологий Искусственного Интеллекта (ИИ), как правило, представленный в виде письменного и/или голосового чата с пользователем, иногда — в виде музыкальной колонки. Пользователи могут устанавливать такого помощника у себя на смартфоне для управления Умным Домом, запуска развлекательного контента или для приобретения различных услуг — заказа продуктов, такси, перевода средств и др.

Функциональный репертуар ВА можно условно разделить на две части: управление и генерация. Управление позволяет запускать другие программы через интерфейс ВА, а генерация предлагает новую информацию, созданную с помощью ВА для решения некоторой задачи (создание подборок текста/изображений/видео, рекомендации по маршруту, финансовым операциям и проч.).

Использование ВА для второго типа задач несет в себе некоторые риски. Информация, предлагаемая ВА может оказаться недостоверной или требовать перепроверки пользователем. Доверие технологиям в таком типе задач должно быть качественно откалибровано: пользователи должны доверять тем частям информации, которым имеет смысл доверять, и не доверять тем частям, которые этого доверия не заслуживают (Miller, 2022).

Мы предлагаем рассмотреть возможные социально-психологические факторы, влияющие на формирование этого доверия в случае взаимодействия с ВА.

Доверие технологиям

Анализ зарубежных исследований, проведенный Верещак и коллегами, показывает, что определения доверия автоматизированным системам в большинстве своем включают три пункта:

- Доверие всегда связано с позитивными ожиданиями по отношению к объекту доверия.
 - Доверие проявляется в состоянии уязвимости.
 - Доверие — это аттитюд (Vereschak и др., 2021).
- Сами эти ключевые элементы доверия к автоматизированной системе были впервые сформулированы в работе Ли и его коллег (Lee, See, 2004).

В отечественной психологии доверие автоматизированным системам рассматривается через категорию

«Доверие к Миру» (Нестик, 2018, 2020; Солдатова, Нестик, 2016). Также разрабатывается отдельное направление исследований доверия технике, как конкретному «объекту в Мире» (Купрейченко, 2012; Акимова, 2022). Наше исследование выполнено в русле этого направления. Мы обращаемся к феномену доверия технологии (ВА), с помощью которой решаются в том числе задачи повседневного экономического поведения.

Профессионал, который использует в своей работе технологию, как правило, может при оценке адекватности решения опираться на свое экспертное знание о работе этой технологии (Arrieta и др., 2020; Hoffman и др., 2021; Zhang, 2022). В то время как среднестатистический пользователь ВА мало осведомлен о деталях работы такого сложного технологического продукта на основе ИИ.

Помимо этого, ВА обладает множеством антропоморфных черт, начиная с того, что часть его функционала выглядит традиционно «человеческой» (например, сочинение сказок на ходу) и заканчивая тем, что у всех представленных на рынке ВА есть свои имена и голоса. Для того, чтобы «наделить» компьютер полом или расой в 90-х человеку было достаточно голосового интерфейса, что и положило начало теории CASA (computers are social actors) (Nass, Moon, 2000).

Таким образом, мы можем предположить, что в процессе формирования определенного уровня доверия ВА в условиях решения повседневных бытовых задач, пользователь будет опираться не только на рациональное знание об этой технологии, но и на социально-психологическое содержание, пользуясь аналогией атрибутивного процесса — заполнять пустоты знания о причинах того или иного действия ВА своими представлениями об объекте. Сама эта идея не нова и уже активно разрабатывается в современной науке (Ziemke, 2023).

В нашем исследовании мы изучаем социальные представления о ВА группы пользователей данной технологии и проверяем гипотезу о связи этих социальных представлений с доверием ВА в решении экономических задач.

Методы исследования

Для исследования содержания социальных представлений был выбран метод свободных ассоциаций, а затем — семантический дифференциал. Для исследования доверия использовались два метода:

Декларируемое доверие. Шкала доверия AC Cahour — Forzy (2009). Это одна из наиболее распространенных и рекомендуемых шкал, а также короткая и простая для перевода без потери смысла (Hoffman и др., 2021). Шкала включает в себя четыре вопроса, на которые респонденты ответили сами о доверии, надежности, безопасности и эффективности системы. Авторы опираются на работу Muir (1994), в которой

все эти элементы были определены как «обычно связанные с доверием» АС.

Экономическое доверие. Экономическое поведение и доверие — понятия, тесно связанные между собой (Жилина, 2008; Evans, Krueger, 2009; Fehr, 2009). В некоторых работах доверие измеряется с помощью экономических игр (Oksanen и др., 2020). Обычно они основаны на механизме передачи денег доверенному лицу с надеждой получить их обратно в ближайшем будущем. Ситуация экономической игры как раз позволяет создать ситуацию риска, в которой может проявиться доверие в виде отношения к объекту доверия (Kahneman, 2003; Thaler, Sunstein, 2009).

В игре были представлены ситуации, где респонденты могли оценить свою готовность доверить деньги ВА для реализации экономической задачи в их интересах. Случайным образом варьировалась степень контроля за окончательным решением, так как это важная переменная в случае принятия решения с участием ИИ (Фоломеева и др., 2022).

Соответственно, основная гипотеза может быть представлена на двух уровнях:

Г-1: Социальные представления о ВА связаны с уровнем декларируемого доверия к ВА: чем ближе представление к положительному полюсу, тем выше уровень декларируемого доверия.

Г-2: Социальные представления о ВА связаны с экономическим доверием (суммой денег, которую респондент готов передать ВА для решения экономической задачи в интересах респондента): чем ближе представление к положительному полюсу, тем больше денег респондент готов передать ВА.

Процедура исследования

Анкетирование об опыте использования ВА («А»), пользователем которого является респондент.

Трехдневное тестирование нового для респондента ВА («Б»).

Анкетирование об опыте использования нового, ранее неизвестного для респондента ВА («Б»).

Анкеты были одинаковыми, единственным отличием было название ВА, о котором шла речь. Обе анкеты включали в себя следующие вопросы (вопросы анкеты представлены в Приложении 2⁴):

Социальные представления о ВА методом семантического дифференциала. Шкалы были сформулированы на предыдущих этапах исследования (Садовская, Винокуров, 2024).

Шкала доверия Cahour — Forzy (2009).

Ситуации принятия экономических решений, в которых участники могли ввести сумму денег (в рублях), которую они готовы передать ВА, в определенных экономических сценариях, таких как заказ такси, покупка продуктов, экономия денег и покупка акций. Все сценарии были представлены на двух уровнях:

⁴ Репозиторий с приложениями: https://github.com/kiriririr/Appendices_tribute_to_GM

с высоким уровнем контроля и с низким уровнем контроля. Каждый участник давал ответ на четыре задания по четырем сценариям, соответственно, уровень контроля в них варьировался случайным образом.

География: Россия, города с населением более 500 000 человек.

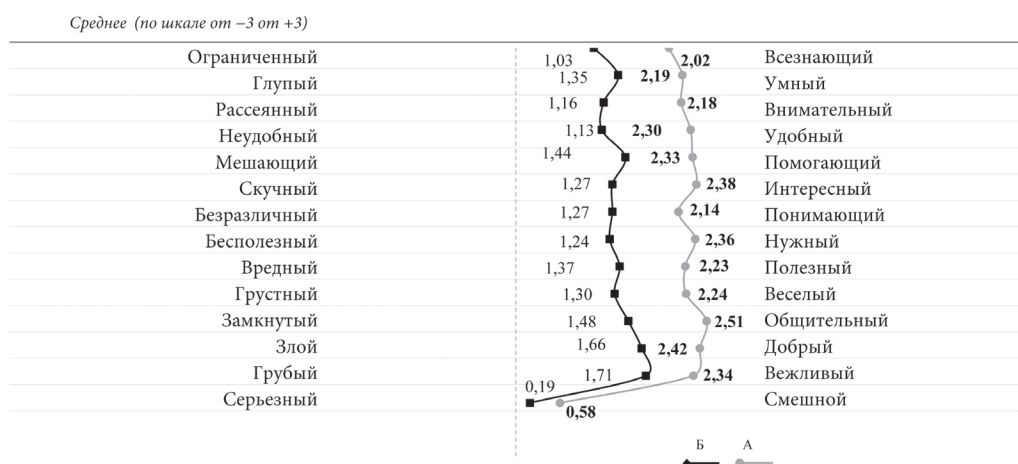
Даты проведения: 27.06...12.07.2023

Выборка

200 пользователей ВА «А», самого популярного ВА на российском рынке.

Обсуждение результатов

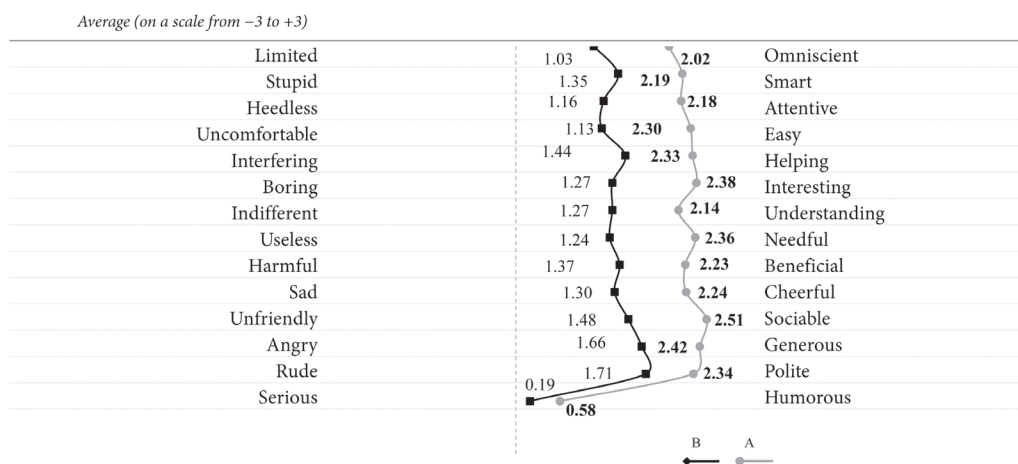
Как мы можем отметить из рисунка 2.1, «силуэты» ВА во многом похожи, хотя силуэт «А» находится ближе к позитивному полюсу определений. Все оценки ВА «А» выше ВА «Б» на уровне значимости $p < 0.05$.



Примечание. Гипотеза о нормальности распределения была опровергнута, в расчетах используется Т-тест парных выборок Уилкоксона W. Значимые различия на уровне $p < 0.05$ выделены жирным. Таблицы с результатами сравнения в Приложении 2.1⁵

Рисунок 2.1

Сравнение социальных представлений о ВА «А» и ВА «Б»



Note. The hypothesis of the normality of the distribution has been refuted. Wilcoxon signed-rank test is used. Significant differences at the $p < 0.05$ level are highlighted in bold. Tables with comparison results are presented in Appendix 2.1

Figure 2.1

Comparison of social representations of VA “A” and VA “B”

⁵ Репозиторий с приложениями: https://github.com/kiriririr/Appendices_tribute_to_GM

Как мы видим из Таблицы 2.1, социальные представления и об «А» и о «Б» значимо связаны с общей оценкой декларируемого доверия ВА. Практически все значения коэффициента корреляций выше для ДД ВА «Б».

В то же время, заметно, что для характеристик Всезнающий, Помогающий, Веселый и Общительный сила корреляций с декларируемым доверием (ДД) ВА «Б» значимо больше.

Таблица 2.1

Соотношение выраженности оценки по шкалам семантического дифференциала и оценки декларируемого доверия (ДД) ВА

	ДД ВА «А»	ДД ВА «Б»	z-score	1-tail p	2-tail p
Всезнающий	0,414***	0,617***	-2,933	0,001679	0,003358
Умный	0,520***	0,620***	-1,587	0,056304	0,112607
Внимательный	0,558***	0,556***	0,031	0,487663	0,975327
Удобный	0,487***	0,533***	-0,643	0,260194	0,520389
Помогающий	0,488***	0,675***	-2,963	0,001522	0,003043
Интересный	0,509***	0,588***	-1,168	0,121348	0,242696
Понимающий	0,567***	0,579***	-0,185	0,426791	0,853583
Нужный	0,563***	0,566***	-0,047	0,481395	0,962789
Полезный	0,442***	0,493***	-0,696	0,243176	0,486352
Веселый	0,427***	0,592***	-2,398	0,008252	0,016505
Общительный	0,403***	0,576***	-2,364	0,009051	0,018103
Добрый	0,492***	0,560***	-1,009	0,15658	0,313161
Вежливый	0,424***	0,556***	-1,821	0,034317	0,068634
Смешной	-0,064	-0,127	0,658	0,255135	0,510269

Примечание. Проведено сравнение корреляций с помощью преобразования Фишера, результаты представлены в столбце z-score. *p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 2.1

Correlation between the severity of semantic characteristics of Virtual Assistant and the level of the declared trust to it

	Declared trust to VA "A"	Declared trust to VA "B"	z-score	1-tail p	2-tail p
Omniscient	0.414***	0.617***	-2.933	0.001679	0.003358
Smart	0.520***	0.620***	-1.587	0.056304	0.112607
Attentive	0.558***	0.556***	0.031	0.487663	0.975327
Easy	0.487***	0.533***	-0.643	0.260194	0.520389
Helping	0.488***	0.675***	-2.963	0.001522	0.003043
Interesting	0.509***	0.588***	-1.168	0.121348	0.242696
Understanding	0.567***	0.579***	-0.185	0.426791	0.853583
Needful	0.563***	0.566***	-0.047	0.481395	0.962789
Beneficial	0.442***	0.493***	-0.696	0.243176	0.486352
Cheerful	0.427***	0.592***	-2.398	0.008252	0.016505
Sociable	0.403***	0.576***	-2.364	0.009051	0.018103
Generous	0.492***	0.560***	-1.009	0.15658	0.313161
Polite	0.424***	0.556***	-1.821	0.034317	0.068634
Humorous	-0.064	-0.127	0.658	0.255135	0.510269

Note. Correlations were compared using the Fisher's r-to-z transformation, the results are presented in the z-score column.

*p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

Обратимся к оценке уровня доверия ВА через экономическую игру. При сравнении таблиц 2.2 и 2.3 невооруженным взглядом видна разница в количестве значимых связей между оценками по шкалам семан-

тического дифференциала и суммой денег, которую готовы доверить респонденты ВА «А» и «Б». Особенно это заметно в сценариях «Такси», «Сбережения», «Акции».

Таблица 2.2

Соотношение готовности доверить большую сумму денег ВА «А» в различных сценариях и выраженности оценок по шкалам семантического дифференциала

Общая сумма	Такси	Покупки	Сбережения	Акции
Всезнающий 0,254***		Всезнающий 0,211**	Всезнающий 0,250***	
Умный 0,240***		Умный 0,267***	Умный 0,149*	Умный 0,139*
Внимательный 0,212**		Внимательный 0,233***	Внимательный 0,169*	
Удобный 0,178*		Удобный 0,266***		
Помогающий 0,205**	Помогающий 0,151*	Помогающий 0,272***	Помогающий 0,202**	
Интересный 0,168*		Интересный 0,205**	Интересный 0,145*	
Понимающий 0,223**		Понимающий 0,232***	Понимающий 0,184**	Понимающий 0,140*
Нужный 0,191**	Нужный 0,164*	Нужный 0,217**		
Полезный 0,181*	Полезный 0,179*	Полезный 0,260***		
Веселый 0,202**		Веселый 0,203**		
Общительный 0,201**		Общительный 0,190**		
Добрый 0,153*		Добрый 0,175*	Добрый 0,143*	
		Вежливый 0,184**		

Примечание. В таблице представлены только значимые связи, полученные с помощью корреляции Спирмена (гипотеза о нормальности распределения опровергнута). Полные таблицы корреляций в Приложении 2.2⁶. * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 2.2

Correlation between an amount of money to entrust to VA “A” in various scenarios and the severity of semantic characteristics of Virtual Assistant

Sum	Taxi	Grocery	Savings	Stocks
Omniscient 0.254***		Omniscient 0.211**	Omniscient 0.250***	
Smart 0.240***		Smart 0.267***	Smart 0.149*	Smart 0.139*
Attentive 0.212**		Attentive 0.233***	Attentive 0.169*	
Easy 0.178*		Easy 0.266***		
Helping 0.205**	Helping 0.151*	Helping 0.272***	Helping 0.202**	
Interesting 0.168*		Interesting 0.205**	Interesting 0.145*	
Understanding 0.223**		Understanding 0.232***	Understanding 0.184**	Understanding 0.140*
Needful 0.191**	Needful 0.164*	Needful 0.217**		
Beneficial 0.181*	Beneficial 0.179*	Beneficial 0.260***		
Cheerful 0.202**		Cheerful 0.203**		
Sociable 0.201**		Sociable 0.190**		
Generous 0.153*		Generous 0.175*	Generous 0.143*	
		Polite 0.184**		

Note. The table shows only significant relationships obtained using the Spearman correlation (the hypothesis of the normality of the distribution has been refuted). Complete correlation tables are presented in Appendix 2.2. * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

⁶ Репозиторий с приложениями: https://github.com/kiriririr/Appendices_tribute_to_GM

Для ВА «Б» (см. Таблица 2.3) все характеристики кроме «Смешной — Серьезный» значимо связаны с готовностью доверить ему средства во всех экономических сценариях.

Таблица 2.3

Соотношение готовности доверить большую сумму денег ВА «Б» в различных сценариях и выраженности оценок по шкалам семантического дифференциала

Общая сумма	Такси	Покупки	Сбережения	Акции
Всезнающий 0,440***	Всезнающий 0,417***	Всезнающий 0,467***	Всезнающий 0,360***	Всезнающий 0,327***
Умный 0,382***	Умный 0,386***	Умный 0,452***	Умный 0,340***	Умный 0,260***
Внимательный 0,447***	Внимательный 0,397***	Внимательный 0,494***	Внимательный 0,370***	Внимательный 0,297***
Удобный 0,442***	Удобный 0,449***	Удобный 0,444***	Удобный 0,391***	Удобный 0,328***
Помогающий 0,471***	Помогающий 0,388***	Помогающий 0,490***	Помогающий 0,378***	Помогающий 0,330***
Интересный 0,354***	Интересный 0,363***	Интересный 0,352***	Интересный 0,301***	Интересный 0,212**
Понимающий 0,425***	Понимающий 0,330***	Понимающий 0,407***	Понимающий 0,358***	Понимающий 0,330***
Нужный 0,405***	Нужный 0,384***	Нужный 0,475***	Нужный 0,314***	Нужный 0,268***
Полезный 0,365***	Полезный 0,357***	Полезный 0,427***	Полезный 0,307***	Полезный 0,239***
Веселый 0,358***	Веселый 0,373***	Веселый 0,373***	Веселый 0,328***	Веселый 0,238***
Общительный 0,446***	Общительный 0,438***	Общительный 0,446***	Общительный 0,374***	Общительный 0,317***
Добрый 0,371***	Добрый 0,339***	Добрый 0,354***	Добрый 0,321***	Добрый 0,238***
Вежливый 0,444***	Вежливый 0,388***	Вежливый 0,466***	Вежливый 0,401***	Вежливый 0,299***

Примечание. В таблице представлены только значимые связи, полученные с помощью корреляции Спирмена (гипотеза о нормальности распределения опровергнута). Полные таблицы корреляций представлены в Приложении 2.3⁷. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Table 2.3

Correlation between an amount of money to entrust to VA “B” in various scenarios and the severity of semantic characteristics of Virtual Assistant

Sum	Taxi	Grocery	Savings	Stocks
Omniscient 0.440***	Omniscient 0.417***	Omniscient 0.467***	Omniscient 0.360***	Omniscient 0.327***
Smart 0.382***	Smart 0.386***	Smart 0.452***	Smart 0.340***	Smart 0.260***
Attentive 0.447***	Attentive 0.397***	Attentive 0.494***	Attentive 0.370***	Attentive 0.297***
Easy 0.442***	Easy 0.449***	Easy 0.444***	Easy 0.391***	Easy 0.328***
Helping 0.471***	Helping 0.388***	Helping 0.490***	Helping 0.378***	Helping 0.330***
Interesting 0.354***	Interesting 0.363***	Interesting 0.352***	Interesting 0.301***	Interesting 0.212**
Understanding 0.425***	Understanding 0.330***	Understanding 0.407***	Understanding 0.358***	Understanding 0.330***
Needful 0.405***	Needful 0.384***	Needful 0.475***	Needful 0.314***	Needful 0.268***
Beneficial 0.365***	Beneficial 0.357***	Beneficial 0.427***	Beneficial 0.307***	Beneficial 0.239***
Cheerful 0.358***	Cheerful 0.373***	Cheerful 0.373***	Cheerful 0.328***	Cheerful 0.238***
Sociable 0.446***	Sociable 0.438***	Sociable 0.446***	Sociable 0.374***	Sociable 0.317***
Generous 0.371***	Generous 0.339***	Generous 0.354***	Generous 0.321***	Generous 0.238***
Polite 0.444***	Polite 0.388***	Polite 0.466***	Polite 0.401***	Polite 0.299***

Note. The table shows only significant relationships obtained using the Spearman correlation (the hypothesis of the normality of the distribution has been refuted). Complete correlation tables are presented in Appendix 2.3. * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$

⁷ Репозиторий с приложениями: https://github.com/kiriririr/Appendices_tribute_to_GM

При этом мы видим, что ВА «А» респонденты были готовы доверить большие суммы денег, нежели ВА «Б». Так и общий уровень декларируемого доверия к ВА «А» выше, чем к ВА «Б» (Таблицы 2.4 и 2.5). Гипотеза о нормальности распределения была опровергнута, в расчетах используется Т-тест парных выборок Уилкоксона W.

Таблица 2.4.1
Сравнение экономического доверия к ВА «А» и «Б» в разных сценариях

Т-тест парных выборок Уилкоксона W	Статистика	p	Размер эффекта
Такси	8022	< 0,001	0,673
Продукты	7839	< 0,001	0,635
Сбережения	6289	< 0,001	0,572
Акции	4851	< 0,001	0,618

Table 2.4.1
Comparison of economic trust to VA “A” and “B” in different scenarios

Wilcoxon signed-rank test	Statistics	p	Effect size
Taxi	8022	< 0.001	0.673
Grocery	7839	< 0.001	0.635
Savings	6289	< 0.001	0.572
Stocks	4851	< 0.001	0.618

Таблица 2.4.2
Описательные статистики для оценок экономического доверия к ВА «А» и «Б» в разных сценариях (N = 200)

	Среднее	Медиана	SD	SE
Такси (А)	607	500	599	42,3
Такси (Б)	445	300	866	61,2
Продукты (А)	2692	2000	2815	199,1
Продукты (Б)	1633	1000	2058	145,6
Сбережения (А)	4878	1500	8785	621,2
Сбережения (Б)	2463	1000	5361	379,1
Акции (А)	5055	1000	9475	670,0
Акции (Б)	2724	500	4955	350,4

Table 2.4.2
Descriptive statistics for assessing economic trust to VA “A” and “B” in different scenarios (N = 200)

	Average	Median	SD	SE
Taxi (A)	607	500	599	42.3
Taxi (B)	445	300	866	61.2
Grocery (A)	2692	2000	2815	199.1
Grocery (B)	1633	1000	2058	145.6
Savings (A)	4878	1500	8785	621.2
Savings (B)	2463	1000	5361	379.1
Stocks (A)	5055	1000	9475	670.0
Stocks (B)	2724	500	4955	350.4

Таблица 2.5.1
Сравнение оценок компонентов декларируемого доверия к ВА «А» и «Б»

Т-тест парных выборок Уилкоксона W	Статистика	p	Размер эффекта
Доверие	6687	< 0,001	0,812
Безопасность	5533	< 0,001	0,340
Надежность	7350	< 0,001	0,808
Эффективность	7603	< 0,001	0,786

Table 2.5.1
Comparison of estimates of declared components of trust for VA “A” and VA “B”

Wilcoxon signed-rank test	Statistics	p	Effect size
Trust	6687	< 0.001	0.812
Safety	5533	< 0.001	0.340
Reliance	7350	< 0.001	0.808
Efficiency	7603	< 0.001	0.786

Note. The hypothesis of the normality of the distribution has been refuted, Wilcoxon signed-rank test is used

Также нами была проведено сравнение корреляций между декларируемым доверием и экономическим для обоих ВА. Как видно в Таблице 2.6 для ВА «Б» в большей степени выражены взаимосвязи между декларируемым и экономическим доверием.

Таблица 2.5.2

Описательные статистики для оценок декларируемого доверия к ВА «А» и «Б» в разных сценариях (N = 200)

	Среднее	Медиана	SD	SE
Доверие (А)	6,03	6	1,07	0,0755
Доверие (Б)	4,97	5	1,72	0,1213
Безопасность (А)	5,41	6	1,28	0,0908
Безопасность (Б)	4,99	5	1,59	0,1122
Надежность (А)	6,10	6	1,10	0,0780
Надежность (Б)	5,08	5	1,63	0,1153
Эффективность (А)	6,19	6	1,01	0,0714
Эффективность (Б)	5,17	5,50	1,64	0,1158

Table 2.5.2

Descriptive statistics for estimates of declared components of trust VA "A" and "B" in different scenarios (N = 200)

	Average	Median	SD	SE
Trust (A)	6.03	6	1.07	0.0755
Trust (B)	4.97	5	1.72	0.1213
Safety (A)	5.41	6	1.28	0.0908
Safety (B)	4.99	5	1.59	0.1122
Reliance (A)	6.10	6	1.10	0.0780
Reliance (B)	5.08	5	1.63	0.1153
Efficiency (A)	6.19	6	1.01	0.0714
Efficiency (B)	5.17	5.50	1.64	0.1158

Таблица 2.6

Соотношение экономического и декларируемого доверия (ДД) для ВА

	ДД к ВА «А»	ДД к ВА «Б»	z-score	1-tail p	2-tail p
Такси	0,222**	0,392***	-2,053	0,02003	0,040059
Продукты	0,257***	0,516***	-3,304	0,000476	0,000953
Сбережения	0,145*	0,386***	-3,037	0,001195	0,00239
Акции	0,090	0,293***	-2,566	0,005151	0,010301
Сумма трат	0,169*	0,437***	-3,461	0,000269	0,000538

Примечание. Проведено сравнение корреляций с помощью преобразования Фишера, результаты представлены в столбце z-score. *p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 2.6

The correlation of economic and declared trust for VAs

	Declared trust to VA "A"	Declared trust to VA "B"	z-score	1-tail p	2-tail p
Taxi	0.222**	0.392***	-2.053	0.02003	0.040059
Grocery	0.257***	0.516***	-3.304	0.000476	0.000953
Savings	0.145*	0.386***	-3.037	0.001195	0.00239
Stocks	0.090	0.293***	-2.566	0.005151	0.010301
Sum	0.169*	0.437***	-3.461	0.000269	0.000538

Note. Correlations were compared using the Fisher's r-to-z transformation, the results are presented in the z-score column. *p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

Выводы

Наше исследование ставило перед собой цель проверить гипотезы о связи социальных представлений о ВА с уровнем доверия ему. Для операционализации понятия доверия мы использовали два метода оценки доверия:

Доверие как позитивный аттитюд: декларируемое доверие, выраженное в оценке по шкале Cahour — Forzy (2009).

Доверие как интенция к передаче ресурса в условиях риска: экономическое доверие, выраженное в сумме денег, которые респондент готов передать ВА для реализации экономической задачи в интересах респондента.

Оба этих подхода продемонстрировали значимые взаимосвязи уровня доверия к ВА и отдельных компонентов позитивного представления о нем. Таким образом, основная гипотеза исследования подтверждена. Социальные представления группы пользователей инновационной технологии связаны с уровнем доверия ей. Большой интерес вызывают различия в количестве и качестве этих связей для двух ВА, на примере которых производилась оценка. Для ВА «А», с которым у респондента уже был опыт использования, такие связи между доверием и выраженностью позитивного спектра социальных представлений таких связей меньше, они имеют меньшую выраженность и значимость. Для ВА «Б», который был использован респондентами впервые в течение трехдневного тестирования, таких связей больше, они имеют большую выраженность и значимость. Исходя из этого наблюдения, можно сделать вывод о значимости социальных представлений о ВА на первых этапах использования технологии. Такой вывод хорошо дополняет последние исследования теории CASA, которые предполагают наличие динамики в силе антропоморфных представлений о технологии (Heyselaar, 2023). Чем технология новее, тем сильнее человек склонен наделять ее антропоморфными чертами. И хотя в нашем исследовании оба ВА вызывают

антропоморфные представления (как еще инновационные технологии), их связь с доверием этой технологии оказывается разной.

Декларируемое доверие мы рассматриваем как позитивный аттитюд, экономическое доверие — как интенцию к действию. По результатам исследования мы отмечаем, что сила и значимость связей между двумя типами доверия для разных ВА разная: для ВА «Б» связи сильнее и обладают большей значимостью. Можно сделать предположение о том, что доверие, сформированное атрибутивным путем на первых этапах знакомства с технологией, имеет больший вклад в готовность передавать ей денежные средства, чем доверие, дополненное опытом взаимодействия с ней.

Важно отметить, что различие между результатами ВА «А» и ВА «Б» может быть обусловлено также рядом других причин. Эти ассистенты отличаются голосами, именами, степенью проработанности функционала, брендом-производителем. В будущих исследованиях мы предлагаем к проверке предположение о влиянии длительности использования на выявленные различия.

ложение о влиянии длительности использования на выявленные различия.

Заключение

Технологические инновации, становясь материальной силой, конструируют новое социально-психологическое содержание. Социальная психология, являясь частью широкого социального контекста, может содействовать другим наукам в создании безопасных и человекоцентричных технологий, что соотносится с идеей Г.М. Андреевой о роли социальной психологии в современном мире. В профессиональном контексте практическая социальная психология может совершенствовать текущие инструменты для развития, управления и оптимизации совместной деятельности. В повседневном контексте — помочь пользователям технологических инноваций формировать уровень доверия, адекватный ситуации ее применения.

Список литературы

- Андреева, Г.М. (2009). Социальная психология: векторы новой парадигмы. *Психологические исследования*, 2(3), 5–13.
- Андреева, Г.М. (2013). Социальная психология в пространстве современной науки и культуры. *Психологические исследования*, 6(30), 5–12.
- Андреева, Г.М. (2018). Методические проблемы исследования психологических аспектов социальных изменений. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 15(4), 646–654.
- Асмолов, А.Г. (2018). Интервью с А.Г. Асмоловым о будущем психологии. *Социальная и экономическая психология*, 3(1), 148–168.
- Белинская, Е.П. (2019). Психологическая феноменология и тенденции сетевой идентичности. В кн.: *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме*. Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. (С. 73–79). Москва: Изд-во МПГУ.
- Бычкова, О.В. (2020). Исследования науки и технологий (STS): чему научили нас за 50 лет? *Исследования науки и технологий (STS). Социология науки и технологий*, 11(3), 7–21.
- Винокуров, Ф.Н. (2019). Исследования культурной памяти в социальных сетях. В кн.: *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме*. Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. (С. 95–99). Москва: Изд-во Российского государственного гуманитарного университета.
- Войсунский, А.Е., Нестик, Т.А., Дубовская, Е.М., Марцинковская, Т.Д., Белинская, Е.П., Богачева, Н.В., Тихомандрицкая, О.А., Малышева, Н.Г., Фоломеева, Т.В., Винокуров, Ф.Н., Шаехов, З.Д., Балашова, Е.Ю., Хорошилов, Д.А., Емелин, В.А., Жуйкова, Е.Б., Печникова, Л.С., Ласьков, Г.Д., Букин, А.М., Нуркова, В.В. (2019). *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме*. Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. Москва: Изд-во МПГУ.
- Добрякова, М. (2015). Социальная укорененность технологий: перспективные направления исследований. *Форсайт*, 9(1), 6–19.
- Емелин, В.А., Рассказова, Е.И., Тхостов, А.Ш. (2014). Влияние информационных технологий на трансформацию совладающего поведения. *Вопросы психологии*, (4), 49–59.
- Емелин, В.А., Тхостов, А.Ш., Рассказова, Е.И. (2012). Психологические последствия развития информационных технологий. *Национальный психологический журнал*, (1), 81–87.
- Жилина, И.Ю. (2008). Доверие в экономике. *Экономические и социальные проблемы России*, (1), 85–121.
- Журавлев, А.Л. (2017). Личность и виртуальная организация: психологические проблемы и перспективы научных исследований. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Аксиология образования. Психология развития*, 6(4), 318–323.
- Коммерческий Open Source в России: темпы внедрения и перспективы 2023–2025. (2024). URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/kommerceskij-open-source-v-rossii-tempy-vnedrenia-i-perspektivy-2023-2025/> (дата обращения: 12.05.2024).
- Купрейченко, А.Б. (2012). Доверие и недоверие технике и социотехническим системам: обоснование методического подхода. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*, 4(4), 331–350.
- Лекторский, В.А., Васильев, С.Н., Макаров, В.Л., Хабриева, Т.Я., Кокосин, А.А., Ушаков, Д.В., Валуева, Е.А., Дубровский, Д.И., Черниговская, Т.В., Семенов, А.Л., Зискин, К.Е., Любимов, А.П., Целищев, В.В., Алексеев, А.Ю. (2022). *Человек и системы искусственного интеллекта*. Санкт-Петербург: Изд-во «Юридический центр».
- Марцинковская, Т.Д. (2023). Новые методологические подходы современной психологии в цифровом обществе. *Психологический журнал*, 44(2), 5–12.

- Нестик, Т.А. (2020). Отношение к новым технологиям и ценностные ориентации россиян. *Организационная психология и психология труда*, 5(4), 54–82.
- Нестик, Т.А. (2018). Социально–психологические аспекты отношения человека к новым технологиям. *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики*, 8(8), 50–73.
- Нуркова, В.В. (2019). Эволюционный поворот культурно-исторической психологии и теория когнитивных гаджетов: аналоги или гомологи? *Вопросы психологии*, (4), 29–40.
- Обозов, Н.Н. (1979). Межличностные отношения. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та.
- Панов, К.А., Винокуров, Ф.Н. (2024). Показатели эффективности совместной деятельности разработчиков открытого программного обеспечения. *Организационная психология*, 14(1), 158–172.
- Панов К.А., Винокуров Ф.Н. (2024). Методика наблюдения за взаимодействием разработчиков открытого программного обеспечения. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, (2), 117–130.
- Ростовцева, Н.А., Рассказова, Е.И., Тхостов, А.Ш., Емелин, В.А. (2022). Киберхондрия — Самостоятельное явление или проявление ипохондрических особенностей онлайн? *Национальный психологический журнал*, (1), 76–93.
- Садовская, Е.Д. (2024). Социальные представления об искусственном интеллекте: полезный, эмоциональный и смешной. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, (1), 35–53.
- Солдатова, Г.У. (2016). Отношение к интернету среди интернет-пользователей: технофобы и технофилы. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки*, (1), 54–61.
- Тихомандрицкая, О.А. (2019). Современные исследования психологического благополучия цифрового поколения. В кн.: *Цифровое общество в культурно-исторической парадигме*. Под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. (С. 90–94). Москва: Изд-во Российского государственного гуманитарного ун-та.
- Уманский, Л.И. (1977). Методы экспериментального исследования социально-психологических феноменов. В кн.: *Методология и методы социальной психологии*. Под ред. Е.В. Шорохова. (С. 54–71). Москва: Изд-во «Наука».
- Фаликман, М.В. (2020). Цифровое опосредствование: новые рубежи культурно-исторического подхода. *Вопросы психологии*, (2), 3–14.
- Фоломеева, Т.В., Садовская, Е.Д., Винокуров, Ф.Н., Федотова, С.В. (2022). Роль цифровых технологий в экономических решениях: искусственный интеллект и склонность к риску. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (3), 40–64.
- Alami, A., Cohn, M.L., Wąsowski, A. (2020). How Do FOSS Communities Decide to Accept Pull Requests? In the Proceedings of the Evaluation and Assessment in Software Engineering EASE '20: Evaluation and Assessment in Software Engineering. (pp. 220–229). New York: ACM Publ.
- Barredo, A., Villegas, M., Martínez-Plumed, F., Casillas, J., Herrera, F. (2020). Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges Toward Responsible AI. *Information Fusion*, 58, 82–115.
- Crowston, K. (2012). Free/Libre Open-Source Software Development: What We Know and What We Do Not Know. *ACM Computing Surveys*, (44), 1–35.
- Deberta-v3-small. (2024). URL: <https://huggingface.co/microsoft/deberta-v3-small> (accessed: 20.05.2024).
- Evans, A.M., Krueger, J.I. (2009). The Psychology (and Economics) of Trust. *Social and Personality Psychology Compass*, 3(6), 1003–1017.
- Events-classification-biotech. (2024). URL: https://huggingface.co/datasets/knowledgator/events_classification_biotech (accessed: 20.05.2024).
- Fehr, E. (2009). On The Economics and Biology of Trust. *Journal of the American Economic Association*, 7(2–3), 235–266.
- Heyselaar, E. (2023). The CASA Theory No Longer Applies to Desktop Computers. *Scientific Reports*, 13(1), 19693.
- Hoffman, R., Mueller, S.T., Klein, G., Litman, J. (2021). Measuring Trust in the XAI Context. Technical Report, DARPA Explainable AI Program. *PsyArXiv*, Preprints. <http://doi.org/10.31234/osf.io/e3kv9>
- Johnson, D.G., Wetmore, J.M. (2021). TECHNOLOGY AND SOCIETY Building Our Sociotechnical Future. Inside technology. In the Technology and society (2nd ed.). Cambridge: MIT Press.
- Kahneman, D. (2003). Maps of Bounded Rationality: Psychology for Behavioral Economics. *American Economic Review*, 93(5), 1449–1475.
- Khatoonabadi, S., Gousios, G., Storey, M.-A. (2023). On Wasted Contributions: Understanding the Dynamics of Contributor — Abandoned Pull Requests. *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*, 32(1), 1–39.
- Lee, J.D., See, K.A. (2004). Trust in Automation: Designing for Appropriate Reliance. *Human Factors*, 46(1), 50–80.
- Miller, T. (2022). Are we measuring trust correctly in explainability, interpretability, and transparency research? <https://doi.org/10.48550/arXiv.2209.00651>
- Models — OpenAI API. (2024). URL: <https://platform.openai.com/docs/models> (accessed: 20.05.2024).
- Multi-Label Classification Model From Scratch: Step-by-Step Tutorial. (2024). URL: <https://huggingface.co/blog/Valerii-Knowledgator/multi-label-classification> (accessed: 20.05.2024).
- Nass, C., Moon, Y. (2000). Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers. *Journal of Social Issues*, 56(1), 81–103.
- Octoverse 2023: The state of open source. (2024). URL: <https://octoverse.github.com/> (accessed: 12.05.2024).
- Oksanen, A., Riek, L.D. (2020). Trust Toward Robots and Artificial Intelligence: An Experimental Approach to Human — Technology Interactions Online. *Frontiers in Psychology*, 11, 568256.
- Sun, X., Zhang, B. (2023). Text Classification via Large Language Models. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.08377>
- Tamburri, D.A., Lago, P., van Vliet, H. (2013). Organizational Social Structures for Software Engineering. *ACM Computing Surveys*, 46(1), 1–35.
- Thaler, R.H., Sunstein, C.R. (2009). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. London: Penguin.
- Vereschak, O., Bailly, G., Caramiaux, B. (2021). How to Evaluate Trust in AI-Assisted Decision Making? A Survey of Empirical Methodologies. *Proceedings of the ACM on Human — Computer Interaction*, 5(CSCW2), 1–39.
- Wei, J., Zou, J., Wu, Y., Chen, M. (2023). Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2201.11903>
- Zhang, G. (2022). Applications of Social Attribution Theory in XAI. In *The 2021 Summit of the International Society for the Study of Information*. (pp. 1–10). Basel: MDPI.

Ziemke, T. (2023). Understanding Social Robots: Attribution of Intentional Agency to Artificial and Biological Bodies. *Artificial Life*, 29(3), 351–366.

References

- Alami, A., Cohn, M.L., Wąsowski, A. (2020). How Do FOSS Communities Decide to Accept Pull Requests? In the Proceedings of the Evaluation and Assessment in Software Engineering EASE '20: Evaluation and Assessment in Software Engineering. (pp. 220–229). New York: ACM Publ.
- Andreeva, G.M. (2009). Social Psychology: Vectors of the New Paradigm. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 2(3), 5–13. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2013). Social Psychology in the Space of Modern Science and Culture. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 6(30), 5–12. (In Russ.)
- Andreeva, G.M. (2018). Methodological Problems of Researching Psychological Aspects of Social Changes. *Psikhologiya Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 15(4), 646–654. (In Russ.)
- Asmolov, A.G. (2018). Interview with A.G. Asmolov about the Future of Psychology. *Sotsial'naya i Ekonomicheskaya Psikhologiya = Social and Economic Psychology*, 3(1), 148–168. (In Russ.)
- Barredo, A., Villegas, M., Martínez-Plumed, F., Casillas, J., Herrera, F. (2020). Explainable Artificial Intelligence (XAI): Concepts, Taxonomies, Opportunities and Challenges Toward Responsible AI. *Information Fusion*, 58, 82–115.
- Belinskaya, E.P. (2019). Psychological phenomenology and trends of network identity. Digital society in the cultural-historical paradigm. In: T.D. Martsinkovskaya, V.R. Orestova, O.V. Gavrichenko, (eds). (pp. 73–79). Moscow: Moscow Pedagogical State Univ. Publ. (In Russ.)
- Bychkova, O.V. (2020). Science and Technology Studies (STS): What have we learned in 50 years? Science and technology studies (STS). *Sotsiologiya nauki i tekhnologii = Sociology of Science and Technology*, 11(3), 7–21. (In Russ.)
- Commercial Open Source in Russia: adoption rates and prospects for 2023–2025. (2024). URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/kommerceskij-open-source-v-rossii-tempy-vnedreniya-i-perspektivy-2023-2025/> (accessed: 12.05.2024). (In Russ.)
- Crowston, K. (2012). Free/Libre Open-Source Software Development: What we know and what we do not know. *ACM Computing Surveys*, (44), 1–35.
- Deberta-v3-small. (2024). URL: <https://huggingface.co/microsoft/deberta-v3-small> (accessed: 20.05.2024).
- Dobryakova, M. (2015). Social Embeddedness of Technology: Prospective research directions. *Forsait = Foresight*, 9(1), 6–19. (In Russ.)
- Emelin, V.A., Khovstov, A.SH., Raskova, E.I. (2012). Psychological Consequences of the Development of Information Technology. *National Psychological Journal*, (1), 81–87. (In Russ.)
- Emelin, V.A., Raskova, E.I., Khovstov, A.SH. (2014). The Influence of Information Technology on the Transformation of Co-Mastery Behavior. *Voprosy Psikhologii*, (4), 49–59. (In Russ.)
- Evans, A.M., Krueger, J.I. (2009). The Psychology (and Economics) of Trust. *Social and Personality Psychology Compass*, 3(6), 1003–1017.
- Events-classification-biotech. (2024). URL: https://huggingface.co/datasets/knowledgator/events_classification_biotech (accessed: 20.05.2024).
- Falikman, M.V. (2020). Digital Mediation: New frontiers of the cultural and historical approach. *Voprosy Psikhologii*, (2), 3–14. (In Russ.)
- Fehr, E. (2009). On The Economics and Biology of Trust. *Journal of the American Economic Association*, 7(2–3), 235–266.
- Folomeeva, T.V., Sadovskaya, E.D., Vinokurov, F.N., Fedotova, S.V. (2022). The Role of Digital Technologies in Economic Decisions: Artificial intelligence and risk propensity. *Moscow University Psychology Bulletin*, (3), 40–64. (In Russ.)
- Heyselaar, E. (2023). The CASA Theory No Longer Applies to Desktop Computers. *Scientific Reports*, 13(1), 19693.
- Hoffman, R., Mueller, S.T., Klein, G., Litman, J. (2021). Measuring Trust in the XAI Context. Technical Report, DARPA Explainable AI Program. *PsyArXiv*, Preprints. <http://doi.org/10.31234/osf.io/e3kv9>
- Johnson, D.G., Wetmore, J.M. (2021). Technology and Society. Building Our Sociotechnical Future. Inside technology. In the Technology and society (2nd ed.). Cambridge: MIT Press Publ.
- Kahneman, D. (2003). Maps of Bounded Rationality: Psychology for behavioral economics. *American Economic Review*, 93(5), 1449–1475.
- Khatonabadi, S., Gousios, G., Storey, M.-A. (2023). On Wasted Contributions: Understanding the Dynamics of Contributor-Abandoned Pull Requests. *ACM Transactions on Software Engineering and Methodology*, 32(1), 1–39.
- Kupreychenko, A.B. (2012). Trust and Distrust in Technology and Socio-Technical Systems: Methodological approach justification. *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki = Actual Problems of Occupational Psychology, Engineering Psychology and Ergonomics*, 4(4), 331–350. (In Russ.)
- Lee, J.D., See, K.A. (2004). Trust in Automation: Designing for Appropriate Reliance. *Human Factors*, 46(1), 50–80.
- Lektorowski, V.A., Vasil'ev, S.N., Makarov, V.L., Khabrieva, T.Y., Kokoshin, A.A., Ushakov, D.V., Valueva, E.A., Dubrovskiy, D.I., Chernigovskaya, T.V., Semenov, A.L., Ziskin, K.E., Lyubimov, A.P., Tselishchev, V.V., Alekseev, A.Y. (2022). Human and Artificial Intelligence Systems. St. Petersburg: Yuridicheskii tsentr Publ. (In Russ.)
- Martsinkovskaya, T.D. (2023). New Methodological Approaches of Modern Psychology in the Digital Society. *Psikhologicheskiy Zhurnal = Psychological Journal*, 44(2), 5–12. (In Russ.)

- Miller, T. (2022). Are we measuring trust correctly in explainability, interpretability, and transparency research? <https://doi.org/10.48550/arXiv.2209.00651>
- Models — OpenAI API. (2024). URL: <https://platform.openai.com/docs/models> (accessed: 20.05.2024).
- Multi-Label Classification Model From Scratch: Step-by-Step Tutorial. (2024). URL: <https://huggingface.co/blog/Valerii-Knowledgator/multi-label-classification> (accessed: 20.05.2024).
- Nass, C., Moon, Y. (2000). Machines and Mindlessness: Social Responses to Computers. *Journal of Social Issues*, 56(1), 81–103.
- Nestik, T.A. (2018). Social and Psychological Aspects of the Attitude of a Person to New Technologies. *Aktual'nye Problemy Psikhologii Truda, Inzhenernoi Psikhologii i Ergonomiki = Actual Problems of Psychology of Labor, Engineering Psychology and Ergonomics*, 8(8), 50–73. (In Russ.)
- Nestik, T.A. (2020). Attitude towards New Technologies and Value Orientations of Russians. *Organizatsionnaya Psikhologiya i Psikhologiya Truda = Organizational Psychology and Occupational Psychology*, 5(4), 54–82. (In Russ.)
- Nurkova, V.V. (2019). Evolutionary Turn of Cultural and Historical Psychology and the Theory of Cognitive Gadgets: Analogues or homologues? *Voprosy Psikhologii*, (4), 29–40. (In Russ.)
- Obozov, N.N. (1979). Interpersonal relations. Leningrad: Leningrad University Publ. (In Russ.)
- Octoverse 2023: The state of open source. (2024). URL: <https://octoverse.github.com/> (accessed: 12.05.2024).
- Oksanen, A., Riek, L.D. (2020). Trust Toward Robots and Artificial Intelligence: An Experimental Approach to Human-Technology Interactions Online. *Frontiers in Psychology*, (11), 568256.
- Panov, K.A., Vinokurov, F.N. (2024). Indicators of the Effectiveness of the Joint Activity of Open-Source Software Developers. *Organizatsionnaya Psikhologiya — Organizational Psychology*, 14(1), 158–172. (In Russ.)
- Panov, K.A., Vinokurov, F.N. (2024). Methodology for Observing the Interaction of OpenSource Software Developers. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie = The Bulletin of RSUH. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, (2), 117–130. (In Russ.)
- Rostovtseva, N.A., Rasskazova, E.I., Tkhostov, A.Sh., Yemelin, V.A. (2022). Cyberchondria — a Separate Phenomenon or a Manifestation of Hypochondriacal Features Online? *National Psychological Journal*, (1), 76–93. (In Russ.)
- Sadovskaya, E.D. (2024). Social Representations of Artificial Intelligence: Useful, Emotional, and Funny. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie = The Bulletin of RSUH. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, (1), 35–53. (In Russ.)
- Soldatova, G.U. (2016). Attitude towards the Internet among Internet Users: Technophobes and Technophiles. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Seriya: Psikhologicheskie Nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, (1), 54–61. (In Russ.)
- Sun, X., Zhang, B. (2023). Text Classification via Large Language Models. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.08377>
- Tamburri, D.A., Lago, P., van Vliet, H. (2013). Organizational Social Structures for Software Engineering. *ACM Computing Surveys*, 46(1), 1–35.
- Thaler, R.H., Sunstein, C.R. (2009). *Nudge: Improving Decisions About Health, Wealth, and Happiness*. London: Penguin.
- Tikhomandritskaya, O.A. (2019). Modern studies of the psychological well-being of the digital generation. In the Digital Society in the Cultural and Historical Paradigm. In: T.D. Martsinkovskaya, V.R. Orestova, O.V. Gavrichenko, (eds.). (pp. 90–94). Moscow: Russian State Univ. For The Humanities Publ. (In Russ.)
- Umansky, L.I. (1977). Methods of Experimental Study of Socio-Psychological Phenomena. In the Methodology and Methods of Social Psychology. In: E.V. Shorokhova, (ed.). (pp. 54–71). Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Vereschak, O., Bailly, G., Caramiaux, B. (2021). How to Evaluate Trust in AI-Assisted Decision Making? A Survey of Empirical Methodologies. *Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction*, 5(CSCW2), 1–39.
- Vinokurov, F.N. (2019). Studies of Cultural Memory in Social Networks. In the Digital Society in the Cultural-Historical Paradigm. In: T.D. Martsinkovskaya, V.R. Orestova, O.V. Gavrichenko, (ed.). (pp. 95–99). Moscow: Russian State Univ. For The Humanities Publ. (In Russ.)
- Voyskunskiy, A.E., Nestik, T.A., Dubovskaya, E.M., Martsinkovskaya, T.D., Belinskaya, E.P., Bogacheva, N.V., Tikhomandritskaya, O.A., Malysheva, N.G., Folomeeva, T.V., Vinokurov, F.N., Shayekhov, Z.D., Balashova, E.Y., Khoroshilov, D.A., Emelin, V.A., Zhuykova, E.B., Pechnikova, L.S., Laskov, G.D., Bukinich, A.M., Nurkova, V.V. (2019). Digital society in the cultural–historical paradigm. In: T.D. Martsinkovskaya, V.R. Orestova, O.V. Gavrichenko, (eds.). Moscow: Moscow Pedagogical State Univ. Publ. (In Russ.)
- Wei, J., Zou, J., Wu, Y., Chen, M. (2023). Chain-of-Thought Prompting Elicits Reasoning in Large Language Models. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2201.11903>
- Zhang, G. (2022). Applications of Social Attribution Theory in XAI. In The 2021 Summit of the International Society for the Study of Information. (pp. 1–10). Basel: MDPI Publ.
- Zhilina, I.Y. (2008). Trust in the Economy. *Ekonomicheskie i Sotsial'nye Problemy Rossii = Economic and Social Problems of Russia*, (1), 85–121. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L. (2017). Personality and Virtual Organization: Psychological Problems and Research Prospects. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya Akmeologiya Obrazovaniya. Psikhologiya Razvitiya = Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 6(4), 318–323. (In Russ.)
- Ziemke, T. (2023). Understanding Social Robots: Attribution of Intentional Agency to Artificial and Biological Bodies. *Artificial Life*, 29(3), 351–366.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Федор Никитич Винокуров, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, vinokurovfn@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8302-374X>

Fedor N. Vinokurov, Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, vinokurovfn@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8302-374X>



Кирилл Алексеевич Панов, аспирант кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, panovka@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2641-2121>

Kirill A. Panov, Postgraduate Student at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, panovka@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2641-2121>



Екатерина Дмитриевна Садовская, инженер кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, sadovskaiaed@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7530-0097>

Ekaterina D. Sadovskaia, Engineer at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, sadovskaiaed@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7530-0097>

Поступила: 20.05.2024; получена после доработки: 01.07.2024; принята в печать: 21.08.2024.

Received: 20.05.2024; revised: 01.07.2024; accepted: 21.08.2024.

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ / SOCIAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0305>
УДК/UDC 159.9.072.432

Этнокультурные и конфликтологические аспекты восприятия интернет-мемов: результаты эксперимента с использованием айтрекинга

М.Д. Рабесон ✉, Г.В. Денисова, О.В. Смирнова, С.Б. Стебловская

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ maria.rabeson@gmail.com

Резюме

Актуальность. Развитие технологий медиакоммуникации ведет за собой формирование новых способов передачи информации. В условиях компактизации контента возникает необходимость в трансформации психологических возможностей когнитивной и эмоционально-смысловой сфер человека. Мемосфера представляется одним из направлений развития современного медиа контента, в котором разворачиваются этнокультурные, социальные, ценностные и когнитивные особенности восприятия информации.

Цель. Исследование направлено на выявление особенностей восприятия и когнитивной обработки мема как наиболее актуальной медиаформы. Выявляется этнокультурная специфика обработки и идентификации мема, а также особенности восприятия мемов при условии конфликта этнокультурной идентичности респондента с мемосферой, в которой сформировался конкретный мем.

Методы. Экспериментальное исследование включало 2 серии, в которых анализировалась культурная специфика организации когнитивной деятельности у респондентов при восприятии мемов, принадлежащих российской и китайской мемосферам. Регистрация глазодвигательной активности велась с помощью SMI RED 250 Гц трекера для фиксации движений глаз, аппаратного и программного обеспечения «SMI Gaze & Eye-tracking System». Экспериментальная задача состояла в визуальном анализе поликодового текста (изображения) с последующей оценкой принадлежности мема к российской или китайской медиасфере, а также маркированием наиболее субъективно значимых для интерпретации элементов изображения. Самоотчеты респондентов о ключевых признаках принадлежности мема, подвергались контент-анализу. Пакет IBM SPSS Statistics 26 использовался для статистического анализа полученных данных.

Выборка. В исследовании приняли участие 39 респондентов: магистранты факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, обучающиеся по направлению «Журналистика», средний возраст 24,7 лет ($SD = 4,1$), в том числе 21 гражданин РФ и 18 граждан КНР.

Результаты. Респонденты двух групп в 64% случаев успешно справлялись с задачей на идентификацию принадлежности мемов. При этом текст на русском языке обозначался как наиболее информативный элемент мема. Данные о движениях глаз выявили общую тенденцию к фокальному восприятию стимула у респондентов из России и к скользящему просмотру у студентов из Китая, в то время как принадлежность стимульного материала в меньшей степени влияет на характеристики глазодвигательной активности. При этом для российских мемов успешная идентификация связана с более коротким путем сканирования, а для китайских мемов — наоборот, с более протяженным путем сканирования, что позволяет предположить существование оптимального способа зрительного сканирования для графической структуры мема.

Выводы. Результаты показали, что этнокультурная специфика проявляется как на уровне конструирования мемов, так и на уровне их восприятия и когнитивной обработки респондентами. Конфликт восприятия проявляется в невозможности интерпретации этнокультурных референций, что приводит к непониманию смысла мема и отражается в параметрах глазодвигательной активности респондентов.

Ключевые слова: когнитивная обработка, движения глаз, восприятие мема, мемосфера, этнокультура, медиаобраз

Финансирование. Работа выполнена при поддержке междисциплинарных научных проектов МГУ имени М.В. Ломоносова, выполняющихся в интересах Междисциплинарных научно-образовательных школ, проект № 23-Ш02-16, тема проекта «Конфликт и медиа: теоретические, исторические, социокультурные и коммуникативные аспекты».

Для цитирования: Рабесон, М.Д., Денисова, Г.В., Смирнова, О.В., Стебловская, С.Б. (2024). Этнокультурные и конфликтологические аспекты восприятия интернет-мемов: результаты эксперимента с использованием айтрекинга. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 65–80. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0305>

Ethnocultural and Conflictological Aspects of the Perception of Internet Memes: Results of an Eye-Tracking Experiment

Maria D. Rabeson ✉, Galina V. Denisova, Olga V. Smirnova, Sofia B. Steblovskaya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ maria.rabeson@gmail.com

Abstract

Background. The development of media communication technologies leads to the new ways of information exchange. Content takes compact forms which requires to transform cognitive sphere in order to better operate with the emerging forms of information. Memosphere seems to be one of the directions in the development of modern media content, in which ethnocultural, social, value and cognitive features of perception unfold.

Objective. The study is aimed at identifying the characteristics of perception and cognitive processing of the meme as the most relevant media form. Ethnocultural aspect of processing and identification of a meme is revealed, as well as the peculiarities of the perception of memes under the condition of a conflict between the ethnocultural identity of the respondent and the memosphere in which a specific meme originated.

Methods. The experimental study included two series in which cultural specifics of cognitive activity in respondents when perceiving memes belonging to the Russian and Chinese memospheres were analyzed. Registration of oculomotor activity was carried out with an SMI RED 250 Hz tracker, hardware and software “SMI Gaze & Eye-tracking System” were applied. The experimental task involved visual analysis of polycode text (image), followed by an assessment of the origin of the meme (Russian or Chinese media sphere), as well as by marking the most subjectively significant image elements. Respondents’ self-reports on the key features in meme identification were subjected to content analysis. IBM SPSS Statistics 26 was used in statistical analysis of the data obtained.

Study Participants. 39 respondents took part in the experimental study: undergraduates at the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, average age 24.7 years (SD = 4.1), including 21 citizens of the Russian Federation and 18 citizens of the People’s Republic of China.

Results. Respondents from the two groups successfully completed the task of meme identification in 64% of cases. The text in Russian was designated as the most informative element of the meme in both groups. Data on eye movements revealed a general tendency towards focal perception of the stimulus among respondents from Russia and towards sliding viewing among students from China. The origin of the stimulus shows weaker effect on the characteristics of oculomotor activity. For Russian memes, successful identification is associated with a shorter scanning path, and for Chinese memes, on the contrary, with a longer scanning path, which suggests the existence of an optimal visual scanning method for the culture-specific graphic structure of a meme.

Conclusions. The results showed that ethnocultural features are manifested both at the level of constructing memes and at the level of their perception and cognitive processing by respondents. The conflict of perception manifests itself in the impossibility to interpret ethnocultural references, which leads to a misunderstanding of the meaning and is reflected in the parameters of the respondents’ oculomotor activity.

Keywords: cognitive processing, eye movements, meme perception, memosphere, ethnoculture, media image

Funding. The work was carried out with the support of interdisciplinary scientific projects of Lomonosov Moscow State University, project No. 23-S02-16, Conflict and media: theoretical, historical, sociocultural and communicative aspects.

For citation: Rabeson, M.D., Denisova, G.V., Smirnova, O.V., Steblovskaya, S.B. (2024). Ethnocultural and conflictological aspects of the perception of internet memes: results of an eye-tracking experiment. *National Psychological Journal*, 19(3), 65–80. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0305>

Введение

Современное состояние многосубъектной и поликодовой по содержанию информационной среды создает ситуацию, при которой аудитория сталкивается с беспрецедентным по объему и мощности воздействия потоком информации. Становится все более очевидным, что пропускная способность мозга и когнитивные возможности человека вступают в противоречие со способностью усваивать безграничный объем информации (Gleick, 2011). В этом контексте исследователи отмечают, что все более востребованными в интернет-пространстве становятся такие разновидности медиатекста, которые дают аудитории максимально редуцированные представления о происходящих в мире событиях и явлениях (Seung, 2013; Klingberg, 2009). Эту функцию выполняет в том числе такая актуальная медиаформа, как мем, который все чаще становится объектом мультимодального анализа в междисциплинарных исследованиях, проводящихся на стыке таких научных направлений, как антропология, лингвистика, этнопсихология, культурология, медиаисследования и т.д.

Мем, являясь феноменом современного медиадискурса, неразрывно связан с интернет-пространством и социальными сетями и становится одним из наиболее распространенных и доступных способов выражения субъектности современного человека. Современные практики медиапотребления в целом являются объектом глубокого изучения исследователей, развивающих все более актуальные подходы (Дунас и др., 2020, Толоконникова и др., 2020). Рассматриваются в том числе психологические аспекты медиапотребления, то, как Интернет и социальные медиа становятся той средой, которая позволяет удовлетворять в том числе психологические потребности, такие как стремление к познанию информации, потребность в общении и желании «примерить» на себя различные социальные роли, сформировать «Я-концепцию» (Дунас и др., 2020). В этом контексте представляется важным для понимания также то, как пользователь социальных сетей проявляет себя в «сетевой» жизни, как интегрирует разные виды контента, в том числе мемы в информационную повестку, какой мотивацией руководствуется, когда размещает этот контент.

С точки зрения медиалингвистики мем представляет собой креолизованный текст, содержащий вербальные и визуальные компоненты (Сорокин, Тарасов, 1990). Визуальная составляющая мема предполагает иллюстративное (фотография, рисованная иллюстрация, инфографика, кадр из анимации, репродукция, коллаж) и графическое (шрифтовое, декоративное) оформление. Таким образом, креолизованный мем представляет собой сложное переплетение лингвистических, экстралингвистических и прецедентных знаний.

Большой интерес представляет психологический аспект мемосферы. Эксперты, проводившие мас-

штабное исследование (Miller, Costa, 2019), пришли к выводам, что мемы стали, во-первых, легким способом сформировать и выразить свое отношение к событиям, и во-вторых, имеют ярко выраженную компенсаторную психологическую функцию. Эта компенсаторная функция выражается и в том, что мемовое творчество позволяет обществу и его определенным группам, в первую очередь, молодежи, справиться со сложно переносимыми чувствами — тревогой, неизвестностью, неконтролируемой ситуацией, или переменами в социальной жизни, как это было, например, в случае с COVID-19 (Ajanović E., Fritsch K., 2023; Smirnova et al., 2020).

В контексте этнокультурных исследований важным является то, что та или иная этнокультурная общность продуцирует мемы определенного типа и по-своему реплицирует их. Так, например, в Индии люди делятся прежде всего серьезными мемами, говорящими о религии, в большом количестве мемов в качестве персонажей фигурируют боги индуистского пантеона. В итальянской мемосфере большой процент мемов посвящен красоте природы, в британской мемосфере центральное место занимает юмор относительно национальных черт характера (Miller, Costa, 2019). Для китайской мемосферы характерно использование рисованных персонажей, знакомых каждому носителю китайской культуры (например, Мандарин, Панда и т.д.), высокий уровень назидательности, специфичный юмор, который зачастую не имеет адекватного перевода на другие языки. Большое количество вымышленных рисованных персонажей, которые становятся героями сериальных мемов, также характерны для китайской мемосферы. Они легко распознаются носителями китайской культуры, автоматически считываются как действующие лица определенного «мемосериала», вызывают, как правило, определенную стереотипную реакцию (Смирнова и др. 2023)

Интернет-мемы визуально изображают элемент культуры или культурно-специфичной поведенческой системы в юмористической форме. При этом мемы имеют контекстуальную отнесенность к определенной социальной группе, часто этнокультурной. Как правило, такие креолизованные тексты быстро распространяются со многими вариациями оригинала. Различные виды онлайн-взаимодействия с интернет-мемами составляют один из важнейших психосоциальных аспектов цифровой культуры, которые в последнее время прочно утвердились в СМИ, постоянно поддерживая актуальные в культурном отношении и социально значимые отсылки (Akram, U., Drabble, J., 2022).

Особое внимание в работах по экспериментальному исследованию мемов уделяется графическому шаблону мема. Так, выделяют простые мемы, состоящие из «макроса» (macro image, macros) и «эдвайса» (от англ. advice — «совет») (Grundlingh, 2018). Обязательными частями простого мема являются изображение, прецедентное или авторское с возможной отсылкой к

прецедентным персонажам или ситуациям, которое занимает основное пространство мема; и надпись сверху и/или внизу изображения. Надпись часто имеет двухчастную структуру с «зачином» и «кульминацией» в виде неожиданного остроумного завершения (Шурина, 2014). Мем рассматривается как поликодовый жанр, выражающий эмоциональную оценку или реакцию, где части сообщения условно не отделены друг от друга (Горбачева А.В. и др., 2021).

Минималистическая и сжатая форма передачи информации посредством интернет-мемов создает контекст для быстрого восприятия и когнитивной обработки содержания представителями референтной группы (Зиновьева, 2015, Канашина, 2018, Ягодкина, 2019; и др.). При этом внимание уделяется исследованиям стратегий когнитивной обработки мемов представителями различных культурных и социальных групп, поскольку в таком сравнении возможно выявление специфических характеристик восприятия сжатых форм передачи информации, что представляется актуальным в условиях формирования информационного общества и возникающей потребностью в формировании способности к ускоренной обработке воспринимаемого материала. Особый интерес вызывает изучение мемов в парадигме визуального нейромаркетинга, в основе которого лежат айтрекинговые технологии, в частности, активно исследуется представленная в мемах актуальная политическая тематика (Lobodenko, 2022, Лободенко, 2023).

Для оценки процессов когнитивной обработки при восприятии мемов представителями разных поколений (Soleh et al., 2021) использовались технологии фиксации движений глаз. Регистрация тепловых карт в областях интереса мемов показала, что немиллениалы уделяют внимание тексту и изображениям, тогда как миллениалы уделяют внимание только изображениям. Результаты опроса также показали, что в основном немиллениалы не понимают значения мемов и хуже решают задачу на выявление проблематики мемов.

Этнокультурные особенности проявляются как с точки зрения того, какие мемы конструирует та или иная национальная общность, так и в том смысле как представители разных культур воспринимают мемы друг друга. Этнокультурные особенности восприятия мемов другой национальной мемосферы — одна из наиболее интересных и малоисследованных областей. В данном исследовании анализируются культурно-специфические характеристики когнитивной обработки мемов, принадлежащих к разным этнокультурным областям медиапространства.

Методы исследования

Процедура

В исследовании применялась специально разработанная экспериментальная процедура. До начала эксперимента все участники были предупреждены

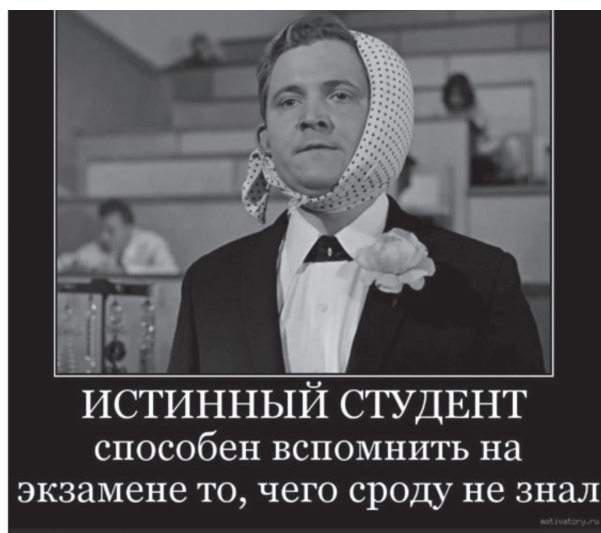
о целях проведения научного исследования и характере стимульного материала. Также предварительно проводится сбор информации о характеристиках зрительной системы респондентов (все участники с нормальным зрением или скорректированным до нормального), физиологическом состоянии и опыте взаимодействия с поликодовыми текстами на русском и китайском языках. После завершения экспериментальной процедуры с фиксацией движений глаз испытуемым предлагалось написать краткий отчет о том, на какие признаки они ориентировались при принятии решения о принадлежности мема.

Экспериментальное исследование включало 2 серии, в которых с помощью технологии фиксации окулomotorной активности анализировалась культурная специфика организации когнитивной деятельности у российских респондентов ($n = 21$) и магистрантов из Китая ($n = 18$).

Экспериментальная задача состояла в визуальном анализе поликодового текста (изображения) с последующей оценкой принадлежности мема к российской или китайской медиасфере, а также маркированием наиболее субъективно значимых для интерпретации элементов изображения. Исследование завершалось кратким свободным отчетом в письменной форме о наиболее значимых характеристиках изображений, позволявших определить принадлежность мема.

Стимульный материал

Отбор и подготовка стимульного материала осуществлялись в соответствии с исследовательской программой, разработанной сотрудниками факультета журналистики (Смирнова и др. 2022). Был собран массив мемов, в которых в той или иной степени отображен медиаобраз России и Китая. В эксперименте принимали участие студенты магистратуры факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова — граждане РФ ($n = 6$) и граждане КНР ($n = 30$). Магистранты из КНР искали и фиксировали мемы, распространенные в социальных сетях на китайском языке, в которых либо присутствовали слова-маркеры («Россия», «русский язык», «Москва», и т.д.), либо присутствовало изображение объекта, относящегося к России (Кремль и т.д.). Магистранты из РФ, в свою очередь, собирали мемы в социальных сетях на русском языке, включающие в себя элементы, которые можно отнести к образу Китая. Были отобраны креолизованные мемы, то есть мемы, в которых присутствовали и изображение, и текст. Сбор происходил на специализированных платформах и в социальных сетях, таких как российская Мемепедия и китайские Байду (baidu.com), Сина (Sina Weibo). Далее из отобранного массива были исключены повторы, мемы с китайского языка были переведены на русский, с русского языка соответственно на китайский. Таким образом, каждое из стимульных изображений включает текст подписи на двух языках (русском и китайском) (Рисунок 1).



一個真正的學生能夠在考試中記
住他從來不知道的東西



俄罗斯人在太空是无敌的
Русские непобедимы в космосе

Рисунок 1

Примеры стимульных изображений

Figure 1

Examples of stimulus images (text 1: At an exam, Russian student can remember things he has never known; text 2: Russians are unconquerable in Space)

На следующем этапе было отобрано 20 мемов (по 10 из наборов мемов из китайских и русских источников), которые в дальнейшем были предложены испытуемым непосредственно в ходе эксперимента в лаборатории.

В ходе экспериментального исследования проводилась регистрация глазодвигательной активности с помощью SMI RED 250 Гц трекера для фиксации движений глаз, аппаратного и программного обеспечения «SMI Gaze & Eye-tracking System». Экспериментальный дизайн разработан с помощью программного обеспечения «Экспериментальный центр». Расстояние между монитором и глазом было установлено на 0,6–0,8 м; точность при 0,4°; пространственное разрешение (RMS) при 0,03°; максимальная задержка при 6 мс; автоматическая калибровка при < 10 сек. Пакет IBM SPSS Statistics 26 использовался для статистического анализа полученных данных.

Выборка

В эксперименте по регистрации глазодвигательной активности приняли участие 39 респондентов — студентов магистратуры факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова, обучающихся по направлению «Журналистика», средний возраст 24,7 лет

(SD = 4,1), в том числе — 21 гражданин РФ и 18 граждан КНР. Лингвистическая компетентность и уровень владения русским языком оценивались у респондентов из КНР с помощью стандартного теста на знание русского языка (<https://mgu-russian.com/ru/learn/test-online/36/>).

Результаты исследования

1. Анализ успешности выполнения задания

1.1. Определение принадлежности мема

В среднем, все участники исследования одинаково эффективно справлялись с задачей определения принадлежности мемов к китайской или российской культуре (средний коэффициент успешности составил 64%). В группе русских респондентов средние показатели были несколько выше, чем у китайцев (67% и 60%, соответственно). Эти различия определяются на уровне тенденции $F(1;778) = 3,63$, $p = 0,05$. При анализе коэффициента успешности идентификации принадлежности изображения было выявлено, что китайские мемы в обеих группах идентифицируются менее успешно: 54% идентифицировано верно, в то время как для мемов, принадлежащих к русскому медиополю коэффициент успешности составил 74% ($F(1;778) = 35,463$, $p < 0,001$).

1.2. Выделение значимых элементов изображения

Еще одной задачей для испытуемых было определить элемент изображения как значимый или ключевой для понимания мема и отметить его с помощью клика мыши. Чаще всего клики мыши обнаруживаются в случайных областях изображения, что, вероятно, связано с тем, что респонденты испытывали затруднение с определением наиболее значимого элемента изображения. Тем не менее, текст на одном из языков обозначается как наиболее значимый элемент чаще других элементов.

Таблица 1
Частота выделения элементов изображения как значимых по областям изображения

Элемент	Количество отметок	Отмечено (в %)
фон	185	25,3
лица	114	15,6
изображения	147	20,1
Текст на русском языке	188	25,7
Текст на китайском языке	89	12,2
Текст на английском языке	8	1,1
Всего	731	100,0

Table 1
Frequency of marking image elements as significant by image areas

Element	Times mentioned	Marked (in %)
Background	185	25.3
Faces	114	15.6
Images	147	20.1
Text in Russian	188	25.7
Text in Chinese	89	12.2
Text in English	8	1.1
Total	731	100.0

При сравнении результатов в двух группах, было установлено, что области, выделенные респондентами как наиболее значимые для понимания мема включали лица и другие элементы изображения, а также текст подписи на русском, китайском и английском языках. При этом текст на русском был выделен в 35% случаев в ответах российской выборки и в 33% случаев в ответах респондентов из Китая.

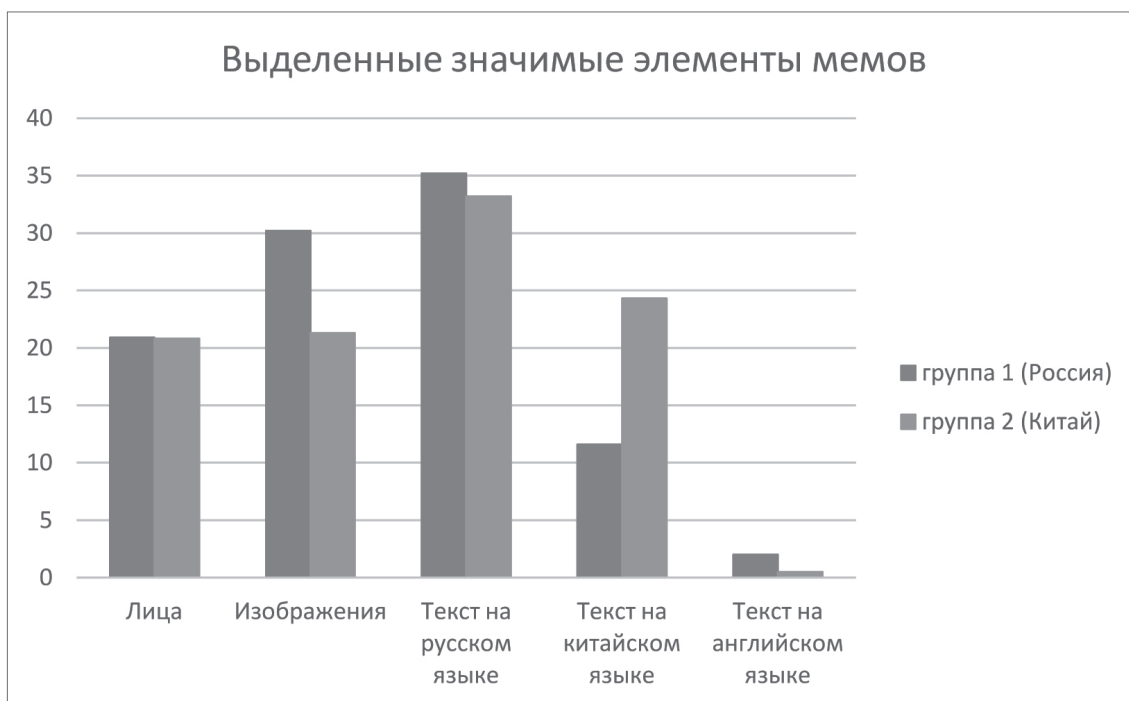


Рисунок 2
Значимые элементы изображения (в процентах от всех выбранных)

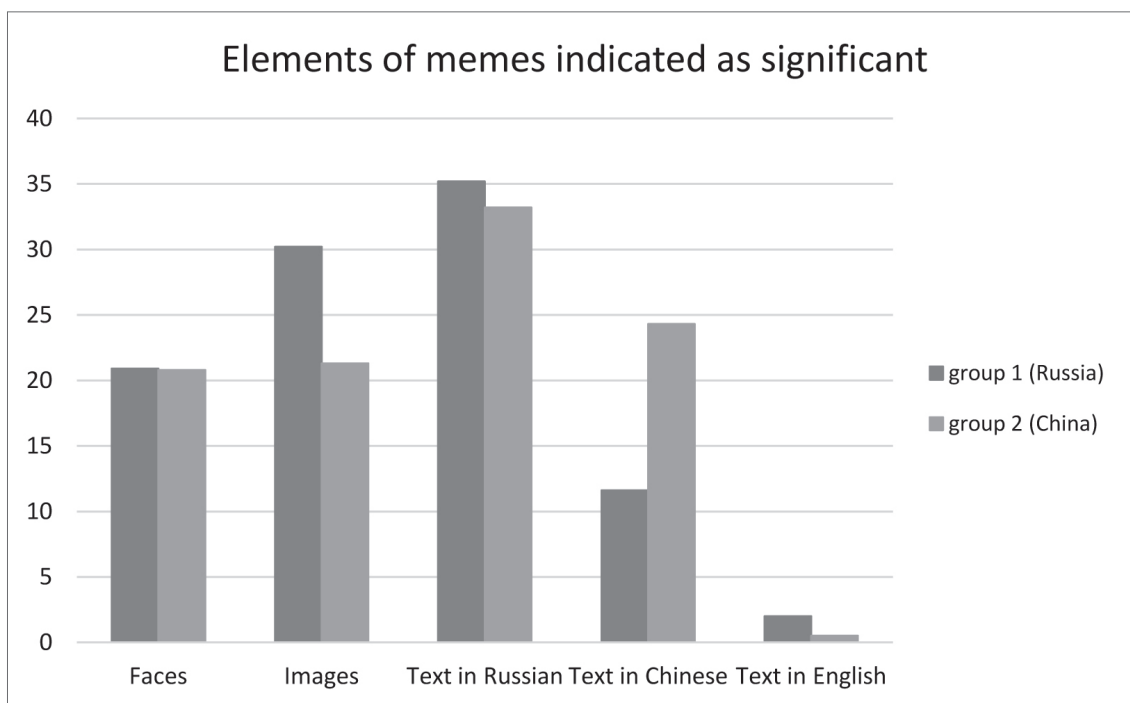


Figure 2
 Significant elements of the meme (percentage of all elements selected)

Таким образом, среди значимых элементов стимулов преобладали области с текстом на одном из языков, преимущественно на русском для обеих групп испытуемых. При этом данные глазодвигательной

активности указывают на обработку нескольких областей стимульного изображения при принятии решения с предпочтением либо к тексту, либо к изображению (Рисунок 3).

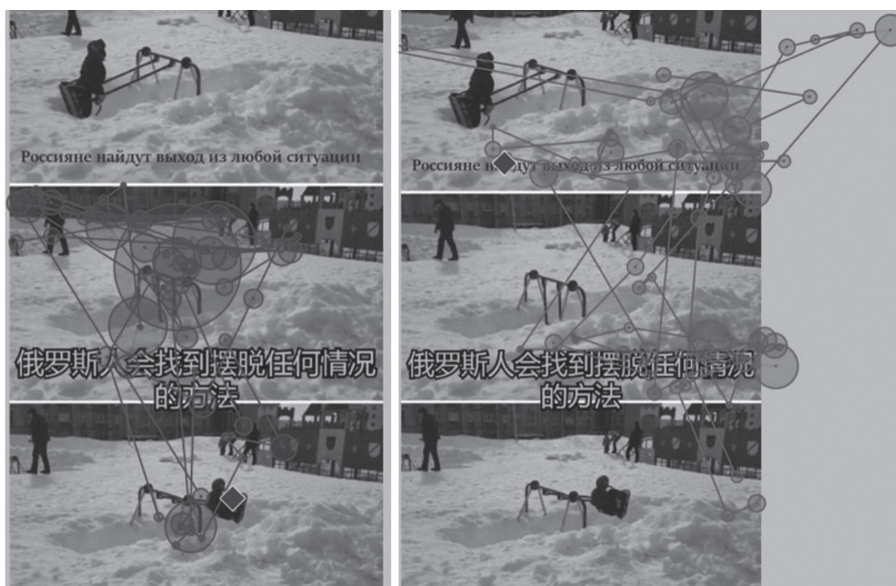


Рисунок 3
 Фиксация содержания в значимых областях изображения русским (слева) и китайским (справа) респондентами

Figure 3
 Fixation of content in significant areas of the image by Russian (left) and Chinese (right) respondents

2. Анализ параметров движений глаз

2.1. Глазодвигательная активность при анализе мемов по группам респондентов

Анализ параметров движений глаз (ANOVA) выявил значимые различия между особенностями паттернов окуломоторной активности у респондентов двух групп. Так, среднее количество фиксаций $F(1;778) = 60,432, p < 0,001$ и саккад $F(1;778) = 17,857, p < 0,001$ значимо различаются в пробах испытуемых двух групп (Рисунок 4).

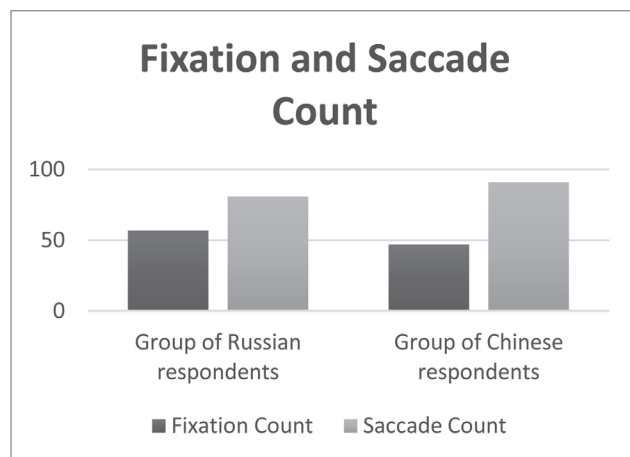


Figure 4
The ratio of the number of fixations and saccades by groups of respondents

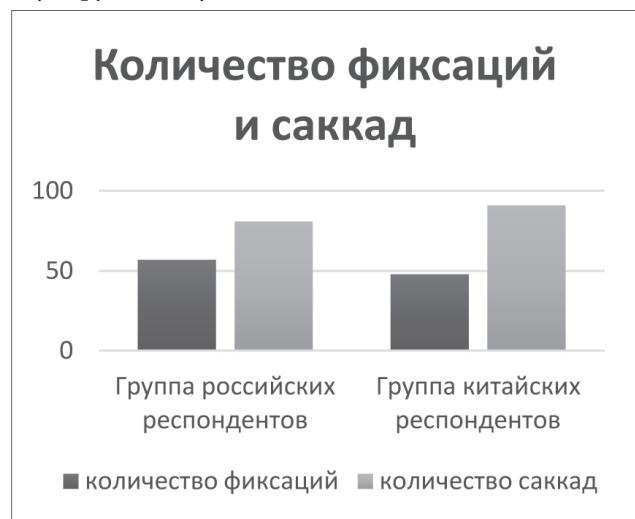


Рисунок 4
Соотношение количества фиксаций и саккад по группам респондентов

Также паттерны движений глаз русских респондентов отличались более длительными фиксациями и менее амплитудными саккадами, что согласуется с полученными ранее данными о специфике восприятия зрительных стимулов российскими и китайскими респондентами (Rabeson et al., 2021). Таким образом, данные подтверждают предположение о фокальном стиле когнитивной обработки стимула у русских респондентов по сравнению с амбиентным, скользящим просмотром всей сцены у китайских респондентов (Рисунок 5).

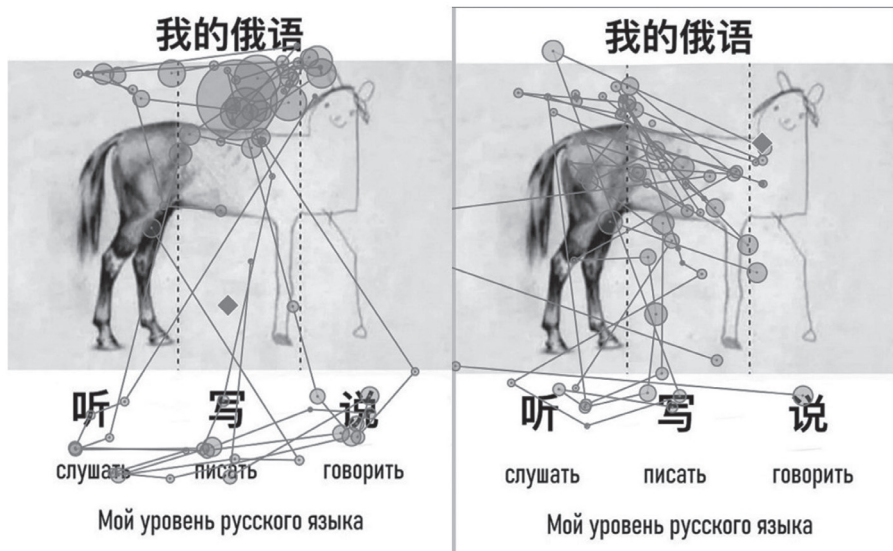


Рисунок 5
Данные регистрации глазодвигательной активности у русского (слева) и китайского (справа) студентов

Figure 5
Data of oculomotor activity registration in Russian (left) and Chinese (right) students. (Text reads: My level of Russian is to listen, to write, to speak)

Предположение о предпочтении к AMBIENTНОМУ способу сканирования поля стимула подтверждается также результатами статистического анализа. Обнаружены значимые различия в показателях средней длительности фиксации 251,67 мс у русских и 229,59 мс у китайских респондентов ($F(1;778) = 6,936, p = 0,009$; средней дисперсии фиксации 78,53 пикселей у русских и 136,69 китайских респондентов ($F(1;778) = 48,738, p < 0,001$; средней саккадической амплитуды 7,56° у русских и 11,78° у китайских респондентов ($F(1;778) = 55,716, p < 0,001$

(Таблица 2). Показатели количества и средней длительности морганий свидетельствуют о различиях в особенностях визуального сканирования. Китайские студенты моргают в среднем в два раза чаще, что может также свидетельствовать о когнитивной нагрузке, которую они воспринимают как более высокую при выполнении экспериментальной задачи (определение принадлежности мема с названием решения вслух на русском (иностранном для них) языке, а также фиксация значимого компонента нажатием на клавишу мышки.

Таблица 2
Показатели движений глаз у респондентов российской и китайской выборок

Параметр	Среднее	Стандартное отклонение	F(1;778)	Значимость	
Количество фиксации	Российская выборка	56,95	12,752	60,432	0,000
	Китайская выборка	47,95	19,336		
Частота фиксации (кол-во в секунду)	Российская выборка	2,87	0,637	59,464	0,000
	Китайская выборка	2,42	19,336		
Средняя длительность фиксации (мс)	Российская выборка	251,67	107,530	6,936	0,009
	Китайская выборка	229,59	126,557		
Средняя дисперсия фиксации (пк)	Российская выборка	78,53	34,406	48,738	0,000
	Китайская выборка	136,69	166,645		
Количество саккад	Российская выборка	80,88	30,517	17,857	0,000
	Китайская выборка	90,99	36,352		
Частота саккад (кол-во в секунду)	Российская выборка	4,06	1,525	18,231	0,000
	Китайская выборка	4,57	1,815		
Средняя длительность саккад (мс)	Российская выборка	48,46	6,260	30,924	0,000
	Китайская выборка	52,01	11,188		
Средняя амплитуда саккад (°)	Российская выборка	7,56	2,685	55,716	0,000
	Китайская выборка	11,78	11,226		
Среднее саккадическое ускорение (°/сек)	Российская выборка	144,67	54,312	41,913	0,000
	Китайская выборка	209,40	196,369		
Средняя латентность саккад (мс)	Российская выборка	223,56	99,137	5,162	0,023
	Китайская выборка	204,65	132,856		
Количество морганий	Российская выборка	6,15	4,625	99,397	0,000
	Китайская выборка	11,31	9,372		
Средняя длительность морганий (мс)	Российская выборка	177,18	167,446	15,271	0,000
	Китайская выборка	252,91	342,013		
Длина пути сканирования (пк)	Российская выборка	12914,51	4434,467	18,769	0,000
	Китайская выборка	11458,73	4948,137		

Table 2
Indicators of eye movements in respondents of Russian and Chinese samples

	Parameter	Mean	Standard Deviation	F(1;778)	Significance
Fixation Count	Russian sample	56.95	12.752	60.432	0.000
	Chinese sample	47.95	19.336		
Fixation Frequency (count per s)	Russian sample	2.87	0.637	59.464	0.000
	Chinese sample	2.42	0.970		
Fixation Duration Total (ms)	Russian sample	251.67	107.530	6.936	0.009
	Chinese sample	229.59	126.557		
Fixation Dispersion Average (px)	Russian sample	78.53	34.406	48.738	0.000
	Chinese sample	136.69	166.645		
Saccade Count	Russian sample	80.88	30.517	17.857	0.000
	Chinese sample	90.99	36.352		
Saccade Frequency (count per s)	Russian sample	4.06	1.525	18.231	0.000
	Chinese sample	4.57	1.815		
Saccade Duration Average (ms)	Russian sample	48.46	6.260	30.924	0.000
	Chinese sample	52.01	11.188		
Saccade Amplitude Average (°)	Russian sample	7.56	2.685	55.716	0.000
	Chinese sample	11.78	11.226		
Saccade Velocity Average (° per s)	Russian sample	144.67	54.312	41.913	0.000
	Chinese sample	209.40	196.369		
Saccade Latency Average (ms)	Russian sample	223.56	99.137	5.162	0.023
	Chinese sample	204.65	132.856		
Blink count	Russian sample	6.15	4.625	99.397	0.000
	Chinese sample	11.31	9.372		
Blink Duration Average (ms)	Russian sample	177.18	167.446	15.271	0.000
	Chinese sample	252.91	342.013		
Scanpath Length (px)	Russian sample	12914.51	4434.467	18.769	0.000
	Chinese sample	11458.73	4948.137		

Анализ движений глаз при просмотре русских и китайских мемов не показал значимых различий, что свидетельствует в пользу гипотезы о том, что принадлежность стимульного материал в меньшей степени влияет на характеристики глазодвигательной активности респондента, чем характеристики самого испытуемого. Однако, при затруднении в интерпретации мема испытуемые российской группы склонны увеличивать среднее количество и продолжительность фиксации и количество саккад, стремясь обработать больший объем информации. При этом процент успешной идентификации мема как китай-

ского возрастает до 71%. У респондентов китайской группы успешность идентификации была также несколько выше при условии затруднения в понимании, но в целом, будучи включенными в контекст российской медиа среды, они справлялись с задачей лучше. Закономерностей в изменении паттернов восприятия мемов выявлено не было.

2.2. Движения глаз при успешной идентификации принадлежности мема

При успешной идентификации принадлежности стимула к российской или китайской мемосфере движения глаз характеризовались меньшей

дисперсией фиксации (97,79 пикселей при верном определении принадлежности и 119,07 пикселей при ошибках, $F(1;778) = 5,711$, $p = 0,017$); меньшей средней амплитудой саккад ($8,93^\circ$ в случае успешной идентификации и $10,55^\circ$ при ошибке, $F(1;778) = 7,126$, $p = 0,008$); меньшим ускорением саккад ($166,03^\circ/\text{сек}$ при верной и $189,92^\circ/\text{сек}$ при ошибочной идентификации, $F(1;778) = 5,035$, $p = 0,025$). Таким образом, успешная идентификация связана с более концентрированным, фокальным способом обработки информации.

Значимые различия в параметрах обработки китайских и российских мемов между успешными и неуспешными пробами состояло только в длине пути сканирования стимула. При этом для российских мемов успешная идентификация связана с более коротким путем сканирования (12020 пк в успешных пробах и 13716,8 пк — в случае неудачи $F(1;388) = 9,35$, $p = 0,002$), а для китайских мемов — наоборот, с более

протяженным путем сканирования (12670 пк в успешных пробах и 11269 пк — в неуспешных $F(1;388) = 9,08$, $p = 0,003$). Эти данные позволяют предположить, что графическая структура мема предполагает некий оптимальный способ зрительного сканирования.

2.3. Глазодвигательная активность при анализе значимых областей изображений

Данные о глазодвигательной активности при просмотре стимульных изображений проанализированы также по ключевым областям изображений. При этом обнаруживаются статистически значимые различия в показателях окулomotorной активности респондентов двух групп в областях, отмечаемых как значимых для понимания и интерпретации мема. Так, основные различия связаны с характеристиками фиксации, которые отражают и общую тенденцию к более коротким фиксациям у респондентов из группы китайских студентов (Таблица 3).

Таблица 3

Параметры глазодвигательной активности в областях изображения, отмеченных как ключевых для понимания мема

Показатель	Российская группа (среднее)	Китайская группа (среднее)	F (1;544)	значимость
Общее время фиксации (мс)	3502,95	2647,79	11,43	0,001
Время фиксации в процентах от просмотра всего изображения	17,52	13,24	11,43	0,001
Время пребывания точки взора в области интереса (мс)	3866,72	2947,00	10,99	0,001
Время пребывания точки взора в области интереса в процентах	19,34	14,74	11,00	0,001
Средняя длительность фиксации в области интереса (мс)	261,93	217,76	4,68	0,031

Table 3

Parameters of oculomotor activity in image areas marked as key to understand the meme

Parametre	Russian group (mean)	Chinese group (mean)	F (1;544)	Significance
Total fixation time (ms)	3502.95	2647.79	11.43	0.001
Fixation time as a percentage of viewing the entire image	17.52	13.24	11.43	0.001
Time spent by the gaze point in the area of interest (ms)	3866.72	2947.00	10.99	0.001
Time spent by the gaze point in the area of interest in percentage	19.34	14.74	11.00	0.001
Average duration of fixation in the area of interest (ms)	261.93	217.76	4.68	0.031

Более короткие временные интервалы пребывания в области интереса, отмеченной как ключевой в понимании мема, может быть также связано с более высокой эффективностью холистической когнитивной стратегии при принятии решения о значимости элемента. В среднем, для принятия решения о значимости элемента испытуемые возвращались к нему 6,28 раз, и подтверждали выбор значимого элемента через 8,25 секунды от начала просмотра изображения. Показатели

не различались значимо между группами, хотя в группе респондентов из России среднее значение оказалось несколько выше и составило 8,39 секунд. Паттерны движений глаз респондентов двух групп указывают на преобладание более длительных и направленных фиксаций у русских респондентов (светлый путь сканирования на рисунке) и на большее количество саккад с короткими фиксациями в группе китайских студентов (темный путь сканирования).

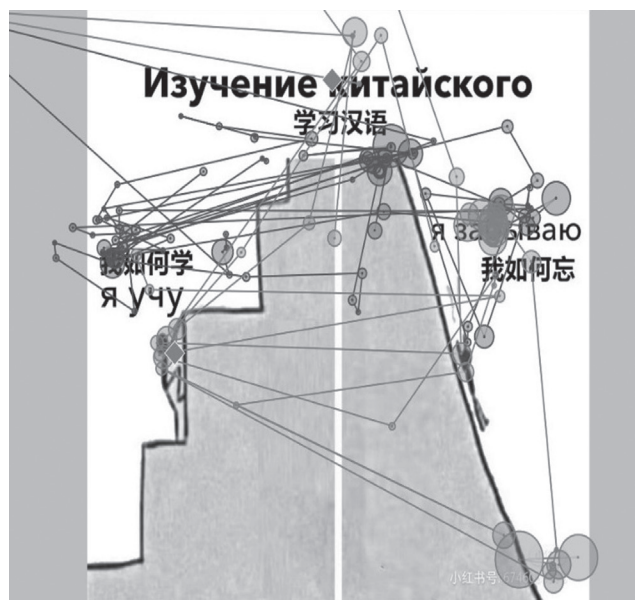


Рисунок 6
Сканирование стимула респондентами двух групп: русских респондентов (светлый) и китайских студентов (темный)
Text: Learning Chinese, on the left “I am learning”, on the right “I forget”

Figure 6
Scanning of the stimulus by respondents of two groups: Russian respondents (light) and Chinese students (dark).
Text: Learning Chinese, on the left “I am learning”, on the right “I forget”

3. Ключевые основания для идентификации принадлежности мемов

Испытуемым так же предлагалось в свободной форме изложить свое понимание основных параметров стимулов, которые позволяют им принимать решение о принадлежности мема к китайскому или российскому медиапространству. Контент-анализ собранных ответов показал, что в качестве основных можно выделить 5 категорий-признаков, на которые ориентировались респонденты при отнесении мема к китайскому или российскому медиаобразу. Это изображения, подписи, общий смысл мема, способность респондента понять содержание мема (менее понятные мемы автоматически оценивались как принадлежащие к иной культуре), а также личный опыт взаимодействия с мемами.

Средние частоты выделения категорий как значимых при когнитивной обработке и отнесении мема к той или иной культуре оказались различными в группах российских и китайских респондентов (Таблица 4). Так, применяя t-критерий для несвязанных выборок удалось установить, что значимо различаются средние оценки вклада текста подписи (особенно языка оригинальной подписи,

который некоторым китайским респондентам удалось восстановить, исходя из опыта) $F(1;37) = 8,657$, $p = 0,006$. Также анализ данных показал, что русские респонденты значительно чаще выделяют общий смысл мема как значимый параметр $F(1;37) = 21,503$, $p < 0,001$. Субъективная оценка понимания смысла мема в среднем чаще используется русскими респондентами.

Таблица 4
Частотность упоминания категорий, на которые ориентируются респонденты при определении принадлежности стимула-мема (в %)

Категория	Группа		Всего
	русские	китайцы	
Текст	52,4	77,8	64,1
Изображение	81	88,9	84,6
Общий смысл	28,6	5,6	17,9
Опыт	23,8	33,3	28,2
Понимание	14,3	5,6	10,3

Table 4
Frequency of mentioning for the categories that respondents focus on when determining the origin of a meme

Category	Group		Total
	Russian students	Chinese students	
Text	52.4	77.8	64.1
Image	81	88.9	84.6
General Meaning	28.6	5.6	17.9
Experience	23.8	33.3	28.2
Understanding	14.3	5.6	10.3

Обсуждение результатов

Целью данного исследования стало выявление культурно-специфических характеристик когнитивной обработки визуального стимула при решении задачи на определение принадлежности мема к определенной этнокультурной мемосфере. Различия между группами в успешности идентификации происхождения мемов не значительны, в то время как для двух групп изображений различия более существенны: российское медиаполе оказалось более знакомо респондентам, вероятно, в связи с тем, что представитель группы респондентов из Китая имеет опыт взаимодействия с российскими мемами. При

этом яркие референты, относящиеся к китайской культуре, не идентифицируются респондентами из России. Результаты согласуются с данными, полученными в предыдущих исследованиях восприятия мемов, в том, что нейтральные и негативные оценки китайских мемов русскими студентами (Денисова и др., 2023) могли быть связаны с недостаточным уровнем их понимания, связанным, в частности в конфликтах восприятия, вызванных специфическим этнокультурным контекстом.

Значимые для понимания мема элементы респонденты в основном обозначали изображениями или текстом. Наиболее информативными блоками для обеих групп респондентов оказались подписи на русском языке, при этом китайские студенты ориентировались на них как на критерий принадлежности мема, сравнивая русский вариант текста и подпись на китайском языке. Образные и текстовые компоненты мемов предстают при этом в неразрывном единстве, и, хотя они анализируются поэлементно, интерпретация мема как познавательного процесса задействует обработку всех областей. Так, единство текстовой и образной составляющих проявляется как на языковом уровне (Горбачева и др., 2021), так и на когнитивном.

Анализ движений глаз выявил специфические паттерны визуального сканирования, демонстрируя склонность китайских студентов к менее упорядоченному и сфокусированному, амбиентному стилю сканирования (Velichkovsky, 2019), что согласуется с данными о снижении доли фокусного анализа значимых элементов изображения (Chua et al., 2005) у китайских респондентов.

Специфика идентификации значимых элементов мема также отражает тенденцию российских респондентов к фокальной стратегии обработки с более длительной концентрацией на элементах, обозначаемых в итоговом отчете как значимых. При этом китайские респонденты принимали решение быстрее, вероятно, успевая анализировать поле стимула-мема быстрее, применяя холистическую стратегию.

При этом успешность выполнения задачи на идентификацию происхождения мема ассоциирована с меньшей дисперсией фиксаций, что свидетельствует в пользу фокальной стратегии как предпочтительной для решения поставленной задачи. По всей вероятности, фокальное внимание к ключевым элементам мема при когнитивной обработке позволяет более точно оценить соответствие содержания той или иной мемосферы. Более того, исходя из полученных данных о длине пути сканирования стимула в успешных пробах, можно выдвинуть предположение о том, что графические шаблоны китайских и российских мемов несколько отличны и ориентированы на разные стили когнитивной обработки. Однако, для проверки этого предположения необходимы дополнительные исследования. Объективные данные о глазодвигательной активности в ключевых

областях мемов согласуются с данными индивидуальных субъективных отчетов о критериях идентификации мема и отнесения его к одной из этнокультурных мемосфер. Так, ключевыми элементами в большинстве случаев названы сочетание текста и изображения, хотя до 30% респондентов склонны также полагаться на свой опыт взаимодействия с мемами.

Исследование проводилось с привлечением специфической группы респондентов, в основном это сотрудники и учащиеся факультета журналистики, погруженные в контекст мемосфер, представленных в медиаполях российской и китайской культур. Большинство респондентов имели предшествующий опыт работы с мемами, что могло отразиться на результатах, поскольку, как показывают предыдущие исследования (Blinnikova et al., 2019) опыт взаимодействия с материалом сходных типов приводит к трансформации стратегий когнитивной обработки.

Выводы

Таким образом, исследование показало, что этнокультурная специфика проявляется как на уровне конструирования мемов, так и на уровне их восприятия и когнитивной обработки респондентами. При этом, конфликт восприятия проявляется в невозможности интерпретации этнокультурных референций, что приводит к непониманию смысла мема и отражается косвенным образом в параметрах глазодвигательной активности респондентов.

В целом, паттерны движений глаз (фокальный и амбиентный), характерные для этнокультурных групп, ведут к успешной идентификации и распознаванию мемов своей группы. При этом восприятие мемов другой группы несколько затруднено, что может быть связано в том числе со спецификой графического шаблона мема, ориентированного на определенный способ когнитивной обработки.

Объективные данные и субъективные отчеты респондентов согласованы в выделении критериев идентификации этнокультурной мемосферы, к которой относится конкретный стимул, однако вопрос о вкладе предшествующего опыта работы с мемами требует отдельной проработки.

Практическое применение

Полученные результаты могут применяться в практике целенаправленного медиа воздействия на этнокультурно-специфичную аудиторию, а также в практиках по этнокультурной адаптации студентов, участвующих в программах академической мобильности.

Список литературы

- Горбачева, А.В., Берлин Хенис, А.А., Пучкова, А.Н., Осадчий, М.А. (2021). Сложность восприятия демотиваторов и мемов: экспериментальное исследование. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 20(2), 74–86. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>
- Денисова, Г.В., Смирнова, О.В., Сапунова, О.В. (2023). Лингвокультурные универсалии как доминирующий фактор восприятия мемов. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, (6), 43–49. <https://doi.org/10.20339/PhS.6-23.043>
- Дунас, Д.В., Варганов, С.А., Кульчицкая, Д.Ю., Салихова, Е.А., Толоконникова, А.В. (2020). Мотивационные факторы медиапотребления российской «цифровой молодежи»: результаты пилотного исследования. *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*, (2), 3–27. <https://doi.org/10.17223/19986645/67/15>
- Дунас, Д.В., Салихова, Е.А., Толоконникова, А.В., Филаткина, Г.С. (2020). Мотивы медиапотребления учащейся молодежи: результаты опроса в Москве, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, (67), 278–302. <https://doi.org/10.17223/19986645/67/15>
- Зиновьева, Н.А. (2015). Воздействие мемов на интернет-пользователей: типология интернет-мемов. *Вестник экономики, права и социологии*, (1), 195–201.
- Канашина, С.В. (2018). Семантические особенности интернет-мема как полимодального дискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (16), 74–80.
- Лободенко, Л.К., Череднякова, А.Б., Шестеркина, Л.П., Харитонов, О.Ю. (2023). Анализ репрезентации актуальной политической тематики в цифровых плакатах и интернет-мемах: оценка медиаэффектов с использованием айтрекинговых технологий. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 23(1), 96–108.
- Смирнова, О.В., Денисова, Г.В., Шкондин, М.В., Стебловская, С.Б., Эшкинина, У.Ю., Ван, Ф. (2023). Репрезентация XXIV Олимпийских зимних игр в Пекине в мемосфере КНР: конфликтологический анализ. *Вопросы теории и практики журналистики*, (1), 85–103. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(1\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(1))
- Смирнова, О.В., Шкондин, М.В., Денисова, Г.В., Стебловская, С.Б. (2022). Индикаторы конфликтности в российском медиадискурсе: анализ интернет-мемов. *Вопросы теории и практики журналистики*, (1), 41–58. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).41-58](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).41-58)
- Сорокин, Ю.А., Тарасов, В.Ф. (1990). Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Оптимизация речевого воздействия. Москва: Изд-во «Наука».
- Толоконникова, А.В., Дунас, Д.В., Кульчицкая, Д.Ю. (2020). Возможности удовлетворения психологических потребностей подростков в цифровой медиасреде. *Коммуникации. Медиа. Дизайн*, 5(1), 51–69.
- Шурина, Ю.В. (2014). Интернет-мемы: проблема типологии. *Вестник Череповецкого государственного университета*, (6), 85–89.
- Ягодкина, М.В. (2019). Мемы в интернет-коммуникации. *Art Logos*, (2), 142–151.
- Ajanović, E., Fritsch, K. (2023). Framing Covid-19 Through Memes: A Way for Young People to Shape the Narrative in Austria. *Journal of Youth Studies*, (26), 1–19. <https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2199145>
- Akram, U., Drabble, J. (2022). Mental Health Memes: Beneficial or Aversive in Relation to Psychiat-Ric Symptoms. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1), 1–6. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01381-4>
- Blinnikova, I.V., Rabeson, M.D., Izmalkova, A.I. (2019). Eye Movements and Word Recognition During Visual Semantic Search: Differences Between Expert and Novice Language Learners. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(1), 129–146.
- Chua, H.F., Boland, J.E., Nisbett, R.E. (2005). Cultural Variation in Eye Movements During Scene Perception. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(35), 12629–12633.
- Gleick, J. (2011). *The Information: A History, a Theory, a Flood*. New-York: Fourth Estate Publ.
- Grundlingh, L. (2018). Memes as Speech Acts. *Social Semiotics*, 28(2), 147–168. <https://doi.org/10.1080/10350330.2017.1303020>
- Klingberg, T. (2009). The overflowing brain: Information overload and the limits of working memory. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Lobodenko, L., Shesterkina, L., Cheredniakova, A., Perevozova, O., Kharitonova, O. (2022). Perception Of Environmental Information Materials by Youth Audiences: Results of A Neuromarketing Study. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (3), 5–44. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2022.1>
- Miller, D., Costa, E. (2019). Contemporary Comparative Anthropology. The Why We Post Project. *Journal of Anthropology*, 84(2), 283–300.
- Rabeson, M., Blinnikova, I., Izmalkova, A. (2021). Eye Movements in Visual Semantic Search: Scanning Patterns and Cognitive Processing Across Three Cultures. *Advances in Intelligent Systems and Computing*, (1358), 182–189.
- Seung, S. (2012). *Connectome: How the brain's wiring makes us who we are*. London: Penguin Publ.
- Smirnova, O.V., Denisova, G.V., Svitich, L.G., Lin, C., Steblovskaia, S., Antipova, A.S. (2020). Psychological and ethnocultural sensitivities in the perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 148–167. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0410>
- Soleh, M.B., Anisa, Y.H., Absor, N.F., Edison, R.E. (2021). Differences of Visual Attention to Memes: An Eye Tracking Study. First Annual International Conference on Natural and Social Science Education. Dordrecht: Atlantis Press.
- Velichkovsky, B.M., Korosteleva, A.N., Pannasch, S., Helmert, J.R., Orlov, V.A., Sharaev, M.G., Ushakov, V.L. (2019). Two Visual Systems and Their Eye Movements: A Fixation-Based Event-Related Experiment with Ultrafast Fmri Reconciles Competing Views. *Modern Technologies in Medicine*, 11(4), 7–16.

References

- Ajanović, E., Fritsch, K. (2023). Framing Covid-19 Through Memes: A Way for Young People to Shape the Narrative in Austria. *Journal of Youth Studies*, (26), 1–19. <https://doi.org/10.1080/13676261.2023.2199145>

- Akram, U., Drabble, J. (2022). Mental Health Memes: Beneficial or Aversive in Relation to Psychiatric Symptoms. *Humanities and Social Sciences Communications*, 9(1), 1–6. <https://doi.org/10.1057/s41599-022-01381-4>
- Blinnikova, I.V., Rabeson, M.D., Izmalkova, A.I. (2019). Eye Movements and Word Recognition During Visual Semantic Search: Differences Between Expert and Novice Language Learners. *Psychology in Russia: State of the Art*, 12(1), 129–146.
- Chua, H.F., Boland, J.E., Nisbett, R.E. (2005). Cultural Variation in Eye Movements During Scene Perception. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 102(35), 12629–12633.
- Denisova, G.V., Smirnova, O.V., Sapunova, O.V. (2023). Linguistic and Cultural Universals as a Dominant Factor in The Perception of Memes. *Filologicheskie Nauki. Nauchnye Doklady Vysshej Shkoly = Philological Sciences. Scientific Reports of Higher Education*, (6), 43–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.20339/PhS.6-23.043>
- Dunas, D.V., Salikhova, E.A., Tolokonnikova, A.V., Filatkina, G.S. (2020). Students' Mediaconsumption Motives: Reults of The The Survey in Moscow, Nizhnij Novgorod, Rostov-na-Donu. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, (67), 278–302. (In Russ.)
- Dunas, D.V., Vartanov, S.A., Kul'chitskaya, D.Yu., Salikhova, E.A., Tolokonnikova, A.V. (2020). Mediaconsumption Motivating Factors of Russiaan Digital Youth: First Research Results. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika = Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*, (2), 3–27. (In Russ.)
- Gleick, J. (2011). *The Information: A History, a Theory, a Flood*. New-York: Fourth Estate Publ.
- Gorbacheva, A.V., Berlin Khenis, A.A., Puchkova, A.N., Osadchii, M.A. (2021). Difficulty in Perceiving Demotivators and Memes: an Experimental Study. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie = Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 20(2), 74–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.2.7>
- Grundlingh, L. (2018). Memes as speech acts. *Social Semiotics*, 28(2), 147–168. <https://doi.org/10.1080/10350330.2017.1303020>
- Kanashina, S.V. (2018). Semantic Features of The Internet Meme as a Multimodal Discourse. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian Sciences*, (16), 74–80. (In Russ.)
- Klingberg, T. (2009). *The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory*. Oxford: Oxford University Press.
- Lobodenko, L., Shesterkina, L., Cheredniakova, A., Perevozova, O., Kharitonova, O. (2022). Perception of Environmental Information Materials by Youth Audiences: Results of a Neuromarketing Study. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, (3), 5–44. <https://doi.org/10.30547/worldofmedia.3.2022.1>
- Lobodenko, L.K., Cherednyakova, A.B., Shesterkina, L.P., Kharitonova, O.Yu. (2023). The Analysis of Actual Political Thematic Representation in Digital Poster and Internet-Memes: Mediaeffects Estimation with Eye-Tracking Technologies. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Sotsial'no-Gumani-Tarnye Nauki = Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities*, 23(1), 96–108. (In Russ.)
- Miller, D., Costa, E. (2019). Contemporary Comparative Anthropology: The Why We Post Project. *Journal of Anthropology*, 84(2), 283–300.
- Rabeson, M., Blinnikova, I., Izmalkova, A. (2021). Eye Movements in Visual Semantic Search: Scanning Patterns and Cognitive Processing Across Three Cultures. *Advances in Intelligent Systems and Computing*. 1358, 182–189.
- Seung, S. (2012). *Connectome: How the brain's wiring makes us who we are*. London: Penguin Publ.
- Shchurina, Yu.V. (2014). Internet Memes: The Problem of Typology. *Vestnik Cherepoveckogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*, (6), 85–89. (In Russ.)
- Smirnova, O.V., Denisova, G.V., Shkondin, M.V., Steblovskaia, S.B., Eshkinina, U.Yu., Van, F. (2023). Representation of the XXIV Olympic Winter Games in Beijing in the PRC Memosphere: Conflictological Analysis. *Voprosy Teorii i Praktiki Zhurnalistiki = Issues in Theory and Practice of Journalism*, (1), 85–103. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12\(1\)](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2023.12(1))
- Smirnova, O.V., Shkondin, M. V., Denisova, G.V., Steblovskaia, S.B. (2022). Indicators of Conflict in Russian Media Discourse: Analysis of Internet Memes. *Voprosy Teorii i Praktiki Zhurnalistiki = Issues in Theory and Practice of Journalism*, (1), 41–58. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11\(1\).41-58](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2022.11(1).41-58)
- Smirnova, O.V., Denissova, G.V., Svitich, L.G., Lin, C., Steblovskaia, S.B., Antipova, A.S. (2020). Psychological and Ethnocultural Sensitivities in the Perception of COVID-19 Memes by Young People in Russia and China. *Psychology in Russia: State of the Art*, 13(4), 148–167. <https://doi.org/10.11621/pir.2020.0410>
- Soleh, M.B., Anisa, Y.H., Absor, N.F., Edison, R.E. (2021). Differences of Visual Attention to Memes: An Eye Tracking Study. In 1st Annual International Conference on Natural and Social Science Education. Dordrecht: Atlantis Press.
- Sorokin, Yu.A., Tarasov, V.F. (1990). Creolized texts and their communicative function. Optimization of speech influence. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Tolokonnikova, A.V., Dunas, D.V., Kul'chitskaya, D.Yu. (2020). Possibilities for Teenagers' Psychological Needs Satisfaction in Digital Mediaspace. *Kommunikatsii. Media. Dizain = Communications. Media. Design*, 5(1), 51–69. (In Russ.)
- Velichkovsky, B.M., Korosteleva, A.N., Pannasch, S., Helmert, J.R., Orlov, V.A., Sharaev, M.G., Ushakov, V.L. (2019). Two Visual Systems and Their Eye Movements: A Fixation-Based Event-Related Experiment with Ultrafast fMRI Reconciles Competing Views. *Modern Technologies in Medicine*, 11(4), 7–16.
- Yagodkina, M.V. (2019). Memes in Internet Communication. *Art Logos*, 2(7), 142–151. (In Russ.)
- Zinovieva, N.A. (2015). The Impact of Memes on Internet Users: Typology of Internet Memes. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sociologii = Bulletin of Economics, Law and Sociology*, (1), 195–201. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Мария Давидовна Рабесон, научный сотрудник кафедры психологии языка и преподавания иностранных языков факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, maria.rabeson@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4395-2402>

Maria D. Rabeson, Researcher at the Department of Psychology of Language and Teaching of Foreign Languages, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, maria.rabeson@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4395-2402>



Галина Валерьевна Денисова, доктор культурологии, профессор кафедры семиотики и общей теории искусства факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, g.v.denissova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>

Galina V. Denisova, Dr. Sci. (Culturology), Professor at the Department of Semiotics and General Theory of Art, Faculty of Arts, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, g.v.denissova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7719-8380>



Ольга Владимировна Смирнова, кандидат филологических наук, заведующая кафедрой цифровой журналистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, smirnova.olga.msu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1349-4241>

Olga V. Smirnova, Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, smirnova.olga.msu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1349-4241>



Софья Борисовна Стебловская, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры цифровой журналистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, stebel@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3866-852X>

Sofia B. Steblovskaya, Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer at the Department of Digital Journalism, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, stebel@inbox.ru <https://orcid.org/0000-0002-3866-852X>

Поступила: 23.11.2023; получена после доработки: 11.12.2024; принята в печать: 29.07.2024.

Received: 23.11.2023; revised: 11.12.2024; accepted: 29.07.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0306>
УДК/UDK 159.9.072

Интеграция качественных и количественных подходов как методологическая проблема социальной психологии

С.А. Липатов, Е.М. Нестерова ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ nesterovaem@my.msu.ru

Резюме

Актуальность. Сегодня для социальных психологов остается актуальной задача, поставленная Г.М. Андреевой — соотнесение в процессе социально-психологических исследований двух рядов закономерностей: общественного развития и развития психики человека. В этой связи возникают новые задачи внутринаучной рефлексии, одной из которых является анализ методологической проблемы интеграции качественных и количественных методов в социально-психологических исследованиях. Идея интеграции двух классов методов находит свое отражение еще в системном подходе Б.Ф. Ломова и остается актуальной в контексте тренда на использование в социальных науках «смешанных методов исследования» (mixed methods research). Необходимость интеграции качественных и количественных методов обусловлена спецификой социальной психологии, находящейся на стыке социологии и психологии.

Целью статьи является выявление особенностей интеграции качественного и количественного подходов в социальной психологии на разных уровнях методологии.

Методы. Теоретический анализ отечественных и зарубежных работ и их систематизация по уровням методологии.

Результаты. На уровне общей методологии с позиций постнеклассической рациональности рассмотрены компоненты сциентистского (количественного) и качественного методологических подходов, а также обоснован выбор прагматизма как философского основания «смешанных методов». На уровне частной методологии раскрыты специфические для «смешанных методов» принципы взаимодополняемости и целесообразности интеграции. Совокупность конкретных методических приемов исследования представлена через варианты решения вопроса об объединении качественных и количественных данных на уровне интерпретации и отчета.

Выводы. Выделенная специфика интеграции качественных и количественных методов на разных уровнях методологии намечает направление для ее дальнейшего уточнения и конкретизации, а также позволяет сместить фокус с интуитивного сочетания качественных и количественных методов на рефлексивное и осознанное применение такой исследовательской стратегии.

Ключевые слова: интеграция качественных и количественных методов; смешанные методы исследования; качественные методы; количественные методы; уровни методологии

Для цитирования: Липатов, С.А., Нестерова, Е.М. (2024). Интеграция качественных и количественных подходов как методологическая проблема социальной психологии. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 81–90. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0306>

Integration of Qualitative and Quantitative Approaches as a Methodological Issue in Social Psychology

Sergei A. Lipatov, Ekaterina M. Nesterova ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ nesterovaem@my.msu.ru

Abstract

Background. G.M. Andreeva set an issue in social psychology that still remains relevant today. It concerns the correlation of two series of patterns in the process of socio-psychological research. These patterns are social development and the development of the human psyche. In this regard, new tasks of intrascientific reflection arise, one of which is the analysis of the methodological problem of integrating qualitative and quantitative methods in socio-psychological research. The idea of integrating two classes of methods is reflected in the systemic approach of B.F. Lomov and remains relevant in the context of the trend towards mixed methods research in social sciences. The need to integrate qualitative and quantitative methods is due to the specifics of social psychology, which is located at the junction of sociology and psychology.

Objective. The aim of the article is to identify the features of the integration of qualitative and quantitative approaches in social psychology through the prism of methodological levels.

Methods. Theoretical analysis of Russian and foreign works and their systematization based on the levels of methodology.

Results. At the level of general methodology, from the standpoint of post-non-classical rationality, the components of scientific (quantitative) and qualitative methodological approaches are considered. The choice of pragmatism as the philosophical basis of “mixed methods” is justified. At the level of particular methodology, the principles of complementarity and expediency of integration specific to “mixed methods” are disclosed. The set of specific methodological research techniques is presented through options for combining qualitative and quantitative data in interpretation and report.

Conclusions. The highlighted specificity of the integration of qualitative and quantitative methods at different levels of methodology outlines the direction for its further elaboration and refinement. It also allows to shift the focus from an intuitive combination of qualitative and quantitative methods to the reflective and conscious application of such a research strategy.

Keywords: integration of qualitative and quantitative methods; mixed methods research; qualitative methods; quantitative methods; levels of methodology

For citation: Lipatov, S.A., Nesterova, E.M. (2024). Integration of qualitative and quantitative approaches as a methodological issue in social psychology. *National Psychological Journal*, 19(3), 81–90. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0306>

Введение

С учетом двойственного положения социальной психологии в системе научного знания, внутринаучная методологическая рефлексия занимает особое место в деятельности ученых в этой области. Сложность происхождения и статуса социальной психологии порождают «необходимость руководствоваться в исследовательской практике одновременно методологическими принципами двух различных научных дисциплин: психологии и социологии. Это рождает специфическую задачу для социальной психологии — своеобразного соотнесения, «наложения» друг на друга двух рядов закономерностей: общественного развития и развития психики человека» (Андреева, 2017, с. 49). Решение этой задачи предполагает сочетание методологических подходов социологии и психологии: «объективистские установки в

социологии находят свое отражение прежде всего в количественных методах, в то время как субъектно-ориентированные установки психологии реализуются в качественных методах, позволяющих трактовать социальную реальность с учетом взаимодействия индивидуального и массового (общественного) сознания» (Мельникова, Нестерова, 2023, с. 110).

Необходимость интеграции качественных и количественных методов обусловлена спецификой социальной психологии, которая заключается в изучении «закономерностей поведения и деятельности людей, обусловленных включением их в социальные группы, а также психологических характеристик самих этих групп» (Андреева, 2017, с. 12). Обращаясь к изучению личности как взаимодействующего и общающегося субъекта, Г.М. Андреева указывает на то, что обсуждение проблемы «личность в группе», в противовес традиционной проблеме социальной психологии

«личность и группа», конкретизирует то, как личность включается в различные виды общественных отношений, какова степень реализации ею этих отношений (Андреева, 2017). Из этого тезиса следует, что исследователю необходимо постоянно смещать фокус внимания с индивидуальных феноменов на феномены групповые, общественные таким образом, чтобы их взаимосвязь учитывалась в исследованиях. Сложная фактура, которой обладают объекты социально-психологического исследования, предполагает как объяснение изучаемых феноменов, так и их глубокое понимание, учитывающее их индивидуальные особенности. В этом контексте следует обратиться к сформулированному В. Виндельбандом принципу разделения наук на идеографические (фиксирующие индивидуальное, особенное) и номотетические (законополагающие) (Виндельбанд, 1998). Номотетический, «объясняющий» подход часто соотносят с понятием «количественный», нацеленный на выявление закономерностей и объяснение психического мира, и при этом противопоставляют качественному подходу как вариации идеографического, «понимающего» подхода (Корнилова, Смирнов, 2019). Такая дихотомия может способствовать тому, что при изучении социально-психологических феноменов из фокуса исследователя теряется взаимообусловленность индивидуального и общественного, которая крайне важна для получения достоверных данных об изучаемой реальности. Тем не менее, в последние десятилетия в литературе по методологии социальных наук укрепилось противопоставление качественного и количественного подходов к получению знания (Бусыгина, 2019).

Исторически **разделение качественного/количественного** приобрело методологический смысл во второй половине XX века — в 1960–1970-е гг. Эта дихотомия ознаменовала собой время радикальной критики устоявшихся методологических подходов к познанию социального мира, основанных на стандартизованных опросах и больших выборках. Сегодня это разделение чаще всего осмысливается в качестве конструкта, позволившего на определенном историческом этапе решить задачи методологического самоопределения сторонникам целого ряда новаторских подходов к познанию. Следствием этой дихотомии является разделение исследователей на «количественников» и «качественников», использующих в своих работах соответственно преимущественно количественные или качественные методы. (Толстова, Масленников, 2000). Наряду с достоинствами как качественных, так и количественных методов важно учитывать то, что отдельное использование исключительно одного класса методов может привести к построению не совсем адекватной картины изучаемого явления, к снижению объяснительной способности проводимого исследования, так как каждый из них имеет существенные недостатки. Однако недостатки одного класса методов могут быть компенсированы методами другого класса (Липатов, 2018). В этой связи сегодня в психологии отходят на второй план и

преодолеваются эти традиционные классификации: качественные и количественные методы часто объединяются в «смешанные» (mixed) подходы, а сама качественно-количественная дихотомия считается искусственной и устаревшей (Мельникова, Хорошилов, 2020). Следует отметить, что идея интеграции качественных и количественных методов в одном исследовании не является новой и находит свое отражение в системном подходе Б.Ф. Ломова, задачей которого является понимание закономерных связей между данными, накапливаемыми в разных областях психологической науки при помощи разных подходов и методов (Ломов, 1984). Данное обстоятельство подтверждает актуальность изучения проблемы интеграции качественных и количественных методов в социальной психологии.

В зарубежной науке интеграция качественных и количественных методов в одном исследовании обозначается термином «mixed methods research», который переводится отечественными учеными через метафору «смешивания» (Савинская, Полухина, 2017; Липатов, 2018; Мельникова, Нестерова, 2023). Отсутствие в отечественной психологии устоявшегося и принимаемого большинством ученых термина для обозначения интеграции качественных и количественных методов связано с тем, что в отличие от западной науки в России эта методология привлекла внимание исследователей относительно недавно. Отмечается, что «смешанные методы сейчас находятся на начальном этапе интеграции в арсенал исследовательских методов социальной психологии» (Мельникова, Нестерова, 2023, с. 110). Стоит, однако, подчеркнуть, что в исследовательской практике сочетание качественных и количественных методов применяется довольно давно. Под процессом интеграции мы, вслед за В.Н. Носуленко, понимаем соединение качественных и количественных подходов и измерений для получения более целостного понимания, чем то, что достигается любым из них по отдельности (Носуленко, 2021).

По мнению О.Т. Мельниковой и Д.А. Хорошилова, качественный анализ и интерпретация данных — это необходимые составляющие любого исследования, в связи с чем говорить о чисто «количественных» исследованиях не приходится (Мельникова, Хорошилов, 2020). В литературе встречается предложение о разделении качественных исследований на исследования с преимущественно индуктивной методологией («большое Q») и на включение нечисловых, качественных данных в исследования гипотетико-дедуктивного дизайна («малое q») (Willig, 2013). Дж. Максвелл отмечает, что интеграция качественных и количественных методов в социальных науках произошла гораздо раньше, чем это предполагается (Maxwell, 2016), а М. Смолл указывает на то, что «на протяжении всей истории социальных наук можно найти исследования с использованием смешанных методов» (Small, 2011, p. 60). Тем не менее применение любых методов в научной психологии нельзя

рассматривать изолированно от общей и специальной методологии (Андреева, 2017), в связи с чем можно сделать вывод о том, что сегодня в отечественной психологии интеграция качественных и количественных методов для достижения конкретных исследовательских задач осуществляется во многом интуитивно. Зарубежные исследователи отмечают, что «смешанные методы» выиграли бы от продуманности и формулирования намерений исследователей уже на этапе планирования, так как их специфика открывается на основе теоретических перспектив и позиций исследователя, на основе которых осуществляется интеграция двух методологических подходов (Åkerblad et al., 2021).

Таким образом, перед социальными психологами возникают новые задачи внутринаучной рефлексии — анализ методологической проблемы интеграции качественных и количественных методов в контексте социально-психологических исследований.

Целью работы является выявление особенностей интеграции качественного и количественного подходов в социальной психологии через призму уровней методологии.

Интеграция качественного и количественного подходов на разных уровнях методологии

Общая методология как некоторый общий философский подход формулирует наиболее общие принципы, которые применяются в исследованиях. В качестве общей методологии различные исследователи принимают различные философские системы (Андреева, 2017, с. 48). Методологический подход на уровне общей методологии рассматривается как прин-

ципальная позиция, точка зрения исследователя на объект изучения (Блауберг, Юдин, 1973). Методологический подход обозначает позицию исследователя, составляющую основу общей стратегии исследования. В структуру методологического подхода входят следующие компоненты: (1) онтологический, раскрывающий природу исследуемой реальности; (2) эпистемологический, раскрывающий отношения между исследователем и исследуемой реальностью; (3) методологический, раскрывающий методы и процедуры, при помощи которых исследователь познает исследуемую реальность (Lincoln, Guba, 1985).

В литературе по качественным исследованиям нередко встречается противопоставление качественных и количественных методов, причем противопоставление выстраивается не только вокруг процедурно-технических аспектов методов, но и вокруг онтологических и эпистемологических допущений, подразумеваемых данными типами исследований. В настоящее время «качественный» и «количественный» подходы в социальных науках рассматриваются как своеобразные мыслительные конструкции («идеальные типы»), отражающие онтологические, эпистемологические и методологические ориентации исследователей (Бусыгина, 2019). Важно отметить, что мы действительно можем говорить о качественном методологическом подходе, однако неверным было бы выделять количественный подход в психологии: качественный подход в психологии есть, а вот количественного — нет (Корнилова, Смирнов, 2019). С учетом вышесказанного, мы предлагаем обозначать качественные и количественные подходы как «качественный» и «сциентистский» соответственно. В таблице представлен результат сравнительного анализа данных подходов с точки зрения компонентов их структуры (Таблица 1).

Таблица 1
Структура сциентистского (количественного) и качественного методологических подходов

	Сциентистский подход	Качественный подход
Онтологический компонент	Онтология эмпирического реализма. Объективный мир не зависит от познающего. Природа исследуемого объекта заключается в натуралистически понимаемых психических процессах, состояниях и так далее	Онтология конструкционистского реализма. Природа исследуемого объекта раскрывается в психическом мире, являющимся частью «жизненного мира», а также в мире intersubjectивных значений и смыслов
Эпистемологический компонент	Эпистемология сциентизма. Субъект-объектное отношение исследователя и исследуемого. Интерес исследователя сфокусирован в контроле за объективными процессами и предсказаниями. Метацель заключается в получении обобщенного знания, выделении универсальных закономерностей	Эпистемология интерпретативизма. Исследователь и объект исследования взаимодействуют друг с другом и результаты рождаются в процессе этого взаимодействия. Интерес сфокусирован на понимании и социальном изменении. Метацель заключается в получении локального знания внутри четко очерченного контекста
Методологический компонент	Классическая исследовательская стратегия. Абстрагирование от сложности психической жизни и моделирование фундаментальных процессов. Гипотетико-дедуктивный характер исследования, включающий статистические обобщения, стандартизацию процедур, квантификацию данных и применение методов математической статистики	Качественная исследовательская стратегия. Целостное описание феномена. Индуктивный характер исследования, включающий в себя аналитические обобщения, отсутствие жесткой стандартизации процедур, чувствительность к контексту и зависимость от него, неразделенность этапов исследования и циклический характер анализа

Table 1

Structure of “scientific” (quantitative) and qualitative methodological approaches

	“Scientific” (quantitative) approach	Qualitative approach
Ontological component	<i>The ontology of empirical realism.</i> The objective world does not depend on the knower. The nature of the object under study consists in naturalistically understood mental processes, states, etc.	<i>The ontology of constructivist realism.</i> The nature of the object under study is revealed in the mental world, which is part of the “life world”, as well as in the world of intersubjective meanings and senses
Epistemological component	<i>The epistemology of scientism.</i> The subject — object relationship between the researcher and the subject. The researcher’s interest is focused on the control of objective processes and predictions. The meta goal is to obtain generalized knowledge, highlighting universal patterns	<i>The epistemology of interpretivism.</i> The researcher and the object of research interact with each other and the results are born in the process of this interaction. The interest is focused on understanding and social change. The meta goal is to gain local knowledge within a well-defined context
Methodological component	<i>A classic research strategy.</i> Abstracting from the complexity of mental life and modeling fundamental processes. The hypothetical-deductive nature of the study, including statistical generalizations, standardization of procedures, quantification of data and the application of mathematical statistics methods	<i>A quality research strategy.</i> A holistic description of the phenomenon. The inductive nature of the study, which includes analytical generalizations, the lack of strict standardization of procedures, sensitivity to and dependence on the context, the inseparability of the research stages and the cyclical nature of the analysis

В контексте интеграции качественных и количественных методов целесообразно рассмотреть выделенные структурные компоненты методологических подходов через призму *постнеклассического идеала рациональности* (Степин, 2009). Идея интеграции качественных и количественных методов в одном исследовании находит свое отражение в идеях толерантности, когерентности исследований, в стратегиях солидарности и поддержки, в значимости деталей и полутонов, которые свойственны постнеклассической перспективе, решающей задачи коммуникации подходов, поиска объединяющих горизонтов. Методология здесь выступает в качестве работы перевода между концепциями, демонстрируя то, каким образом одну и ту же реальность раскрывают различные концептуальные языки (Гусельцева, 2014).

Таким образом, на уровне методологических подходов можно предположить, что при интеграции качественных и количественных методов изучаемый психологами объект рассматривается через призму *сциентистского* и *качественного* подходов. Далее, при помощи интеграции качественных и количественных подходов полученные данные «смешиваются» согласно целям исследования, что позволяет приблизиться к более полному пониманию исследуемой реальности.

Одной из первых философских концепций, обосновывающих применение количественных и качественных методов в рамках единого исследования, является учение прагматизма. Некоторые исследователи, сочетающие качественный и количественный методы, обращались к таким философским основаниям, как «трансформативно-эмансипаторная парадигма», критический реализм, постмодернизм и плюрализм как метaparadigma, объединяющая в себе несколько

философских подходов в зависимости от характера применяемых «смешанных методов» (Летов, 2020).

В настоящее время вопросы философских оснований «смешанных методов» являются дискуссионными, в частности вопрос считать ли общим концептуальным полем прагматизм, единый философский подход или сочетание множества философий (Tashakkori, Creswell, 2007). В целом, многие исследователи полагают, что для интеграции качественных и количественных методов наиболее характерен прагматизм как практико- и проблемно-ориентированный, плюралистический подход. Действительно, решение о проведении исследования с помощью «стратегии смешивания методов» зависит от поставленного исследовательского вопроса или проблемы исследования (Савинская, Полухина, 2017). В пользу выделения прагматизма как философского основания интеграции качественных и количественных методов выступает и тот факт, что именно на основе прагматизма выбирается та или иная стратегия интеграции качественных и количественных методов. Этот выбор часто связан со сложностями внутри пространства смешиваемых методов и именно эту сложность выбора, по мнению Д. Моргана, позволяет отразить концепт «прагматического исследования». Автор полагает, что «прагматическое» исследование подчеркивает важность дизайна исследования как связующего звена между более широкими целями в лице начального исследовательского вопроса и конкретными процедурами, представленными методами исследования. Д. Морган отмечает, что существует некоторое концептуальное соглашение об исследовании в терминах как целей, которые необходимо достичь, так и процедур, которые используются для их достижения (Morgan, 2014).

Из всего вышесказанного следует, что однозначно выделить онтологический, эпистемологический и методологический компоненты таким образом, каким это удалось сделать относительно сциентистского и качественного подходов, довольно затруднительно. Мы полагаем, что прагматизм, выделенный многими авторами в качестве философского основания «смешанных методов» исследования, может проявляться в отсутствии приверженности исследователя какой-либо одной философской системе, что позволяет на разных этапах исследования с использованием «смешанных методов» обращаться к онтологии, эпистемологии и методологии сциентистского и качественного подходов. По нашему мнению, объединение разных методологических подходов и философских идей в одном исследовательском проекте позволяет посмотреть на изучаемый феномен с разных (иногда противоположных) точек зрения. Именно это обстоятельство крайне важно в психологических исследованиях, в которых мы имеем дело с субъект-субъектным взаимодействием.

Философские принципы, выделенные в рамках общей методологии, преломляются через принципы *частной (специальной) методологии*, которая представляет собой совокупность принципов, применяемых в данной области знания. Особенностью специальной методологии в контексте «смешанных методов» является то, что помимо принципов, свойственных качественным и количественным методам, существуют также особые принципы, характерные именно для интеграции этих двух групп методов. На основе теоретического анализа работ отечественных и зарубежных авторов (Лаба, 2004; Носуленко, 2021; Hesse-Biber, 2010; Creswell, 2009; Morgan, 2014 и др.), а также с опорой на результаты эмпирических исследований с использованием стратегии «смешанных методов» мы выделили ряд принципов, специфичных для интеграции качественных и количественных методов в социальной психологии.

Принцип взаимодополняемости

Этот принцип отражается в основных стратегиях использования «смешанных методов исследования»: триангуляция и комплементарность.

1. *Триангуляция* методов представляет собой использование нескольких методов для изучения одного исследовательского вопроса. Триангуляция выступает как контроль и уравнивание ограничений качественного и количественного подходов. С целью повышения достоверности результатов исследования производится поиск сходства по данным, собранными разными методами. Таким образом, триангуляция усиливает и обобщает выводы исследования, делая их приемлемыми как для сторонников качественных, так и для сторонников количественных методов (Hesse-Biber, 2010). Результаты исследования становятся более объективными за счет того, что методы «контролируют друг друга» (Лаба, 2004). В.Н. Носуленко представляет страте-

гию триангуляции как определение закономерных отношений между эмпирическими данными, методами исследования и понятиями, принадлежащими к разным научным направлениям. В этом контексте автор выделяет следующие виды триангуляции: триангуляция данных, триангуляция исследователей, теоретическая триангуляция, методическая триангуляция (Носуленко, 2021).

2. *Комплементарность* позволяет исследователю получить более полное представление об изучаемой проблеме, а также уточнить конкретный результат исследования. Это достигается путем использования как количественных, так и качественных данных для понимания социального феномена в полном объеме (Hesse-Biber, 2010). Таким образом, комплементарность как функция смешанных методов представляет собой дополнение преимуществ качественного и количественного подходов, которые воплощаются в единую методологию (Лаба, 2004).

Принцип целесообразности интеграции

При обсуждении стратегий «смешанных методов» мы неизбежно сталкиваемся с вопросом о балансе качественного и количественного подхода. На сегодняшний день существуют две противоположные точки зрения на эту проблему. Дж. Кресвелл полагает, что в исследовании со «смешанными методами» возможно достичь баланса в дизайне, языке и роли двух или более методов и исследователю необходимо к нему стремиться (Creswell, 2009). Другая точка зрения принадлежит Д. Моргану и заключается в том, что дисбаланс неизбежен и естественен в силу профессиональной специализации исследователей. Такой дисбаланс проявляется в доминировании одного из подходов (Morgan, 2014). На практике вопрос баланса качественных и количественных методов решается исходя из целей исследования. Прагматизм и постнеклассика, принятые нами в качестве философских оснований «смешанных методов», обеспечивают сосуществование на уровне специальной методологии этих противоположных точек зрения, что находит свое отражение в конкретных исследовательских дизайнах, сочетающих в себе обе позиции по данному вопросу.

На сегодняшний день зарубежными исследователями предложено большое количество версий классификации дизайнов интеграции качественных и количественных методов в одном исследовательском проекте (Caracelli, Greene, 1997; Tashakkori, Teddlie, 1998; Morse, Niehaus, 2009; Morgan, 2014; Creswell, PlanoClark, 2018; Maggetti, 2018). Рассматривая специальную методологию как реализацию философских принципов применительно к специфическому объекту исследования необходимо учитывать то, что в социальной психологии в связи с ее двойственным происхождением специальная методология формируется при условии адаптации методологических принципов как психологии, так и социологии (Андреева, 2017). Особый статус социальной психологии как науки порождает необходимость поиска новых

методологических решений исследовательских задач, одна из которых заключается в разработке оптимальной модели дизайнов смешанных методов для социально-психологических исследований. В результате сравнительного анализа типов дизайнов «смешанных методов», предложенных зарубежными учеными в области общественных наук (Д. Морган, М. Магетти, Дж. У. Кресвелл и В. Плано Кларк) разработана модель дизайнов «смешанных методов» специально для социально-психологических исследований (Мельникова, Нестерова, 2023). Оптимальность данной модели заключается в том, что она позволяет руководствоваться одновременно объективистскими и субъективистскими установками, сочетая их в зависимости от целей и задач исследования. В модель включены пять типов дизайнов (конструирующий, обобщающий, поисковый, качественно-ориентированный объяснительный, количественно-ориентированный объяснительный), различающиеся по последовательности использования и приоритетности методов, а также по решаемым исследовательским задачам. Важно отметить, что дизайн интеграции качественных и количественных методов не является строгим алгоритмом к действию, а лишь намечает путь планирования сочетания качественных и количественных данных в зависимости от поставленной цели исследования.

Выделенные принципы определяют условия и пути интеграции качественных и количественных методов в социально-психологических исследованиях: благодаря взаимообусловленности качественных и количественных методов создаются условия для выбора дизайна исследования, который определяет конкретный путь «смешивания» двух классов методов.

Анализируя особенности интеграции качественных и количественных методов на уровне методологии как **совокупности конкретных методических приемов исследования**, возникает вопрос об объединении качественных и количественных данных на уровне интерпретации и отчета. К настоящему времени в литературе описан ряд вариантов того, каким образом на техническом уровне возможно интерпретировать и представлять полученные «смешанными методами» результаты. Например, Л.Я. Лаба предлагает следующие варианты интеграции полученных качественных и количественных результатов исследования: конвергенция методов относительно объекта изучения и возможность взаимной оценки эффективности методов; комплиментарность как взаимодополняемость качественных и количественных методов; противоречия между качественными и количественными результатами исследования. Противоречие может быть вызвано наличием методических ошибок проведения качественного или количественного этапа исследования, а также недостаточным теоретическим обоснованием (Лаба, 2004). Обсуждая собственно техники объединения качественных и количественных данных

Э. Мозхолм и М.Д. Феттерс (Moseholm, Fetters, 2017), раскрывают следующие способы сочетания двух типов данных:

- сравнение качественных и количественных результатов после их отдельного сбора и анализа;
- поэтапный анализ посредством связывания количественных шкал и качественных данных;
- анализ, основанный на результатах, полученных в ходе анализа данных одного типа, который приводит к поиску соответствующей информации в данных другого типа;
- сопоставление друг с другом качественных и количественных результатов, на основе которого делается вывод из обоих источников данных;
- преобразование данных одного типа в данные другого типа;
- корреляция данных (например, преобразование качественных данных в «переменные» и корреляция с количественными данными с помощью точечной корреляции и перекрестных таблиц);
- объединение качественных и количественных данных для формирования новых консолидированных кодов, переменных или наборов данных;
- использование ГИС-картографии для объединения пространственной информации с местными количественными или качественными данными для анализа.

Дж. В. Кресвелл и Дж. Д. Кресвелл указывают на то, что при планировании использования «смешанных методов» исследователю необходимо ответить на вопросы о базовом определении «смешанных методов», об обособности использования как качественных, так и количественных данных, об отражении в тексте потенциала использования «смешанных методов», о критериях выбора схемы «смешивания», о выборе и идентификации дизайна «смешанных методов». При представлении результатов необходимо также представить визуальную модель стратегии исследования, описать процедуры сбора и анализа данных, а также стратегии подбора респондентов в выборки для сбора количественных и качественных данных, указать процедуры валидации для количественных и качественных методов, а также раскрыть описательную структуру окончательного исследования (Creswell, Creswell, 2018).

Следует отметить, что вышеперечисленные теоретические положения, касающиеся уровня конкретных методических приемов, намечают направления для их эмпирической реализации в социально-психологических исследованиях. Апробация конкретных технических приемов «смешивания методов» позволит выработать конкретные методические рекомендации для интеграции качественных и количественных методов в социально-психологических исследованиях.

Выводы

Итак, в результате проведенного теоретического анализа выявлены особенности интеграции качественного и количественного подходов в социальной психологии на разных уровнях методологии:

1. Специфика общей методологии применительно к интеграции качественных и количественных методов заключается во взгляде на структуру качественного и сциентистского (количественного) подходов с позиции постнеклассического идеала рациональности. На основе данного положения в качестве философского основания «смешанных методов» выделен прагматизм.

2. Частная методология характеризуется принципами взаимодополняемости и целесообразности интеграции. Принцип взаимодополняемости раскрывает две основные стратегии использования «смешанных методов»: триангуляцию и комплементарность, а

принцип целесообразности интеграции — то, каким образом вопросы о балансе качественного и количественного методов в «смешанных» проектах реализуются в конкретных дизайнах интеграции.

3. На уровне совокупности конкретных методических приемов обозначены варианты решения вопроса об объединении качественных и количественных данных при интерпретации результатов и представлении отчета.

Выделенная специфика интеграции качественных и количественных методов на разных уровнях методологии намечает направление для ее дальнейшего уточнения и конкретизации. Мы полагаем, что результаты нашего исследования систематизируют варианты интеграции качественных и количественных методов, что позволяет в процессе использования стратегии «смешанных методов» сместить фокус с интуиции на рефлексивность и осознанность ее применения.

Список литературы

- Андреева, Г.М. (2017). Социальная психология. Москва: Изд-во «АспектПресс».
- Блауберг, И.В., Юдин, Э.Г. (1973). Становление и сущность системного подхода. Москва: Изд-во «Наука».
- Бусыгина, Н.П. (2019). Качественные и количественные методы исследований в психологии: учебник для бакалавриата и магистратуры. Москва: Изд-во «Юрайт».
- Виндельбанд, В. (1998). История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. Москва: Изд-во «Кучково поле».
- Гусельцева, М.С. (2014). Смешанные методы в свете идеала постнеклассической рациональности. *Психологические исследования*, 7(36). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.608>
- Корнилова, Т.В., Смирнов, С.Д. (2019). Методологические основы психологии. Москва: Изд-во «Юрайт».
- Лаба, Л.Я. (2004). Интеграция качественных и количественных методов при изучении гендерных стратегий занятости: Автореф. дисс. канд. соц. наук. Москва.
- Лаба, Л.Я. (2004). Способы интеграции качественных и количественных методов *Социологические исследования*, (2), 124–129.
- Летов, О.В. (2020). Некоторые проблемы современной методологии науки (обзор). *Философия науки и техники*, 25(1), 46–51.
- Липатов, С.А. (2018). Использование различных стратегий смешанных методов в диагностике организационной культуры. *Социальная психология и общество*, (3), 62–70.
- Мельникова, О.Т., Нестерова, Е.М. (2023). Сравнительный анализ дизайнов смешанных методов в контексте социально-психологических исследований. *Теоретическая и экспериментальная психология*, 16(2), 107–126.
- Мельникова, О.Т., Хорошилов, Д.А. (2020). Методологические проблемы качественных исследований в психологии. Москва: Изд-во «Акрополь».
- Мельникова, О.Т., Хорошилов, Д.А. (2015). Стратегии валидации качественных исследований в психологии. *Психологические исследования*, 8(44). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i44.504>
- Носуленко, В.Н. (2021). Вопросы интеграции качественных и количественных методов в психологическом исследовании. *Экспериментальная психология*, 14(3), 4–16.
- Савинская, О.Б., Полухина, Е.В. (2017). Стратегии смешивания методов (mixed methods research) в социальных исследованиях: исследовательские дизайны и опыт их применения. Москва: Изд-во Высшей школы экономики.
- Степин, В.С. (2009). Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. Постнеклассика: философия, наука, культура. Санкт-Петербург: Изд-во «Мир».
- Толстова, Ю.Н., Масленников, Е.В. (2000). Качественная и количественная стратегии: эмпирическое исследование как измерение в широком смысле. *Социологические исследования*, (10), 101–109.
- Åkerblad, L., Seppänen-Järvelä, R., Naapakoski, K. (2020). Integrative Strategies in Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*, 15(2), 152–170.
- Caracelli, V.J., Greene, J.C. (1997). Crafting mixed-method evaluation designs. In: J.C. Greene, V.J. Caracelli, (eds.). *Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating diverse paradigms*. (pp. 19–32). San Francisco: Jossey-Bass Publ.
- Creswell, J.W. (2009). *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approach* (3rd ed.). Thousand Oaks: Sage Publ.
- Creswell, J.W., Creswell, J.D. (2018). *Research design* (5th ed.). Thousand Oaks: Sage Publ.
- Hesse-Biber, S.N. (2010). *Mixed methods research: Merging theory with practice*. New York: The Guilford Press.
- Lincoln, Y.S., Guba, E.G. (1985). *Naturalistic Inquiry*. (pp. 393–408). Beverly Hills: Sage Publ.

- Maggetti, M. (2018). Mixed-Methods Designs. In: C. Wagemann, A. Goerres, M.B. Siewert, (eds.). *Handbuch Methoden der Politikwissenschaft*. (pp. 193–210). Wiesbaden: Springer VS Publ.
- Maxwell, J.A. (2016). Expanding the History and Range of Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*, (10), 12–27.
- Morgan, D.L. (2014). *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks: Sage Publ.
- Morse, J.M., Niehaus, L. (2009). *Mixed method design: Principles and procedures*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Moseholm, E., Fetters, M. (2017). Conceptual Models to Guide Integration During Analysis in Convergent Mixed Methods Studies. *Methodological Innovations*, (10), 1–10.
- Small, M.L. (2011). How to Conduct a Mixed Methods Study: Recent Trends in a Rapidly Growing Literature. *Annual Review of Sociology*, 37(1), 57–86.
- Tashakkori, A., Creswell, J.W. (2007). The New Era of Mixed Methods. *Journal of Mixed Methods Research*, (1), 3–7.
- Tashakkori, A., Teddlie, C. (1998). *Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches*. Thousand Oaks: Sage Publ.
- Willig, C. (2013). *Introducing qualitative research in psychology: adventures in theory and method*. Maidenhead: Open University Press.

References

- Åkerblad, L., Seppänen-Järvelä, R., Haapakoski, K. (2020). Integrative Strategies in Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*, 15(2), 152–170.
- Andreeva, G.M. (2017). *Social psychology*. Moscow: AspectPress. (In Russ.)
- Blauberg, I.V., Yudin, E.G. (1973). *The formation and essence of the systemic approach*. Moscow: Nauka Publ. (In Russ.)
- Busygina, N.P. (2019). *Qualitative and quantitative research methods in psychology*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Caracelli, V.J., Greene, J.C. (1997). Crafting mixed-method evaluation designs. In: J.C. Greene, V.J. Caracelli, (eds.). *Advances in mixed-method evaluation: The challenges and benefits of integrating diverse paradigms*. (pp. 19–32). San Francisco: Jossey-Bass Publ.
- Creswell, J.W. (2009). *Research design: Qualitative, quantitative, and mixed methods approach* (3rd ed.). Thousand Oaks: Sage Publ.
- Creswell, J.W., Creswell, J.D. (2018). *Research design* (5th ed.). SAGE Publ.
- Guseltseva, M.S. (2014). Mixed methods in the light of the ideal of post-nonclassical rationality. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Research*, 7(36). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v7i36.608>
- Hesse-Biber, S.N. (2010). *Mixed methods research: Merging theory with practice*. New York: The Guilford Press.
- Kornilova, T.V., Smirnov, S.D. (2019). *Methodological foundations of psychology*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Laba, L.Ya. (2004). Ways to integrate qualitative and quantitative methods. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*, (2), 124–129. (In Russ.)
- Letov, O.V. (2020). Some Problems of Modern Methodology of Science (Review). *Filosofiya nauki i Tekhniki = Philosophy of Science and Technology*, 25(1), 46–51. (In Russ.)
- Lincoln, Y.S., Guba, E.G. (1985). *Naturalistic Inquiry*. (pp. 393–408). Beverly Hills: Sage Publ.
- Lipatov, S.A. (2018). The Use of Various Strategies of Mixed Methods in The Diagnosis of Organizational Culture. *Sotsial'naya Psikhologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, (3), 62–70. (In Russ.)
- Maggetti, M. (2018). Mixed-Methods Designs. In C. Wagemann, A. Goerres, M.B. Siewert, (eds.). *Handbuch Methoden der Politikwissenschaft*. (pp. 193–210). Wiesbaden: Springer VS Publ.
- Maxwell, J.A. (2016). Expanding the History and Range of Mixed Methods Research. *Journal of Mixed Methods Research*, (10), 12–27.
- Melnikova, O.T., Khoroshilov, D.A. (2015). Strategies for Validating Qualitative Research in Psychology. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Research*, 8(44). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i44.504>
- Melnikova, O.T., Khoroshilov, D.A. (2020). *Methodological problems of qualitative research in psychology*. Moscow: Acropol' Publ. (In Russ.)
- Melnikova, O.T., Nesterova, E.M. (2023). Comparative Analysis of Mixed-Method Designs in The Context of Socio-Psychological Research. *Teoreticheskaya i Eksperimental'naya Psikhologiya = Theoretical and Experimental Psychology*, 16(2), 107–126. (In Russ.)
- Morgan, D.L. (2014). *Integrating Qualitative and Quantitative Methods: A Pragmatic Approach*. Thousand Oaks: Sage Publ.
- Morse, J.M., Niehaus, L. (2009). *Mixed method design: Principles and procedures*. Walnut Creek: Left Coast Press.
- Moseholm, E., Fetters, M. (2017). Conceptual Models to Guide Integration During Analysis in Convergent Mixed Methods Studies. *Methodological Innovations*, (10), 1–10.
- Nosulenko, V.N. (2021). Issues of Integration of Qualitative and Quantitative Methods in Psychological Research. *Eksperimental'naya Psikhologiya = Experimental Psychology*, 14(3), 4–16. (In Russ.)
- Savinskaya, O.B., Polukhina, E.V. (2017). *Strategies for Mixing Methods (Mixed Methods Research) in Social Research: Research Designs and The Experience of Their Application*. Moscow: Higher School of Economics Publ. (In Russ.)
- Small, M.L. (2011). How to conduct a mixed methods study: Recent trends in a rapidly growing literature. *Annual Review of Sociology*, 37(1), 57–86.
- Stepin, V.S. (2009). *Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction. Postnonclassics: philosophy, science, culture*. St. Petersburg: Mir Publ. (In Russ.)
- Tashakkori, A., Creswell, J.W. (2007). The New Era of Mixed Methods. *Journal of Mixed Methods Research*, (1), 3–7.
- Tashakkori, A., Teddlie, C. (1998). *Mixed methodology: Combining qualitative and quantitative approaches*. Thousand Oaks: Sage Publ.
- Tolstova, Yu.N., Maslennikov, E.V. (2000). *Qualitative and Quantitative Strategies: Empirical Research as a Measurement in a Broad Sense*. *Sotsiologicheskie Issledovaniya = Sociological Research*, (10), 101–109. (In Russ.)
- Willig, C. (2013). *Introducing qualitative research in psychology: adventures in theory and method*. Maidenhead: Open University Press.
- Windelband, V. (1998). *The history of new philosophy in its connection with general culture and individual sciences*. Moscow: Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Сергей Алексеевич Липатов, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, s_lipatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1985-2161>

Sergei A. Lipatov, Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, s_lipatov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1985-2161>



Екатерина Михайловна Нестерова, аспирантка кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, nesterovaem@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1215-0949>

Ekaterina M. Nesterova, Postgraduate Student, the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, nesterovaem@my.msu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1215-0949>

Поступила: 16.05.2024; получена после доработки: 01.07.2024; принята в печать: 16.08.2024.

Received: 16.05.2024; revised: 01.07.2024; accepted: 16.08.2024.

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ / METHODOLOGY AND RESEARCH METHODS IN PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0307>
УДК/UDC 159.98; 159.99

Психологическое консультирование и коучинг как виды социально-психологической помощи

Ю.К. Зубова ✉, М.А. Иванов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ yulia.zubova.msu@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В последние десятилетия в стране бурно развивается практическая психология. На рынке предлагают самые разнообразные психологические услуги, при этом особенно актуальной становится проблема психологической безопасности, различения научно обоснованных практик от пагубного влияния. Данная статья посвящена научному обоснованию консультирования и коучинга как видов социально-психологической помощи.

Цель. Проанализировать и соотнести теоретические основы и практику психологического консультирования и коучинга. Изучить истоки этих направлений практики и выявить предмет, цели и особенности технологий социально-психологического консультирования и социально-психологического коучинга.

Результаты. Социально-психологическое консультирование и коучинг определяются как профессиональная деятельность, направленная на помощь клиенту в решении его личностных, межличностных, групповых и организационных проблем с опорой на его личностные и социальные ресурсы. Целью социально-психологического консультирования является повышение эффективности взаимодействия клиента с собой, со своим окружением и организациями. Целью социально-психологического коучинга является создание эффективных способов разрешения субъективно значимых ситуаций социального взаимодействия, которые ведут к позитивным изменениям в жизни клиента и в нем самом. Социально-психологическое консультирование и коучинг позволяют помочь клиенту за счет развития его социально-психологической компетентности.

Выводы. Социально-психологическое консультирование и социально-психологический коучинг имеют свой предмет, теоретическую и методологическую базу и представляют собой виды психологической практики. Развиваясь и заимствуя методы и сферы применения друг у друга, консультирование и коучинг все более сближаются, иногда до полного размывания различий. На рынке психологических услуг консультирование и коучинг существуют как отдельные профессии и для клиентов выступают как разные услуги.

Ключевые слова: практическая социальная психология, консультирование, коучинг, психологическое консультирование, социально-психологическое консультирование, социально-психологический коучинг

Для цитирования: Зубова, Ю.К., Иванов, М.А. (2024). Психологическое консультирование и коучинг как виды социально-психологической помощи. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 91–103. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0307>

Psychological Counseling and Coaching as Types of Socio-Psychological Assistance

Yuliya K. Zubova ✉, Mikhail A. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ yulia.zubova.msu@yandex.ru

Abstract

Background. In recent decades, practical psychology has been rapidly developing in the country. The market offers a wide variety of psychological services, while the problem of psychological security, distinguishing scientifically based practices from harmful influences, becomes especially relevant. This article is devoted to the scientific justification of counseling and coaching as types of socio-psychological assistance.

Objective. The goal is to analyze and correlate the theoretical foundations and practice of psychological counseling and coaching. The article is aimed at studying the origins of these areas of practice and identifying the subject matter, goals and features of technologies of socio-psychological counseling and socio-psychological coaching.

Results. Socio-psychological counseling and coaching are defined as professional activities aimed at helping a client solve his personal, interpersonal, group and organizational problems based on personal and social resources. The purpose of socio-psychological counseling is to increase the effectiveness of the client's interaction with oneself, with the environment and organizations. The purpose of socio-psychological coaching is to create effective ways to resolve subjectively significant situations of social interaction that lead to positive changes in the client's life and personality. Socio-psychological counseling and coaching allow one to help the client by developing socio-psychological competence.

Conclusions. Socio-psychological counseling and socio-psychological coaching have their own subject, theoretical and methodological basis and represent types of psychological practice. Developing and borrowing methods and fields of application from each other, consulting and coaching are increasingly converging, sometimes to the point of blurring the differences completely. In the market of psychological services, counseling and coaching exist as separate professions and act as different services for clients.

Keywords: practical social psychology, counseling, coaching, psychological counseling, socio-psychological counseling, socio-psychological coaching

For citation: Zubova, Yu.K., Ivanov, M.A. (2024). Psychological counseling and coaching as types of socio-psychological assistance. *National Psychological Journal*, 19(3), 91–103. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0307>

Введение

В 2000-е годы появилось много публикаций, посвященных практической психологии (Жуков, 2015; Журавлев, Ушаков, 2012; Мазиллов, 2015; Юревич, 2012). И, если ранее акцент делался на анализе ее специфики, отличий практической психологии от академической, то авторы последних публикаций обращают внимание на то, что, хотя сама по себе практическая психология не наука: имеет другие цели, пользуется иной методологией — она, ее изучение открывает новые перспективы и возможности для развития академической психологии (Кузовкин, 2012). Появляются новые направления исследований: консультативная психология и психология коучинга (Архангельская, 2010; Антонова, Наумцева, 2022). Работающие в этих направлениях психологи пытаются с помощью научной методологии изучать практику. Нам кажется, что приход научного подхода на смену саморефлексии практиков, господствовавшей в осмыслении психологической практики, открывает новые перспективы

и для науки, и для практики. Данная статья является продолжением традиции социально-психологического анализа практической психологии, заложенной в работах Г.М. Андреевой, Л.А. Петровской и Ю.М. Жукова (Андреева, 2024; Петровская, 2007; Жуков, 2015).

Дисциплинарна ли психологическая практика?

Психологическая практика по определению направлена на решение практических задач, которые ставит ей современное общество. Сегодня таких задач становится все больше. Современное общество крайне психологизировано. Всюду, где присутствует человек, во всех сферах общественной жизни: от управления и образования до медицины, законотворчества и судебной практики — присутствует психологический аспект, возникают психологические проблемы и задачи. Общество через массмедиа обращается к психологам, требуя профессиональной экспертизы и практического вмешательства. Но для решения задач, связанных с различными видами деятельности,

необходимо понимание содержания этой деятельности, что требует знаний и специальной подготовки. То есть современный психолог-практик призван решать не просто междисциплинарные проблемы, но полидисциплинарные. Обладать достаточными знаниями не только в социальной, клинической, возрастной, индустриальной и т.п. психологиях, но и в медицине, управлении, экономике, политике, юриспруденции. Реально ли это? Целесообразно ли это?

Возникает вопрос о новой специализации психологов-практиков, отличающейся от традиционной по школам и направлениям психотерапии, в рамках которых проводится обучение.

Нам кажется, что одним из возможных критериев выделения таких новых специализаций могли бы быть тип решаемых психологом-практиком проблем и вид деятельности, общественной практики, в рамках которой и работает психолог.

Направления социально-психологической практики

Ю.М. Жуков выделял три направления и три группы методов практической социальной психологии: экспертизу, тренинг и консультирование (Жуков, 2004). Экспертиза предполагает диагностику, в тренинге используются методы активного обучения, а в консультировании используются как собственно консультативные методы, так и методы экспертизы и тренинга. То есть консультирование является направлением, интегрирующим все направления и методы практической социальной психологии. Данная статья посвящена анализу и осмыслению консультирования и коучинга, который некоторые авторы рассматривают как один из методов или форм консультирования, или направление внутри консультирования, а другие считают самостоятельным направлением практики (Антонова, 2024).

Консультирование как направление практики развивается не только социальными психологами. Существуют клиническое консультирование, психолого-педагогическое консультирование и т.п. Можно говорить о том, что каждое направление академической психологии, в настоящее время представленное в практике консультирования, имеет собственную методологию и историю. В настоящей статье мы попытаемся выделить и сформулировать специфику именно социально-психологического консультирования и коучинга.

История психологического консультирования

Изучая историю психологического консультирования, авторы используют разные подходы и приходят к разным выводам об истоках данного направления практики (Глэддинг, 2002; Mcleod, 2013; Erford, 2014; Бохан и др., 2017). Некоторые исследователи

находят истоки консультирования в античности, другие, наоборот, рассматривают консультирование как новое направление и подчеркивают, что впервые термин психологическое консультирование (counseling) появляется в работе К. Роджерса (Роджерс, 2016). Американские авторы рассматривают в качестве источников консультирования психотерапию и психолого-педагогическую практику (Guidence), которая бурно развивалась в США, начиная с 20-х годов XX века (Mcleod, 2013; Erford, 2014). Существенно при этом, что первая профессиональная ассоциация психологических консультантов возникает в США лишь в 50-е годы.

Рассматривая психологическое консультирование, многие авторы обращают внимание на отличие этого направления от психотерапии (Кочюнас, 2022). При этом в качестве таких различий подчеркивают, что консультирование ориентировано на клинически здоровых людей, кратковременно (10–15 сессий), показано при запросе на решение конкретных проблем, предполагает внимание не к прошлому, а к настоящему и будущему клиентов (Кочюнас, 2022).

Ученые подчеркивают, что консультирование опирается на теории личности (Кочюнас, 2022), и, таким образом, практик должен иметь психологическое образование, а одним из критериев различения видов консультирования является именно теоретическая ориентация консультанта (Кочюнас, 2022).

Как всегда, трудности вызывает определение психологического консультирования: их в литературе можно встретить несколько десятков. При этом в одних определениях подчеркивается использование при консультировании специфических методов и процедур (American Psychological Association, 1990), в других особые отношения, возникающие между консультантом и клиентом (Burks, Steffire, 1979). Но общим для всех из определений является понимание, что консультирование является помогающей профессией, направленной на решение личностных, межличностных, семейных и связанных с карьерой проблем клиента или группы клиентов.

История коучинга

История становления коучинга как метода помогающей практики видится исследователями многомерно. К источникам коучинга причисляются многие области знания, такие как философия, лингвистика, социология, психология (в том числе спортивная, организационная, социальная, клиническая), а также движение за развитие человеческого потенциала, отдельные модели лидерства, техники фасилитации, методы работы спортивных тренеров и т.д. (Brock, 2012). Значимыми для становления профессионального коучинга явились работы Т. Голви в области спортивной психологии (Gallwey, 1997), идеи которых были адаптированы к организационному контексту его учениками Дж. Уитмором, Т. Леонардом

и другими (Уитмор, 2022; Leonard, 1998). В 1995 г. Т. Леонард организовал первую международную коучинговую ассоциацию (International Coaching Federation). В 2000-х гг. появилось новое направление в психологии — психология коучинга (Coaching Psychology), определяемая как отрасль академической и прикладной психологии, которая фокусируется на повышении производительности, стимуляции развития и благополучия людей (Grant, Palmer, 2013). В качестве теоретических основ психологии коучинга выступают гуманистическая психология А. Маслоу (Маслоу, 2019) и К. Роджерса (Роджерс, 2016), позитивная психология М. Селигмана (Селигман, 2006), а также когнитивно-бихевиоральный подход А. Бека (Бек, Фримен, 2002) и А. Эллиса (Эллис, 1999). С начала XXI века количество исследований в области психологии коучинга значительно возросло; наиболее часто работы посвящены общему изучению коучинговых вмешательств, испытанию отдельных моделей коучинга, а также выделению значимых факторов построения конструктивных коучинговых отношений (Lai, Palmer, 2019).

Современными авторами предлагаются десятки различных определений коучинга, различающиеся между собой акцентами. Коучинг видится исследователям как процесс партнерства между коучем и коучи, как искусство способствовать изменениям клиента, как технология и философия помогающей деятельности, как системное сопровождение клиента в процессе достижения им своих целей, как организация деятельности клиента по изучению и мобилизации его ресурсов, а также как совокупность компетенций коуча, способствующих изменениям (Ковпак, Ёжиков, 2021).

Существующие сегодня школы коучинга соотносятся с направлениями психотерапевтической работы и опираются на разные модели личности. Так, выделяют психодинамический и нарративный коучинг, гештальт-коучинг, сфокусированный на решении и когнитивно-бихевиоральный коучинг, и т.д. (Vachkirova, Clutterbuck, Cox, 2023). При этом коучинговая практика отличается от психотерапевтической длительностью взаимодействия (6–10 сессий), а также режимом работы помогающего специалиста, направленном не на коррекцию дисфункции, а на позитивные изменения (Ковпак, Ёжиков, 2021).

Таким образом, коучинг является молодой практикой, все еще переживающей период «профессионального младенчества» (Улановский, 2012, стр. 60). В настоящее время отсутствует общепринятое определение коучинга, а средства воздействия носят эклектичный характер, будучи заимствованными из различных направлений психотерапии и других областей практической работы (Улановский, 2012). Дальнейшее его развитие невозможно без методологического осмысления и научного обоснования. Этот тезис находит отражение в развитии научно-обоснованного (evidence-based) подхода к практике коучинга (Антонова, Наумцева, 2022), опирающегося на

доказательный подход в медицине Д. Сакетта (Sackett 1997; Straus et al., 2018). Подход предполагает интеграцию научных доказательств с профессиональным опытом коуча и уникальными особенностями личности и обстоятельствами клиента (Stober et al., 2006; Steglitz et al., 2015; Lai, Palmer, 2019), что позволяет наилучшим образом содействовать достижению его целей.

Истоки социально-психологического консультирования

Обращаясь к истории социально-психологического консультирования, следует обратить внимание на то, что, если в русском языке мы используем традиционно один термин «консультирование», то в английском применяются два: *counseling* и *consulting*. Собственно, именно термин *counseling* переводится как психологическое консультирование, а для термина *consulting* русского аналога найдено не было, поэтому в литературе его просто переводят как консалтинг. Консалтинг в качестве направления возникает уже в конце XIX века (Лапыгин, 2004; Соснина, 2013), а термин «консультант» еще раньше: в конце XVIII — начале XIX века так называли инженеров во Франции, работавших на государственных предприятиях, но оказывавших услуги, помощь частным предпринимателям. То есть консалтинг — это консультирование руководителей организаций по самым разным вопросам, связанным с эффективностью их деятельности. Современный консалтинг включает такие направления практики, как: HR-консультирование, организационное развитие, стратегическое управление и т.п. Социально-психологическое консультирование предполагает работу как в сфере собственно психологического консультирования, так и в области консалтинга. Психологическое консультирование и консалтинг имеют разную историю и развивались долгое время независимо, но известный социальный психолог Э. Шейн первым обратил и подчеркнул единство и взаимосвязь этих двух направлений практики (Шейн, 2008). Основоположниками такого консультирования могут быть названы К. Роджерс (Роджерс, 2016), К. Левин (Левин, 2023), У. Бийон (Гринберг и др., 2007), с одной стороны, и Ф. Тейлор (Тейлор, 1991) и А. Файоль (Файоль, 2024), с другой.

Истоки социально-психологического коучинга

Момент возникновения социально-психологического коучинга можно соотнести с уже упомянутой адаптацией Дж. Уитмором идей Т. Голви к организационному контексту. Дж. Уитмор развивал направление коучинг-менеджмента: коучинг был представлен как способ управления, основанный на сотрудничестве с подчиненным в процессе достижения общей цели (Уитмор, 2022; Антонова, 2024). В начале

1980-х гг. Уитмор с партнерами создал консалтинговое агентство, специализирующееся на коучинге в организациях. С этого момента коучинговая практика нашла широкое применение для решения задач бизнеса и повышения его эффективности.

Коучинг, вопреки распространенному мнению, предполагает работу не только с постановкой целей и достижением результата. Обращаясь к объектам внимания коуча, авторы выделяют следующие: личность (психика и смыслы), научение (знания и навыки), эффективность (результаты и цели) (Bates, 2002; Bates, Chen, 2004; Bachkirova, Cox, 2004; Brockbank, McGill, 2012; Bachkirova, Baker, 2018).

На наш взгляд, заявленный список может быть дополнен областью взаимоотношений личности и социальной среды. Необходимость учета социального контекста обусловлена тем фактом, что любое действие человека совершается в обществе, часто при взаимодействии с другими. Социальный контекст выделяется как отдельная сфера внимания в некоторых моделях коучинговых сессий (Edgerton, Palmer, 2022). И несмотря на то, что непосредственно вопросы взаимоотношений становятся основным запросом в коучинге реже, чем в психологическом консультировании, эта тема всегда проявляется в процессе обсуждения достижения цели (Антонова и др., 2023) и требует особого подхода специалиста. Вопросы, рассматриваемые в формате коучингового взаимодействия, неизменно включают в себя сферу межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений. Коучинг, направленный на изменение отношений с социальной средой, находит свое применение как при персональной работе с клиентами, так и в организационном формате.

Предмет и цели социально-психологического консультирования

Одной из важнейших проблем психотерапии и психологического консультирования является влияние окружения, социума на клиента. Изменение клиента сталкивается с противодействием его окружения, стремящегося сохранить сложившийся статус-кво. Этот эффект описывается, например, в работах по системной семейной психотерапии (Варга, 2001). Но в семейной системной терапии делается попытка решить эту проблему за счет работы с окружением, с семьей, с целью его изменения. При индивидуальном консультировании такая возможность отсутствует. При этом клиент находится во взаимодействии со многими значимыми для него людьми, группами и организациями. Его личностные изменения приводят к изменениям этих отношений, а это может и часто сопровождается сопротивлением социальной среды, конфликтами, усилением группового давления. Во всех этих случаях центральной задачей психолога становится помощь в социализации, в поиске решений социальных задач клиента. Именно в

решении конкретных социальных задач Г.М. Андреева, основатель московской школы социальной психологии, видела главную цель социальной психологии как науки (Андреева, 2024). Эта же цель оказывается главной для социально-психологического консультирования. Полем работы социально-психологического консультанта всегда оказывается взаимодействие. То есть работа ведется не с изолированной личностью в кабинете психолога, а с человеком, включенным или стремящимся включиться во взаимодействие с другими людьми, группами, организациями, обществом, и желающим занять некое место в этом взаимодействии, позволяющем реализовать его потребности, цели, его миссию.

Таким образом, социальный психолог в консультировании постоянно реализует системный подход, работая даже с индивидуальным клиентом, диагностирует его в контексте его отношений с собой, с другими, с социумом, в котором он живет. Такой системный анализ ситуации клиента неминуемо приводит к необходимости рассмотрения содержания деятельности клиента, совместных деятельности, в которых он участвует или желает вступить. На индивидуальном уровне такой подход приводит к необходимости диагностировать и обсуждать не только принятую в социальной психологии «Я»-концепцию клиента (Бернс, 1986; Белинская, 2018), но и образ мира клиента (Серкин, 2006), и социальные установки (Андреева, 2024), и выбираемые им стратегии копинга (Белинская, 2023), и в целом стратегии его поведения (Базаров, Шевченко, 2010).

При таком подходе консультирование определяется как профессиональная деятельность, направленная на помощь клиенту в решении его личностных, межличностных, групповых и организационных проблем с опорой на его личностные и социальные ресурсы. Или, коротко говоря, социально-психологическое консультирование позволяет помочь клиенту за счет развития его социально-психологической компетентности.

Предмет и цели социально-психологического коучинга

Одной из областей применения коучинговых интервенций является сфера изменения взаимоотношений личности и социальной среды. Для решения этих задач может быть выделен особый вид коучинга — социально-психологический коучинг.

Социально-психологический коучинг можно рассматривать как совместную целенаправленную рефлексию коуча и клиента, результатом которой является изменение субъективного благополучия клиента во взаимоотношениях с социальной средой.

В процессе такого коучинга проводится совместное исследование ситуаций социального взаимодействия, происходит осознание и изменение социальных установок в сфере межличностного общения,

разрабатываются и тестируются новые способы овладения собственным поведением и поддерживается внутренняя мотивация к ним, что в совокупности приводит к профессиональному и личностному развитию клиента. Целью социально-психологического коучинга можно назвать создание эффективных способов разрешения субъективно значимых ситуаций социального взаимодействия, которые ведут к позитивным изменениям в жизни клиента и в нем самом.

В качестве основных принципов, реализующихся в процессе социально-психологического коучинга, могут быть обозначены как собственно принципы коучинговой работы, так и, с определенными оговорками, часть принципов, реализующихся в процессе социально-психологического тренинга:

1) принцип партнерства коуча и клиента, предполагающий равенство их позиций в общении, двустороннюю ориентацию на партнерские отношения, доверие и раппорт. Важно отметить, что такое качество отношений между коучем и клиентом является значимым предиктором эффективности коучингового процесса (De Naan, 2021);

2) принцип активности клиента, предполагающий самостоятельную выработку клиентом эффективных моделей межличностного общения и вариантов действий (Быков, 2005; Антонова, 2024);

3) принцип диалогичности, или субъект-субъектности (Петровская, 1982), который на поведенческом уровне проявляется в безоценочности высказываний и уважительном отношении к картине мира клиента;

4) принцип творческой позиции коуча (в сфере реализации интервенций) (Антонова, 2024) и клиента (в сфере выработки решений);

6) принцип конфиденциальности, когда информация о происходящем в рамках коучингового взаимодействия не выносится за его пределы, что служит основанием для психологической безопасности и самораскрытия клиента (Вачков, 2007).

В качестве специальных инструментов социально-психологического коучинга могут выступать, например, изменение позиции восприятия и анализ ситуации взаимодействия глазами партнера (Антонова, 2023), модели коучинга разрешения конфликтов (Brinkert, 2002; Winslade, Pangborn, 2015; Hardy, 2021), техники когнитивно-поведенческого коучинга, направленные на работу с убеждениями в области социальных отношений и др.

Таким образом, по типу решаемых задач может быть выделен особый вид коучинга, обозначаемый как социально-психологический коучинг. Этот вариант коучинговой работы находит место как в сфере межличностной, так и в области деловой коммуникации.

Индивидуальное социально-психологическое консультирование

Индивидуальное консультирование, его различные школы и виды в первую очередь различаются по те-

ориям личности, на основе которых базируется тот или иной подход к помогающей практике. Понятно, что и специфика социально-психологического консультирования основывается на особенностях принятого в этой области знания: представления о личности, процессе ее формирования и развития, социализации (Андреева, 2024). Важное значение при этом приобретает понимание роли социального и культурного влияния на личность, как непосредственного, так и представляемого, интериоризированного. Особое внимание обращается на «внутреннего оппонента» (Ярошевский, 1983), референтные группы (Мертон, 2016) и внутренние диалоги клиента (Евченко, 2012), под влиянием которых клиент формирует свои установки, переживания и модели поведения. Большое влияние на социально-психологическое консультирование оказали также работы интеракционистского направления, развивавшие ролевой подход к пониманию и исследованию личности (Андреева и др., 2009).

Большинство проблем, с которыми клиенты обращаются к консультантам, связаны с взаимодействием: взаимодействием с собой и с другими. Люди нередко теряют контакт со своими чувствами, мыслями, их поведение становится реактивным. Таким образом, цель индивидуального и группового социально-психологического консультирования состоит в том, чтобы помочь человеку развивать эффективное взаимодействие с самим собой, другими и социальной средой в целом, и за счет этого решать свои личностные и межличностные проблемы и быть успешным в реализации своих целей.

Технология социально-психологического консультирования описана в ряде публикаций социальных психологов (Жуков, 2004; Алешина, 1999).

Мы используем несколько иную модификацию такой технологии, включающую следующие этапы:

1. Вступление в контакт

На этом первом этапе работы консультант впервые выслушивает жалобы клиента и стремится установить с ним доверительные отношения.

2. Диагностика

Активное слушание и наблюдение за поведением и состоянием клиента должно позволить консультанту понять не только установки клиента и его проблемы, но получить представление о его образе мира, ресурсах и ограничениях.

3. Заключение контракта

Проведенная диагностика должна позволить консультанту сформулировать запрос клиента, совместно с клиентом прийти к пониманию конечного результата и программы консультирования, договориться о распределении ответственности и порядке работы (Иванов, 2006).

4. Помощь в решении проблем в соответствии с запросом

Социально-психологическое консультирование всегда предполагает изменение: установок клиента, его отношений с собой и другими. А решение

проблем клиента предполагает совместную с клиентом разработку программы таких изменений.

На этом этапе реализуется согласованная программа консультирования. Проблемы клиента переводятся в задачи. Может проводиться «репетиция», разыгрывание необходимых диалогов клиента с его значимыми другими, руководителями, коллегами, с самим собой, если требуется.

5. Планирование

Реализация сформулированных задач, выполнение которых должно привести к решению проблем клиента, привязывается к месту и времени. Обсуждается подробный план действий клиента. Обязательно обсуждается возможность неуспеха и поведение клиента в том случае, если его действия не приводят к желаемому результату.

6. Сопровождение реализации

Клиент должен иметь возможность получить поддержку консультанта в процессе выполнения задач. Поэтому после каждого шага реализации плана действий обсуждаются его результаты, извлекаются уроки, корректируются последующие действия.

7. Рефлексия и выход из контакта

Последняя сессия социально-психологического консультирования посвящена анализу совместной работы, формулированию рекомендаций клиенту на будущее, если требуется, и завершению консультативного контакта.

Организационное социально-психологическое консультирование

Социальные психологи рассматривают организацию как социотехническую систему. Поэтому при консультировании, в диагностике и при оказании воздействия учитываются особенности совместной деятельности, бизнес-модель и структура управления, а не только особенности персонала и организационной культуры.

Целью социально-психологического консультирования организации является развитие ее потенциала за счет минимизация рисков и максимального использования ресурсов и возможностей.

Основной моделью такого консультирования является процессная работа (Шейн, 2008), предполагающая, что все этапы консультирования проводятся совместно с клиентом. Это касается и диагностики, и принятия решений о необходимых изменениях, и реализации программы изменений.

При этом клиентом консультирования может быть лишь лицо, обладающее в организации полномочиями на проведение таких изменений.

Процессное консультирование часто противопоставляется экспертной модели. Но консультант, работающий в организации, не может быть эффективным, если он не эксперт. Другое дело, сфера экспертизы и признание экспертизы клиента. Консультант должен быть компетентным партнером клиента в диало-

ге. А для этого он должен иметь собственный взгляд на организацию, отличный от видения клиента. Для клиента его организация — это его творение, он зависит от своей организации, имеет множество финансовых и моральных обязательств, он пристрастен. Консультант, в отличие от клиента, независим и должен сохранять беспристрастность. С того момента, как консультант теряет беспристрастность, он теряет свою эффективность. С этим, в частности, связаны трудности работы внутренних консультантов. Они включены в иерархию и межличностные отношения с сотрудниками организации, и при полной лояльности организации легко могут потерять внешний беспристрастный взгляд на нее.

Организационное социально-психологическое консультирование связано с большим количеством этических дилемм для консультанта. Получая полное доверие клиента в процессе работы, консультант получает большой объем конфиденциальной информации, имеющей ценность на рынке, на порядок превышающую размер его гонорара. Наконец, привыкнув к компетентности консультанта, клиенты часто обращаются к нему с запросами, выходящими за пределы его профессиональных знаний. Поэтому консультант обязан особое внимание уделять этической составляющей его работы, понимая, что в данной профессии соблюдение этических норм, честность, открытость, конфиденциальность и осознанность являются необходимыми компетенциями.

Индивидуальный и диадический социально-психологический коучинг

Индивидуальная коучинговая практика реализуется сегодня в разных вариациях, таких, как коучинг жизненных целей (life-coaching), бизнес-коучинг, карьерный коучинг, коучинг первых лиц (executive coaching), и др. Проблема этика взаимоотношений личности и социальной среды занимают значимое место в каждом из направлений. Так, коучинг руководителей поднимает вопросы развития управленческой и коммуникативной компетентности, коучинг жизненных целей затрагивает сферы взаимодействия с окружением и семейных отношений, карьерный коучинг предполагает тему поиска социальных ресурсов для достижения карьерных целей и т.д. В целом построение субъективно благополучной, целостной и счастливой жизни внутри социальной группы неминуемо требует учета специфики взаимодействия с этой группой и ее членами, что подтверждает актуальность социально-психологического подхода к коучинговой практике.

В последние годы получило развитие такое направление практической работы, как коучинг семей и пар, или коучинг отношений (Сулова, 2019). Этот формат применяется для работы с отношениями на разных этапах их существования, от момента создания пары до кризисных стадий развития. По аналогии с

семейным консультированием, специалист проводит встречи как индивидуально с каждым участником пары, так и с диадой. Среди задач, решаемых в коучинге отношений, на первый план выходит именно социально-психологическая проблематика. Работа посвящена оптимизации восприятия партнерами друг друга и пары в целом, разрешению конфликтных ситуаций, совместному формированию долгосрочного видения отношений, распределению ролей и созданию договоренностей.

Групповой и командный социально-психологический коучинг

Групповой коучинг, согласно типологии Л.И. Уманского, представляет собой вариант совместно-индивидуальной деятельности, в то время как командный коучинг является совместно-взаимодействующим типом деятельности (Журавлев, 2022). Другими словами, в групповом коучинге каждый участник направлен на достижение собственной индивидуальной цели, а в командном коучинге у участников присутствует общая цель. Для реализации командного коучинга необходимо соблюдение критериев «командности» (Клаттербак, 2008).

Наряду с тем, что в групповом коучинге часто поднимаются вопросы, связанные с социальным окружением участников, именно командный коучинг в большей степени затрагивает социально-психологические аспекты. В рамках обсуждения вариантов достижения совместной цели значимое место занимают вопросы взаимодействия между участниками, темы групповых ценностей, доверия между членами группы, влияния и управления, ролевого взаимодействия, разрешения конфликтов, групповой динамики, культуры команды и др. (Hawkins, 2021). Нередко участники «жалуются» на «безответственность и отсутствие инициативы» коллег, на то, что «каждый больше занят своими вопросами, чем работой на общую задачу», на сложности в межличностной коммуникации («хотим общаться нормально»), на необходимость «тратить время на споры о том, кто и что должен делать, вместо того, чтобы быстро найти решение». Таким образом, особенности взаимодейст-

вия между участниками могут служить как ресурсом, так и препятствием для достижения совместных целей (Антонова, 2023), и потому являются значимым объектом коучингового вмешательства.

Заключение

В данной статье мы рассмотрели социально-психологическое консультирование и коучинг как направления, опирающиеся на научные традиции. Сфера применения этих способов практической работы расширяется, направления развиваются, заимствуют подходы и методы друг у друга, что приводит к их сближению. С точки зрения консультирования коучинг, наряду с модерацией, фасилитацией и медиацией, может быть рассмотрен как один из методов или подходов социально-психологического консультирования. Но в условиях рынка эти практики могут быть представлены как отдельные профессии, действующие при этом в одном направлении. Более того, коучинг как относительно новый вид практики постепенно становится модным и даже более востребованным клиентами. Консультирование и коучинг развиваются непосредственно в практической деятельности, и, с одной стороны, требуют фундаментального теоретического осмысления, с другой стороны, открывают новые возможности для развития академической психологии.

Социально-психологический подход, заложенный К. Левином и У. Биномом (Левин, 2023; Гринберг и др., 2007), апеллирует к научным достижениям в области психологии и предполагает опору на фундаментальные исследования, что подтверждает значимость научной базы для практики. Однако, как отмечает Ф.Е. Васильев, ссылаясь на идеи Л.С. Выготского (Кузовкин, 2012), важна не только опора на науку, но и тесная взаимосвязь между наукой и практикой.

Социально-психологическое консультирование и коучинг, опираясь на заложенные традиции, успешно реализуют эту взаимосвязь, используя практику как базу для научных исследований и, в свою очередь, науку как базу для практики. Это выгодно отличает их от многих других направлений, где подобная связь, к сожалению, часто утеряна.

Список литературы

- Алешина, Ю.Е. (1999). Консультативная беседа. В кн.: Введение в практическую социальную психологию. Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. 3-е изд. (С. 230–247). Москва: Изд-во «Смысл».
- Андреева, Г.М. (2024). Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Андреева, Г.М., Богомолова, Н.Н., Петровская, Л.А. (2009). Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы: учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Антонова, Н.В. (2024). Консультирование и коучинг персонала в организации: учебник и практикум для вузов. Под ред. Н.В. Антоновой, Н.Л. Ивановой. Москва: Изд-во «Юрайт».
- Антонова, Н.В., Казинцева, Л.В., Сизова, Н.А. (2023). Коучинг в бизнесе: учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во «Юрайт».
- Антонова, Н.В., Наумцева, Е.А. (2022). Проблема эффективности коучинга: исследования в рамках психологии коучинга (coaching psychology). *Современная зарубежная психология*, 11(1), 94–103. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110109>

- Архангельская, В.В. (2010). Консультативная психология: на пути к научной специальности. *Консультативная психология и психотерапия*, 18(1), 158–179.
- Базаров, Т.Ю., Шевченко, Ю.С. (2010). Кооперативные стратегии поведения в конкурентной среде. *Национальный психологический журнал*, (1), 80–85.
- Бек, А., Фримен, А. (2002). Когнитивная психотерапия расстройств личности. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Белинская, Е.П. (2023). Личностные и социально-психологические ресурсы совладания юношества с трудными жизненными ситуациями в современном цифровом обществе. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, (4), 16–31. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-4-16-31>
- Белинская, Е.П. (2018). Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Бернс, Р. (1986). Развитие Я-концепции и воспитание. Москва: Изд-во «Прогресс».
- Бохан Т.Г., Стоянова, И.Я., Ульянич, А.Л., Шабаловская, М.В., Скавинская, Е.Н., Кузин, А.Ю., Терехина, О.В., Боженкова, К.А. (2017). Психологическое консультирование: учебно-методическое. Ч. 1: Методологические и методические основы психологического консультирования. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета.
- Быков, А.К. (2005). Методы активного социально-психологического обучения: учебное пособие. Москва: Изд-во «Творческий Центр Сфера».
- Варга, А.Я. (2001). Системная семейная психотерапия. Краткий лекционный курс. Санкт-Петербург: Изд-во «Речь».
- Вачков, И.В. (2007). Психология тренинговой работы. Москва: Изд-во «Эксмо».
- Глэддинг, С. (2002). Психологическое консультирование. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Гринберг, Л.Е., Сор, Д.А., Табак, Д.Е. (2007). Введение в работы Биона. Москва: Изд-во «Когито-Центр».
- Евченко, Н.А. (2012). Подходы к определению понятия «внутренний диалог» в психологической литературе. *Вестник Самарского государственного университета*, 2(1), 156–159.
- Жуков, Ю.М., Петровская, Л.А., Соловьева, О.В. (ред.). (1999). Введение в практическую социальную психологию. 3-е изд. Москва: Изд-во «Смысл».
- Жуков, Ю.М. (2004). Методы практической социальной психологии. Диагностика, консультирование, тренинг: учебное пособие. Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Жуков, Ю.М. (2015). Научная теория и наукоемкая практика. *Организационная психология*, 5(4), 29–38.
- Журавлев, А.Л. (2022). Психология совместной деятельности. Москва: Изд-во «Литрес».
- Журавлев, А.Л., Ушаков, Д.В. (2012). Теоретико-экспериментальная и практическая психологии: две разные парадигмы? В кн.: Парадигмы в психологии: науковедческий анализ. Под ред. А.В. Юревича, Т.В. Корниловой, А.Л. Журавлева. (С. 158–177). Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Иванов, М.А. (2006). Социально-психологическое консультирование. В кн.: Социальная психология: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов. Под ред. Т.В. Фолomeевой. (С. 449–478). Москва: Изд-во «Аспект Пресс».
- Клаттербак, Д. (2008). Командный коучинг на рабочем месте: технология создания самообучающейся организации. Москва: Изд-во «Эксмо».
- Ковпак, Д.В., Ежиков, А.Ю. (2021). Системный когнитивно-поведенческий коучинг: понятие и основы методологии. Сб. науч. ст. 7-го Междунар. съезда Ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии СВТFORUM (21 мая, 2021 г.). (С. 117–148). Санкт-Петербург: Изд-во «СИНЭЛ».
- Кочюнас, Р. (2022). Психологическое консультирование: учебное пособие для вузов. Москва: Изд-во «Академический Проект».
- Кузовкин, В.В. (2012). Психотехнический подход: история становления, тенденции развития, критическое осмысление (к 20-летию выхода в печать статьи Ф.Е. Василюка «От психологической практики к психотехнической теории»). *Психология и психотехника*, (12), 79–89.
- Лапыгин, Ю.Н. (2004). Основы управленческого консультирования. 3-е изд. Москва: Изд-во «КноРус».
- Левин, К. (2023). Теория поля в социальных науках. Москва: Изд-во «Академический проект».
- Мазилев, В.А. (2015). Психология академическая и практическая: Актуальное сосуществование и перспективы. *Психологический журнал*, 36(3), 81–90.
- Маслоу, А. (2019). Мотивация и личность. 3-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Мертон, Р.К. (2016). Продолжение анализа теории референтных групп и социальной структуры. В кн.: Референтная группа и социальная структура. Под ред. С.А. Белановского. (С. 106–256). Москва: Изд-во Института молодежи.
- Петровская, Л.А. (2007). Общение-компетентность-тренинг: избранные труды. Под ред. О.В. Соловьева. Москва: Изд-во «Смысл».
- Петровская, Л.А. (1982). Теоретические и методологические проблемы социально-психологического тренинга. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Роджерс, К. (2016). Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы к психологической практике. Москва: Изд-во «ИОИ».
- Селигман, М. (2006). Новая позитивная психология. Москва: Изд-во «София».
- Серкин, В.П. (2006). Пять определений понятия и схема функционирования образа мира. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, (1), 11–19.
- Соснина, Т.В. (2013). История возникновения и развития консалтинга. *Управление образованием: теория и практика*, 2(10), 129–143.
- Сулова, Н.А. (2019). Коучинговый подход в позитивном родителстве. В кн.: Сборник докладов 14-й Межвузовской конф. молодых ученых по результатам исследований в области педагогики, психологии, социокультурной антропологии. Под ред. Т.Н. Сахаровой. (С. 123–127). Москва: Изд-во МПГУ.
- Тейлор, Ф.У. (1991). Принципы научного менеджмента. Москва: Изд-во «Контроллинг».
- Уитмор, Дж. (2022). Коучинг: Основные принципы и практики коучинга и лидерства. Москва: Изд-во «Альпина Паблишер».

- Улановский, А.М. (2012). Коучинг с оглядкой на науку: практики позитивной жизни. *Психология. Журнал высшей школы экономики*, 9(4), 59–80.
- Файоль, А. (2024). *Общее и промышленное управление*. Москва: Изд-во «Субъект».
- Шейн, Э. (2008). *Процесс консалтинга. Построение взаимовыгодных отношений «клиент-консультант»*. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Эллис, А. (1999). *Психотренинг по методу Альберта Эллиса*. Санкт-Петербург: «Питер Ком».
- Юревич, А.В. (2012). Исследовательская и практическая психология: еще раз о схизмисе. *Психологический журнал*, 33(1), 90–104.
- Ярошевский, М.Г. (1983). Оппонентный круг и научное открытие. *Вопросы философии*, (10), 49–61.
- American Psychological Association. (1990). Ethical Principles of Psychologists. *American Psychologist*, (45), 390–395.
- Bachkirova, T., Baker, S. (2018). Revisiting the issue of boundaries between coaching and counselling. In: S. Palmer, A. Whybrow, (eds.). *Handbook of Coaching Psychology: A Guide for Practitioners*. (pp. 487–499). Abingdon: Routledge Publ.
- Bachkirova, T., Clutterbuck, D., Cox, E. (2023). *The Complete Handbook of Coaching*. London: SAGE Publ.
- Bachkirova, T., Cox, E. (2005). A Bridge Over Troubled Water. *Counselling at Work*, 48(1), 2–9.
- Bates, R.A. (2002). *Human resource development objectives*. New York: United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization Publ.
- Bates, R.A., Chen, H.-C. (2004). Human Resource Development Value Orientations. *Human Resource Development International*, (7), 351–371.
- Brinkert, R. (2002). Conflict Coaching. *Conflict Management in Higher Education Report*, 2(2). URL: https://www.creducation.net/resources/cmher_vol_2_2_brinkert.pdf (accessed: 11.07.2024).
- Brock, V.G. (2012). *Sourcebook of Coaching History*. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform Publ.
- Brockbank, A., McGill, I. (2012). *Facilitating reflective learning: Coaching, mentoring and supervision*. London: Kogan Page Publishers.
- Burks, H., Steffle, B. (1979). *A summing up. Theories of counseling* (3rd ed.). (pp. 317–335). New York: McGraw-Hill Publ.
- De Haan, E. (2021). What works in executive coaching: Understanding outcomes through quantitative research and practice-based evidence. Abingdon: Routledge Publ.
- Edgerton, N., Palmer, S. (2022). SPACE: A psychological model for use within cognitive behavioral coaching, therapy and stress management. In: D. Tee, J. Passmore, (eds.). *Coaching Practiced*. (pp. 1–18). Hoboken: Wiley Publ.
- Erford, B.T. (2014). *Orientation to the counseling profession: Advocacy, ethics, and essential professional foundations* (2nd ed.). New York: Pearson Publ.
- Gallwey, W.T. (1997). *The Inner Game of Tennis*. New York: Random House Publ.
- Grant, A.M., Palmer, S. (2013). Coaching Psychology. In: S.J. Lopez, (ed.). *The Encyclopedia of Positive Psychology*. (pp. 182–190). Oxford: Blackwell Publishing.
- Hardy, S. (2021). *Conflict coaching fundamentals: Working with conflict stories*. Abingdon: Routledge Publ.
- Hawkins, P. (2021). *Leadership team coaching: Developing collective transformational leadership*. London: Kogan Page Publishers.
- Lai, L.-Y., Palmer, S. (2019). Psychology in Executive Coaching: an Integrated Literature Review. *Journal of Work-Applied Management*, 11(2), 143–164.
- Leonard, T.J. (1998). *The portable coach: 28 sure fire strategies for business and personal success*. New York: Simon and Schuster Publ.
- McLeod, J. (2013). *An Introduction to Counselling* (5th ed.). New York: Open University Press.
- Sackett, D.L. (1997). Evidence-Based Medicine. *Seminars in Perinatology*, 21(1), 3–5.
- Steglitz, J., Warnick, J.L., Hoffman, S.A., Johnston, W., Spring, B. (2015). Evidence-Based Practice. *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*, (8), 332–338.
- Stober, D.R., Wildflower, L., Drake, D. (2006). Evidence-Based Practice: A Potential Approach for Effective Coaching. *International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring*, 4(1), 1–8.
- Straus, S.E., Glasziou, P., Richardson, W.S., Haynes, R.B. (2018). *Evidence-Based Medicine: How to Practice and Teach EBM*. Amsterdam: Elsevier Health Sciences Publ.
- Winslade, J., Pangborn, A. (2015). Narrative Conflict Coaching. *Narrative and Conflict: Explorations in Theory and Practice*, 2(1), 90–118.

References

- Aleshina, Yu.E. (1999). Consultative conversation. In: Y.M. Zhukov, L.A. Petrovskaya, O.V. Solovyova, (eds.). *Introduction to practical social psychology* (3rd ed.). (pp. 230–247). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- American Psychological Association. (1990). Ethical principles of Psychologists. *American Psychologist*, (45), 390–395.
- Andreeva, G.M. (2024). *Social psychology: A textbook for universities* (5th ed.). Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Andreeva, G.M., Bogomolova, N.N., Petrovskaya, L.A. (2009). Foreign social psychology of the XX century: Theoretical approaches: A textbook for universities. Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Antonova, N.V. (2024). Consulting and coaching of personnel in the organization: A textbook and workshop for universities. In: N.V. Antonova, N.L. Ivanova, (eds.). Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Antonova, N.V., Kazintseva, L.V., Sizova, N.A. (2023). *Coaching in business: A textbook for universities*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Antonova, N.V., Naumtseva, E.A. (2022). The Problem of Coaching Effectiveness: Research within the Framework of Coaching Psychology. *Sovremennaya Zarubezhnaya Psikhologiya = Modern Foreign Psychology*, 11(1), 94–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110109>
- Arkhangelskaya, V.V. (2010). Counseling Psychology: on the Way to a Scientific Specialty. *Konsul'tativnaya Psikhologiya i Psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*, 18(1), 158–179. (In Russ.)

- Bachkirova, T., Baker, S. (2018). Revisiting the issue of boundaries between coaching and counselling. In: S. Palmer, A. Whybrow, (eds.). *Handbook of Coaching Psychology: A Guide for Practitioners*. (pp. 487–499). Abingdon: Routledge Publ.
- Bachkirova, T., Clutterbuck, D., Cox, E. (2023). *The Complete Handbook of Coaching*. London: SAGE Publ.
- Bachkirova, T., Cox, E. (2005). A Bridge Over Troubled Water. *Counselling at Work*, 48(1), 2–9.
- Bates, R.A. (2002). Human resource development objectives. New York: United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization Publ.
- Bates, R.A., Chen, H.-C. (2004). Human Resource Development Value Orientations. *Human Resource Development International*, 7(7), 351–371.
- Bazarov, T.Yu., Shevchenko, Yu.S. (2010). Cooperative Strategies of Behavior in a Competitive Environment. *National Psychological Journal*, 1(1), 80–85. (In Russ.)
- Bek, A., Frimen, A. (2002). Cognitive psychotherapy of personality disorders. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Belinskaya, E.P. (2018). Modern Identity Studies: from Structural Certainty to Processality and Incompleteness. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Psikhologiya = Bulletin of St. Petersburg University. Psychology*, 8(1), 6–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Belinskaya, E.P. (2023). Personal and Socio-Psychological Resources for Coping Young People with Difficult Life Situations in a Modern Digital Society. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Psychology. Pedagogy. Education*, 4(4), 16–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2023-4-16-31>
- Bokhan, T.G., Stoyanova, I.Ya., Ul'yanich, A.L., Shabalovskaya, M.V., Skavinskaya, E.N., Kuzin, A.Yu., Terekhina, O.V., Bozhenkova, K.A. (2017). Psychological counseling: an educational and methodical manual. Part 1: Methodological and methodical foundations of psychological counseling. Tomsk: Tomsk State University Publ. (In Russ.)
- Brinkert, R. (2002). Conflict Coaching. *Conflict Management in Higher Education Report*, 2(2). URL: https://www.creducation.net/resources/cmher_vol_2_2_brinkert.pdf (accessed: 11.07.2024).
- Brock, V.G. (2012). *Sourcebook of Coaching History*. Scotts Valley: CreateSpace Independent Publishing Platform.
- Brockbank, A., McGill, I. (2012). *Facilitating reflective learning: Coaching, mentoring and supervision*. London: Kogan Page Publishers.
- Burks, H., Steffle, B. (1979). A summing up. *Theories of counseling* (3rd ed.). (pp. 317–335). New York: McGraw-Hill Publ.
- Burns, R. (1986). *Self-concept development and education*. Moscow: Progress Publ. (In Russ.)
- Bykov, A.K. (2005). *Methods of active socio-psychological education: A textbook*. Moscow: Tvorcheskii Tsentri Sfera Publ. (In Russ.)
- Clutterbuck, D. (2008). *Team coaching in the workplace: technology for creating a self-learning organization*. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- De Haan, E. (2021). *What works in executive coaching: Understanding outcomes through quantitative research and practice-based evidence*. Abington: Routledge Publ.
- Edgerton, N., Palmer, S. (2022). SPACE: A psychological model for use within cognitive behavioral coaching, therapy and stress management. In: D. Tee, J. Passmore, (eds.). *Coaching Practiced*. (pp. 1–18). Hoboken: Wiley Publ.
- Ellis, A. (1999). *Psychotraining according to the Albert Ellis method*. St. Petersburg: Piter Kom Publ. (In Russ.)
- Erford, B.T. (2014). *Orientation to the counseling profession: Advocacy, ethics, and essential professional foundations* (2nd ed.). New York: Pearson Publ.
- Evchenko, N.A. (2012). Approaches to the Definition of the Concept of “Internal Dialogue” in Psychological Literature. *Vestnik Samarskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Samara State University*, 2(1), 156–159. (In Russ.)
- Fayol, H. (2024). *General and industrial management*. Moscow: Sub’ekt Publ. (In Russ.)
- Gallwey, W.T. (1997). *The Inner Game of Tennis*. New York: Random House Publ.
- Gladding, S. (2002). *Psychological counseling*. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Grant, A.M., Palmer, S. (2013). Coaching Psychology. In: S.J. Lopez, (ed.). *The Encyclopedia of Positive Psychology*. (pp. 182–190). Oxford: Blackwell Publishing.
- Grinberg, L.E., Sor, D.A., Tabak, D.E. (2007). *Introduction to Bion’s works*. Moscow: Kogito-Tsentr Publ. (In Russ.)
- Hardy, S. (2021). *Conflict coaching fundamentals: Working with conflict stories*. Abington: Routledge Publ.
- Hawkins, P. (2021). *Leadership team coaching: Developing collective transformational leadership*. London: Kogan Page Publishers.
- Ivanov, M.A. (2006). Socio-psychological counseling. In: T.V. Folomeeva, (ed.). *Social Psychology: Practical course: A textbook for university students* (pp. 449–478). Moscow: Aspekt Press Publ. (In Russ.)
- Kochyunas, R. (2022). *Psychological counseling: A textbook for universities*. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)
- Kovpak, D.V., Ezhikov, A.Yu. (2021). Systemic cognitive behavioral coaching: the concept and fundamentals of methodology. In: *Collection of Scientific Articles of Seventh International Congress of the Association of Cognitive Behavioral Psychotherapy CITFORUM* (May 21, 2021). (pp. 117–148). St. Petersburg: SINEL Publ. (In Russ.)
- Kuzovkin, V.V. (2012). Psychotechnical Approach: The History of Formation, Development Trends, Critical Reflection (on the 20th Anniversary of the Publication of F.E. Vasilyuk’s Article “From Psychological Practice to Psychotechnical Theory”). *Psikhologiya i Psikhotehnika = Psychology and Psychotechnics*, 12(12), 79–89. (In Russ.)
- Lai, L.-Y., Palmer, S. (2019). Psychology in Executive Coaching: an Integrated Literature Review. *Journal of Work-Applied Management*, 11(2), 143–164.
- Lapygin, Yu.N. (2004). *Fundamentals of management consulting* (3rd ed.). Moscow: KnoRus Publ. (In Russ.)
- Leonard, T.J. (1998). *The portable coach: 28 sure fire strategies for business and personal success*. New York: Simon and Schuster Publ.
- Levin, K. (2023). *Field theory in the social sciences*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russ.)
- Maslow, A. (2019). *Motivation and personality* (3rd ed.). St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Mazilov, V.A. (2015). Academic and Practical Psychology: Actual Coexistence and Prospects. *Psikhologicheskii Zhurnal = Psychological Journal*, 36(3), 81–90. (In Russ.)
- Mcleod, J. (2013). *An Introduction to Counselling* (5th ed.). New York: Open University Press.

- Merton, R.K. (2016). Continuation of the analysis of the theory of reference groups and social structure. In: S.A. Belanovskii, (ed.). Reference group and social structure. (pp. 106–256). Moscow: Institute of Youth Publ. (In Russ.)
- Petrovskaya, L.A. (1982). Theoretical and methodological problems of socio-psychological training. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Petrovskaya, L.A. (2007). Communication-competence-training: selected works. In: O.V. Solov'eva, (ed.). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Rogers, C. (2016). Counseling and psychotherapy. The latest approaches to psychological practice. Moscow: IOI Publ. (In Russ.)
- Sackett, D.L. (1997). Evidence-Based Medicine. *Seminars in Perinatology*, 21(1), 3–5.
- Schein, E. (2008). The consulting process. Building a mutually beneficial client-consultant relationship. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Seligman, M. (2006). A new positive psychology. Moscow: Sofiya Publ. (In Russ.)
- Serkin, V.P. (2006). Five Definitions of the Concept and the Scheme of Functioning of the Image of the World. *Moscow University Psychology Bulletin*, (1), 11–19. (In Russ.)
- Sosnina, T.V. (2013). The History of the Emergence and Development of Consulting. *Upravlenie Obrazovaniem: Teoriya i Praktika = Education Management: Theory and Practice*, 2(10), 129–143. (In Russ.)
- Steglitz, J., Warnick, J.L., Hoffman, S.A., Johnston, W., Spring, B. (2015). Evidence-Based Practice. *International Encyclopedia of The Social and Behavioral Sciences*, (8), 332–338.
- Stober, D.R., Wildflower, L., Drake, D. (2006). Evidence-Based Practice: A Potential Approach for Effective Coaching. *International Journal of Evidence Based Coaching and Mentoring*, 4(1), 1–8.
- Straus, S.E., Glasziou, P., Richardson, W.S., Haynes, R.B. (2018). Evidence-Based Medicine: How to Practice and Teach EBM. Amsterdam: Elsevier Health Sciences Publ.
- Suslova, N.A. (2019). Coaching approach in Positive Parenting. In the Collection of Reports of the Fourteenth Interuniversity Conference of Young Scientists on the results of research in the field of pedagogy, psychology, sociocultural anthropology. In: T.N. Sakharova, (ed.). (pp. 123–127). (In Russ.)
- Taylor, F.W. (1991). Principles of scientific management. Moscow: Kontrolling Publ. (In Russ.)
- Ulanovskii, A.M. (2012). Coaching with an Eye to Science: Positive Life Practices. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei Shkoly Ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 9(4), 59–80. (In Russ.)
- Vachkov, I.V. (2007). Psychology of training work. Moscow: Eksmo Publ. (In Russ.)
- Varga, A.Ya. (2001). Systemic family psychotherapy. A short lecture course. St. Petersburg: Rech' Publ. (In Russ.)
- Whitmore, J. (2022). Coaching: Basic principles and practices of coaching and leadership. Moscow: Al'pina Publisher. (In Russ.)
- Winslade, J., Pangborn, A. (2015). Narrative Conflict Coaching. *Narrative and Conflict: Explorations in Theory and Practice*, 2(1), 90–118.
- Yaroshevskii, M.G. (1983). The Opposing Circle and Scientific Discovery. *Voprosy Filosofii = Questions of Philosophy*, (10), 49–61. (In Russ.)
- Yurevich, A.V. (2012). Research and Practical Psychology: Once Again about Schism. *Psikhologicheskii Zhurnal = Psychological Journal*, 33(1), 90–104. (In Russ.)
- Zhukov, Yu.M. (2004). Methods of practical social psychology. Diagnosis, counseling, training: A textbook. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Zhukov, Yu.M. (2015). Scientific Theory and High-tech Practice. *Organizatsionnaya Psikhologiya = Organizational Psychology*, 5(4), 29–38. (In Russ.)
- Zhukov, Yu.M., Petrovskaya, L.A., Solovyova O.V. (eds.). (1999). Introduction to practical social psychology (3rd ed.). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L. (2022). Psychology of joint activity. Moscow: Litres Publ. (In Russ.)
- Zhuravlev, A.L., Ushakov, D.V. (2012). Theoretical-experimental and practical psychology: two different paradigms? In: A.V. Yurevich, T.V. Kornilova, A.L. Zhuravlev, (eds.). Paradigms in psychology: a scientific analysis. (pp. 158–177). Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Юлия Константиновна Зубова, сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, yulia.zubova.msu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9537-4522>

Yuliya K. Zubova, Researcher the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, yulia.zubova.msu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9537-4522>



Михаил Аркадьевич Иванов, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, maivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5926-5236>

Mikhail A. Ivanov, Cand. Sci. (Psychology), Senior Researcher at the Department of Social Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, maivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5926-5236>

Поступила: 20.05.2024; получена после доработки: 24.06.2024; принята в печать: 29.07.2024.

Received: 20.05.2024; revised: 24.06.2024; accepted: 29.07.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ / EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0308>
УДК/UDC 159.9.072.432; 159.955.1; 159.99

Связь моральной направленности принимаемых решений в ситуациях потенциального кибербуллинга с индивидуально-психологическими особенностями студентов

И.Н. Погожина ✉, О.С. Рекун

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

✉ pogozhina@mail.ru

Резюме

Актуальность. Интернет-среда создает особую реальность для коммуникации, в которой принятые в обществе системы норм и ценностей часто перестают действовать. При возникновении конфликтных ситуаций анонимность интернет-коммуникации может снижать степень личной моральной ответственности человека за свои «цифровые поступки» и приводить к выбору неэтичных способов поведения, к которым, в частности, относится кибербуллинг. Выделение системы когнитивных и личностных факторов, включенных в процессы регуляции моральной направленности поведения при онлайн-коммуникации, — актуальная научная задача.

Цель. Изучить связь моральной направленности принимаемых студентами решений в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга, с их индивидуально-психологическими особенностями.

Выборка. В исследовании принимали участие 85 респондентов в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 21$; $SD = 1,8$) — студенты разных лет обучения.

Методы. Использованы методики «Справедливость — забота» С.В. Молчанова, тест коммуникативных умений Л. Михельсона (в адаптации Ю.З. Гильбуха), авторские методы «Открытые вопросы» и «Кейс-метод» на выявление содержания представлений о кибербуллинге и направленности принятия решений (этичные/неэтичные) в ситуациях потенциального кибербуллинга.

Результаты. Установлены значимые положительные связи (r Спирмена; $p < 0,05$) между этичными выборами принимаемых решений в ситуациях потенциального кибербуллинга, субшкалами уровней морального развития («Самопожертвование», «Самоуважение») и содержанием представлений о кибербуллинге. А также значимые отрицательные связи (r Спирмена; $p < 0,05$) между неэтичными выборами в изучаемых ситуациях, субшкалой «Доконвенционального» уровня морального развития и коммуникативными умениями.

Выводы. Выявлено, что моральная направленность принимаемых решений в ситуациях потенциального кибербуллинга значимо связана со следующими индивидуально-психологическими особенностями студентов: 1) у студентов, чаще выбирающих этичные решения, полностью сформированы представления о кибербуллинге как явлении, они не ставят в приоритет только свои интересы и учитывают ценности других людей; 2) студенты, выбирающие неэтичные решения, обладают низким уровнем развития коммуникативных умений, ищут личную выгоду в общении и реже учитывают ценности других людей.

Ключевые слова: кибербуллинг, моральное развитие, коммуникативные умения, принятие решений, процесс образования понятий, моральная ориентация, моральные дилеммы

Для цитирования: Погожина, И.Н., Рекун, О.С. (2024). Связь моральной направленности принимаемых решений в ситуациях потенциального кибербуллинга с индивидуально-психологическими особенностями студентов. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 104–114. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0308>

Moral Decision-Making in Situations of Potential Cyberbullying in Relation to Individual Psychological Characteristics of Students

Irina N. Pogozhina ✉, Olga S. Rekun

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ pogozhina@mail.ru

Abstract

Background. The Internet environment creates a special reality for communication, in which socially accepted systems of norms and values are often no longer valid. In conflict situations, the anonymity of Internet communication may reduce the degree of personal moral responsibility for the “digital deeds” and lead to the choice of unethical ways of behaviour, which include cyberbullying. Highlighting the system of cognitive and personal factors involved in the regulation of the moral orientation of behaviour in online communication is an urgent scientific task.

Objective. To study the relationship between the moral orientation of students’ decision-making in situations containing the possibility of cyberbullying and their individual psychological characteristics.

Study Participants. The sample included 85 respondents of varying ages, ranging from 18 to 26 years old ($M = 21$; $SD = 1.8$).

Methods. The study engaged the following materials: the “Justice-Care” technique by S.V. Molchanov; communication skills test by L. Michelson (adapted by Yu.Z. Gilbukh); authors’ techniques “Open questions” and “Case-method” applied for identifying the content of ideas about cyberbullying and orientation of decision-making (ethical/unethical) in situations of potential cyberbullying.

Results. A significant positive correlation (ρ -Spearman; $p < 0.05$) was found between the ethical choice of decisions in situations of potential cyberbullying, subscales of moral development (“Self-sacrifice”, “Self-respect”) and the content of ideas about cyberbullying. Moreover, significant negative correlations (ρ -Spearman; $p < 0.05$) were identified between the unethical choices in the investigated situations, subscale of “Preconventional” level of moral development, and communication skills.

Conclusions. The moral orientation of the decisions we make in situations of potential cyberbullying is significantly related to the following individual psychological features of students: (1) students who often choose ethical decisions have fully formed ideas about cyberbullying as a phenomenon, they do not prioritize their own interests and consider the values of others; (2) students who choose unethical decisions have low level of development of communication skills, look for personal gain in communication and less often consider the values of other people.

Keywords: cyberbullying, moral development, communicative skills, decision-making, concept development, moral orientation, moral dilemmas

For citation: Pogozhina, I.N., Rekun, O.S. (2024). Moral decision-making in situations of potential cyberbullying in relation to individual psychological characteristics of students. *National Psychological Journal*, 19(3), 104–114. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0308>

Введение

Взаимодействие в интернет-среде носит иной характер, нежели общение в реальной жизни. Моральные нормы и правила, применяемые в повседневности, в виртуальной коммуникации часто перестают действовать. В результате такого отторжения норм, принятых на данной ступени развития общества,

возникает антисоциальное интернет-поведение (Погожина и др., 2020), которое ведет к стиранию социально значимых ценностей, и обезличиванию человека (Виноградов, Ульянина, 2020).

Изучение специфики цифрового поведения основывается на характеристиках, связанных с построением коммуникации и особенностями когнитивной, мотивационной и эмоциональной сфер пользователей

сети Интернет (Погожина и др., 2020). Цифровое опосредование поведения приводит к «новой нормальности», которая перестраивает устоявшиеся правила и начинает диктовать новые. Пользователи остаются подключенными к сети Интернет большую часть своего времени и в процессе постоянного взаимодействия входят в смешанную реальность, в результате чего постепенно начинают стираться границы между двумя средами — офлайн и онлайн. Включение интернет-технологий в повседневную жизнь изменяет и перестраивает личность в целом (Солдатова, Войскунский, 2021; Skarbez et al., 2021).

Построение цифровой коммуникации базируется на ее анонимности, у которой существуют как положительные, так и отрицательные аспекты. С одной стороны, анонимность способствует раскрепощению, а с другой — может провоцировать конфликтные ситуации и снижать степень персональной ответственности за совершение неэтичных поступков (Солдатова, Ярмина, 2019) и, как следствие, возникновение кибербуллинга (Belsey, 2019).

Кибербуллинг или намеренная и неоднократная травля людей в интернет-пространстве характеризуется следующими особенностями (Солдатова, Ярмина, 2019): 1) *анонимность*; 2) *безнаказанность*; 3) *круглосуточный доступ* к онлайн-коммуникации; 4) *невозможность наблюдать эмоции жертвы*; 5) *неоднократность воздействия в разных социальных сетях*; 6) *временная асинхронность*; 7) *увеличение числа свидетелей*, которые могут как прийти на помощь, так и выступить против жертвы.

Данные особенности (в частности, отсутствие достоверной информации о собеседнике, невозможность наблюдать эмоции друг друга и др.) могут приводить к ситуации неопределенности, когда приходится принимать решения о том, как реагировать на слова другого, опираясь на неполную ориентировку как о собеседнике, так и о ситуации в целом (Корнилова, 2015). Под принятием решения в работе понимается оценивание альтернатив и выбор одного, наиболее приемлемого основания для действия (Корнилова, 2016).

На выбор стратегии поведения в ситуации, содержащей возможность кибербуллинга, может влиять не только дистанцированность пользователей, обеспеченная информационными технологиями, но и моральные нормы, принятые в обществе. Пользователи сети Интернет часто сталкиваются с противоречивыми образцами онлайн-поведения, искажающими представления о социальных и моральных нормах взаимодействия в виртуальных условиях и меняющими уже сформированные в реальной жизни модели поведения (Солдатова и др., 2013).

Мораль как система норм и ценностей, выступает источником моральных суждений и мотивов индивидуального поведения (Заикин, 2012). Моральное развитие (развитие моральных суждений) идет параллельно с интеллектуальным развитием. На его начальных стадиях побудителем поведения выступа-

ет мораль подчинения (принятие всех предписаний значимого взрослого) и желание произвести о себе хорошее впечатление, а на завершающих — мораль кооперации (критичные суждения в отношении правил и норм общества, которые могут меняться и не являться единственно верными) и учет интересов окружающих (Молчанов, 2011). С развитием когнитивных составляющих и накоплением социального опыта меняются и уровни морального развития. Выделяют две периодизации развития моральных суждений: (1) в основе одной — особенности нравственного обоснования (принципа) принимаемых моральных решений (справедливость): доконвенциональный, конвенциональный и постконвенциональный уровни развития (Kohlberg, 1984); (2) в основе другой — степень ориентации на интересы другого при принятии морального решения (забота): самоозабоченность, самопожертвование и самоуважение (Gilligan, 1976).

Выявлено, что разный уровень морального развития интернет-пользователей влияет на их отношение к соблюдению этических норм коммуникации в интернет-среде. Респонденты с высоким уровнем моральных представлений позитивно относятся к этическим нормам в отношении защиты авторского права на опубликованные фотографии или записи и выражают готовность их соблюдать, тогда как респонденты с низким уровнем морального развития допускают возможность нарушения правил относительно неприкосновенности личной жизни и принятия персональной ответственности за совершаемые в сети действия (Карabanова, Георгиевская, 2019).

По итогам изучения связей между особенностями поведения человека в неоднозначных ситуациях и уровнем его морального развития строятся модели принятия решений (Корнилова, 2016; Gonzalez-Alonso et al., 2020). Установлено, что на процесс принятия решений в таких ситуациях влияют показатели компонентов интеллектуально-личностного потенциала человека (когнитивное оценивание с опорой на личностные ценности) (Корнилова, 2016) и готовность к выбору (Леонтьев и др., 2011). Это распространяется и на ситуации выбора при решении моральных дилемм (Чигринова, 2015).

Так, выявлено, что макиавеллизм является предиктором манипулятивной стратегии поведения, которая связана с доконвенциональным уровнем морального развития по Л. Колбергу и уровнем самоозабоченности по К. Гиллиган. На данной стадии человек соблюдает нормы в целях избегания наказания. Напротив, люди, находящиеся на уровне постконвенциональной морали по Л. Колбергу и самоуважения по К. Гиллиган, руководствуются универсальными этическими принципами и относятся к другому человеку как к непосредственной ценности (Корнилова, Чигринова, 2010).

Уровень неопределенности в неоднозначных ситуациях снижается в процессе анализа информации: поскольку растет осведомленность, появляются

представления о целях собственного выбора и осознаются принципы принятия решения (Корнилова, 2016). Установлено, что обучение этическим принципам и нормам поведения, повышая моральную осведомленность, способствует принятию этических решений (Kim, 2021). А формирование нравственного поведения у детей с помощью воспитательных мер, повышение личной ответственности и понижение моральной отчужденности, приводит к снижению проявлений антисоциального поведения, в том числе буллинга и кибербуллинга (Zych et al., 2020). Низкая же моральная осведомленность связана с неэтичным поведением. Доказано, что люди, считающие «легкие» безнравственные поступки вполне допустимыми, хуже осведомлены о пагубных последствиях более серьезных нарушений моральных норм (Reynolds, Miller, 2015). Случаи непреднамеренного неэтичного поведения объясняются «этическими слепыми зонами», когда индивиды не до конца осознают этические аспекты своих решений. Это может происходить из-за неявных предубеждений, временной удаленности от принятия решений, неспособности замечать неэтичное поведение других и принижения его негативного влияния на анонимную группу людей, чем на конкретную жертву (Sezer et al., 2015).

Также неспособность человека переносить этические нормы, сложившиеся в реальной жизни, в онлайн-среду может быть обусловлена недостаточной моральной гибкостью, которая является предиктором неэтичного интернет-поведения. Исследования таких видов поведения в интернет-среде как обман, жульничество и воровство в Интернете, рассылка спама и так далее показали, что интернет-пользователи, прибегающие к подобному поведению, характеризуются моральной незрелостью и неспособностью предвидеть последствия своих действий, которые в большинстве случаев несут негативный характер (Войскунский, 2010).

Подтверждением того, что ситуация морального выбора регулируется компонентами не только когнитивной, но и личностной сфер (Корнилова, 2016; Арутюнова, Александров, 2019), выступают исследования кросс-культурных различий ценностного аспекта морального выбора в сопоставлении двух подходов (когнитивного и эмпатийного). Показано, что моральная направленность личности на принцип справедливости или принцип заботы обусловлена культурным контекстом. Так, стратегию справедливости в большинстве случаев предпочитают американские подростки, а стратегию заботы — российские и казахские (Молчанов, 2007).

Изучение когнитивного и эмпатийного подходов показывает, что на моральную оценку поведения влияют как рациональные суждения, так и интуитивные. В регуляцию последних входит эмоциональная составляющая, которая способствует совершению «хороших» поступков или избеганию «плохих». При этом доказано, что эмоции могут по-разному включаться в регуляцию морального поведения — идти

в основе, сопровождать или возникать уже после совершенного поступка (Арутюнова, Александров, 2019). Таким образом, эмоциональная сфера наравне с когнитивной может оказывать влияние на моральную направленность принимаемых решений.

Так, выявлена отрицательная связь между агрессивным, антисоциальным поведением и эмпатией (способностью понимать и разделять эмоции и чувства других). Исследование связи кибербуллинга и эмпатической отзывчивости подростков показало, что преследователи (агрессоры) имеют меньшую эмпатическую отзывчивость, нежели жертвы преследования или подростки, не вовлеченные в кибербуллинг (Steffgen et al., 2011).

Анализ литературы показывает, что на моральный выбор человека оказывают влияние как когнитивные, так и личностно-мотивационные компоненты. Вместе с тем, исследований моральной направленности выборов при принятии решений в интернет-среде, в ситуациях, содержащих потенциальную возможность кибербуллинга, еще не представлено.

Цель исследования

Изучить связь моральной направленности принимаемых студентами решений в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга, с их индивидуально-психологическими особенностями.

Гипотеза

Существуют значимые связи между моральной направленностью принимаемых решений (этичные, неэтичные) в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга, и такими психическими показателями системы интеллектуально-личностного потенциала студентов, как уровень их морального развития, уровень развития коммуникативных умений и содержание представлений о кибербуллинге как явлении.

Выборка

В исследовании принимали участие 85 респондентов ($N = 85$) в возрасте от 18 до 26 лет ($M = 21$; $SD = 1,8$) — студенты разных лет обучения.

Методы

Для оценки показателей развития изучаемых переменных использовались следующие диагностические методы:

1. Уровень морального развития — методика «Справедливость — забота» С.В. Молчанова (Молчанов, 2003; Подольский, 2005).

Требовалось оценить степень согласия с 38 утверждениями по 5-балльной шкале, где 1 — безусловно

не согласен, а 5 — безусловно согласен. На основе двух периодизаций (Л. Колберг и К. Гиллиган), выделялись уровни морального развития по шкале «Справедливость» (нравственный принцип, на который опирается человек при принятии решения): 1) *Доконвенциональный*: инструментальный обмен «ты — мне, я — тебе», ориентация на власть авторитета и боязнь быть наказанным; 2) *Конвенциональный*: опора на социальный закон и порядок; ориентация на мнение о себе других людей в стремлении произвести на них хорошее впечатление; 3) *Постконвенциональный*: опора на универсальные этические принципы и стремление учесть личностные права всех участников конфликта.

И по шкале «Забота» (степень ориентации на интересы другого человека при принятии морального решения): 1) *Самоозабоченность*: ориентация на себя, свои интересы, хорошее мнение о себе и окружающих; 2) *Самопожертвование*: осознанная ориентация на других, защита их прав с опорой на внутренние ценности; 3) *Самоуважение*: сознательный выбор между справедливостью и заботой с опорой на внутренние ценности.

2. Уровень развития коммуникативных умений — тест коммуникативных умений Л. Михельсона (адаптация Ю.З. Гильбуха) (Гильбух, 1995).

Требовалось оценить 27 коммуникативных ситуаций, выбрав из пяти возможных вариантов поведения один, присущий респонденту в данной ситуации. Тест построен по принципу теста достижений, то есть содержит правильный ответ (эталонный способ поведения), указывающий на компетентный стиль общения.

По результатам выбора способа поведения в каждой ситуации определялся процент правильных реакций (максимальный показатель 100%). Чем выше процент, тем выше уровень развития коммуникативных умений, т.е. респондент эффективнее реагирует на положительные и отрицательные высказывания собеседника, просьбы, лучше поддерживает беседу и понимает чувства другого человека.

3. Содержание представлений о кибербуллинге как явлении — авторские методы «Открытые вопросы» и «Кейс-метод».

«Открытые вопросы» включали два задания: 1) дать определение кибербуллинга («Что такое кибербуллинг?»); 2) привести пример кибербуллинга.

«Кейс-метод» — 3 кейса (прошли процедуру согласованности экспертной оценки: W Кендалла = 0,965, $p < 0,01$), которые требовалось проанализировать и (1) оценить, является ли ситуация проявлением кибербуллинга (Да / Нет / Невозможно сделать вывод); (2) объяснить свой выбор.

По результатам выполнения заданий делался вывод о содержании представлений респондента о кибербуллинге как явлении: 1) полностью сформировано (нормативное представление) — 3 балла; 2) сформировано частично — 2 балла; 3) не сформировано (ошибочное представление) — 1 балл.

Успешность выполнения теста оценивалась по двум шкалам: 1) умение выделять систему необходимых и достаточных признаков кибербуллинга как явления (нормативное определение) и приводить пример («Признаки», α Кронбаха = 0,672) и 2) умение распознавать ситуации кибербуллинга и обосновывать свое решение («Кейсы», α Кронбаха = 0,628).

4. Моральная направленность принятия решений в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга — «Кейс-метод», включающий 5 кейсов, построенных по принципу моральных дилемм (разработаны авторами, прошли процедуру согласованности экспертной оценки W Кендалла = 0,954, $p < 0,01$). Каждая дилемма моделирует ситуацию, содержащую возможность кибербуллинга, и предлагает сделать выбор одного из четырех возможных вариантов ответа, которые имеют разную моральную направленность и ориентацию (по Л. Колбергу и К. Гиллиган): 1) этический, ориентированный на справедливость (ЭС); 2) этический, ориентированный на заботу (ЭЗ); 3) неэтический, ориентированный на справедливость (НС); 4) неэтический, ориентированный на заботу (НЗ).

По результатам решения кейсов оценивалось количество выборов (решений) определенной направленности, сделанных каждым респондентом, и рассчитывалась сумма предпочитаемых альтернатив (склонность принимать этические или неэтические решения, ориентированные на справедливость или заботу).

Процедура

Оценка изучаемых переменных проводилась в форме анонимного опроса на базе Интернет-платформы Google. Полученные данные проанализированы с использованием инструментов первичной описательной и непараметрической статистики (коэффициент корреляции Спирмена) в пакете программ Microsoft Excel 2010 и SPSS 23.0.

Результаты исследования

Из Таблицы 1 видно, что представления респондентов о кибербуллинге как явлении сформированы частично. Высоким уровнем развития коммуникативных умений обладают далеко не все респонденты, однако у большей части испытуемых данное умение развито на хорошем уровне. При принятии решений в ситуациях потенциально кибербуллинга преобладают этические выборы. В основном у респондентов доминируют суждения Постконвенционального уровня и уровней Самопожертвование и Самоуважение. Однако суждения уровня Самоозабоченности и Доконвенционального также присутствуют.

Таблица 1

Описательные статистики изучаемых переменных

Переменные	N	M	SD	min	max
Кейсы (распознавание кибербуллинга)	85	2,38	0,55	3	9
Признаки кибербуллинга	85	2,25	0,58	0	6
Общие представления о кибербуллинге	85	2,32	0,56	3	15
Этичные справедливость	85	2,16	1,08	0	4
Этичные забота	85	2,09	1,01	0	4
Неэтичные справедливость	85	0,18	0,39	0	1
Неэтичные забота	85	0,55	0,56	0	2
Коммуникативные умения	85	71,47	12,99	35	98
Власть авторитета (Доконвенциональный)	85	6,70	2,06	3	11
Обмен ты — мне, я — тебе (Доконвенциональный)	85	6,96	2,27	3	14
Ориентация на мнение других (Конвенциональный)	85	8,67	2,08	3	13
Социальный закон и порядок (Конвенциональный)	85	8,48	2,34	4	14
Социальный контакт (Постконвенциональный)	85	11,55	2,20	7	15
Этические принципы (Постконвенциональный)	85	10,62	2,10	5	15
Ориентация на себя (Самоозабоченность)	85	9,00	2,11	3	15
Ориентация на интересы других (Самоозабоченность)	85	10,72	2,20	5	15
Защита прав других (Самопожертвование)	85	10,85	2,17	5	15
Эмпатическая ориентация (Самопожертвование)	85	10,72	2,20	5	15
Учет интериоризированных ценностей (Самоуважение)	85	20,63	3,13	11	28

Table 1

Descriptive statistics of the variables under study

Variables	N	M	SD	min	max
Case studies (recognising cyberbullying)	85	2.38	0.55	3	9
Signs of cyberbullying	85	2.25	0.58	0	6
Common perception of cyberbullying	85	2.32	0.56	3	15
Ethical justice	85	2.16	1.08	0	4
Ethical care	85	2.09	1.01	0	4
Unethical justice	85	0.18	0.39	0	1
Unethical care	85	0.55	0.56	0	2
Communication Skills	85	71.47	12.99	35	98
Power of authority (Preconventional)	85	6.70	2.06	3	11
You-to-me — Me-to-you exchange (Pre-Conventional)	85	6.96	2.27	3	14
Orientation to the opinion of others (Conventional)	85	8.67	2.08	3	13
Social Law and Order (Conventional)	85	8.48	2.34	4	14
Social contact (Postconventional)	85	11.55	2.20	7	15
Ethical Principles (Postconventional)	85	10.62	2.10	5	15
Self-orientation (Self-Care)	85	9.00	2.11	3	15
Focusing on the interests of others (Self-Care)	85	10.72	2.20	5	15
Protecting the rights of others (Self-sacrifice)	85	10.85	2.17	5	15
Empathic orientation (Self-sacrifice)	85	10.72	2.20	5	15
Consideration of internalised values (Self-esteem)	85	20.63	3.13	11	28

Таблица 2
Значимые связи между содержанием представлений о кибербуллинге и коммуникативными умениями

Переменные	Кейсы (распознавание кибербуллинга)	Признаки кибербуллинга	Коммуникативные умения
Кейсы (распознавание кибербуллинга)	1,000		
Признаки кибербуллинга	0,377**	1,000	
Коммуникативные умения	0,283**	0,042	1,000

* — $p \leq 0,05$; ** — $p \leq 0,01$

Table 2
Significant relationships between the content of cyberbullying concept and communication skills

Variables	Case studies (recognising cyberbullying)	Signs of cyberbullying	Communication Skills
Case studies (recognising cyberbullying)	1.000		
Signs of cyberbullying	0.377**	1.000	
Communication Skills	0.283**	0.042	1.000

* — $p \leq 0.05$; ** — $p \leq 0.01$

Таблица 3
Связь моральной направленности выборов с субшкалами уровней морального развития, коммуникативных умений, представлениями о кибербуллинге

Переменные	Этичные Справедливость	Этичные Забота	Неэтичные Справедливость	Неэтичные Забота
Коммуникативные умения	0,160	0,160	0,053	-0,239*
Общие представления о кибербуллинге	-0,040	0,220*	-0,143	-0,201
Власть авторитета (Доконвенциональный)	-0,130	0,053	0,256*	-0,005
Обмен ты — мне, я — тебе (Доконвенциональный)	-0,246*	0,120	0,081	0,236*
Защита прав других (Самопожертвование)	0,236*	-0,161	-0,133	-0,088
Учет интериоризированных ценностей (Самоуважение)	0,230*	-0,134	-0,266*	-0,048

* — $p \leq 0,05$

Table 3
Correlations between moral decision-making, subscales of moral development, communication skills, and perception of cyberbullying

Переменные	Ethical Justice	Ethical Care	Unethical Justice	Unethical Care
Communication Skills	0.160	0.160	0.053	-0.239*
Common perceptions of cyberbullying	-0.040	0.220*	-0.143	-0.201
Power of authority (Preconventional)	-0.130	0.053	0.256*	-0.005
You-to-me — Me-to-you exchange (Pre-Conventional)	-0.246*	0.120	0.081	0.236*
Protecting the rights of others (Self-sacrifice)	0.236*	-0.161	-0.133	-0.088
Consideration of internalised values (Self-esteem)	0.230*	-0.134	-0.266*	-0.048

* — $p \leq 0.05$

В результате корреляционного анализа установлены значимые связи между содержанием представлений о кибербуллинге и коммуникативными умениями (Таблица 2). Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты, которые лучше распознают ситуации кибербуллинга, чаще выделяют все призна-

ки понятия и обладают более развитыми коммуникативными умениями.

Результаты анализа моральной направленности решений в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга, и изучаемыми переменными системы интеллектуально-личностного потенциала

студентов показали, что существуют значимые связи между (Таблица 2):

- этическими выборами («Этичные Справедливость», «Этичные Забота»), субшкалами уровней морального развития («Доконвенциональный», «Самопожертвование», «Самоуважение») и содержанием представлений о кибербуллинге («Общие представления о КБ» — это умение выделять признаки понятия и распознавать ситуации КБ);
- неэтическими выборами («Неэтичные Справедливость», «Неэтичные Забота»), субшкалами уровней морального развития («Доконвенциональный», «Самоуважение») и коммуникативными умениями (Таблица 3).

Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты, чаще выбирающие этические решения, реже стремятся взаимодействовать с людьми исключительно из личной выгоды, они с пониманием относятся к ценностям других людей и считают, что все имеют право на защиту. При этом у таких респондентов на высоком уровне сформированы представления о кибербуллинге.

Респонденты, чаще выбирающие неэтичные решения, обладают низким уровнем развития коммуникативных умений, реже учитывают ценности других людей, ищут личную выгоду от общения и считают, что порядок в обществе может быть обеспечен только с помощью силы или власти.

Обсуждение результатов

Установленная нами значимая связь между содержанием представлений о кибербуллинге, умением выделять его признаки и распознавать их при анализе кейсов (Таблица 2) соотносится с данными о связи особенностей содержания представлений об экономических правонарушениях (коррупции) у респондентов и их умения ее распознать в ситуации неопределенности. Где показано, что чем полнее содержание представлений старшеклассников и студентов о коррупции, тем лучше развито их умение выделять существенные признаки данного типа правонарушений и умение распознавать коррупционное поведение в кейсах (Погожина, Сергеева, 2021).

Выявленная значимая связь между коммуникативными умениями и содержанием представлений о кибербуллинге (Таблица 1) свидетельствует о том, что респонденты, которые больше общаются и, следовательно, имеют более развитые коммуникативные умения, чаще распознают ситуации кибербуллинга, выделяют признаки его проявления и лучше представляют, как вести себя в таких ситуациях, чтобы не навредить себе и собеседнику. Полученные данные соотносятся с исследованием о связи социальной и эмоциональной компетентности с кибербуллингом. Пользователи, применяющие знания и навыки для управления собственными эмоциями и эмоциями

других, при построении и поддержании желаемых межличностных отношений и принятии ответственных решений, показывают низкий уровень агрессивного и антисоциального поведения (Marin-Lopez et al., 2020).

Обнаруженная значимая отрицательная связь между этическими выборами и субшкалой Доконвенционального уровня — «Обмен ты — мне, я — тебе» свидетельствует о том, что респонденты, чаще выбирающие этические решения, не стремятся взаимодействовать с людьми исключительно из личной выгоды. Также они не ставят в приоритет только свои интересы, а опираются на ценности других людей. На это указывает и значимая положительная связь этических выборов с показателями субшкал уровней Самопожертвование и Самоуважение — «Защита прав других» и «Сознательный учет интериоризированных ценностей» (Таблица 3). Полученные нами результаты соотносятся с исследованием макиавеллизма как предиктора манипулятивной стратегии поведения. Где положительная связь с доконвенциональным уровнем указывает на соблюдение предписанных норм исключительно в целях избегания наказания. Отрицательная связь с постконвенциональной моралью по Л. Колбергу и самоуважением по К. Гиллиган указывает на руководство универсальными этическими принципами и как следствие отношением к другому человеку как к непосредственной ценности (Корнилова, Чигринова, 2010).

Установленная значимая положительная связь между этическими решениями и содержанием представлений о кибербуллинге свидетельствует о том, что респонденты, лучше осведомленные о данном явлении, чаще склоняются в пользу этических ответов (Таблица 3). Полученные результаты соотносятся с результатами исследования о принятии решений в ситуации неопределенности. С ростом осведомленности о ситуации (в процессе анализа информации) снижается уровень неопределенности в неоднозначной ситуации, поскольку появляются представления о целях собственного выбора и осознаются принципы принятия решения (Корнилова, 2016). Также полученные данные соотносятся с выделением в эмпатии (как одного из оснований при принятии морального решения в периодизации Гиллиган) не только аффективной, но также когнитивной составляющей (Корнилова, 2022). Помимо этого, обучение этическим нормам поведения повышает моральную осведомленность и приводит к принятию этических решений (Kim, 2021). В то время как низкая моральная осведомленность приводит к более аморальному поведению (Reynolds, Miller, 2015).

Выявленная отрицательная связь между неэтическими выборами и уровнем развития коммуникативных умений указывает на то, что недостаточно развитые коммуникативные умения могут способствовать «неправильным» или неэтичным ответам в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга (Таблица 3). Это соотносится с исследованием

коммуникативной компетентности школьников, развитие которой (повышение лингвистических, дискурсивных, социокультурных и стратегических знаний и навыков) способствует эффективному разрешению конфликтов в классе (в том числе буллинга) и в целом формированию доброжелательных взаимоотношений между детьми (Gonzalez-Alonso et al., 2020).

Обнаруженная положительная связь неэтичных выборов с субшкалами Доконвенционального уровня — «Обмен ты — мне, я — тебе» и «Власть авторитета, боязнь наказаний» указывает на стремление респондентов, выбирающих неэтичный стиль ответов чаще искать личную выгоду от общения и считать, что порядок в обществе может быть обеспечен только с помощью силы или власти (Таблица 3). Установленная зависимость соотносится с результатами исследования представлений об этических нормах в интернет-общении, демонстрирующего, что респонденты с высоким уровнем моральных представлений позитивно относятся к этическим нормам и готовы их соблюдать, тогда как респонденты с низким уровнем морального развития допускают возможность нарушения правил и стремятся тем или иным способом оправдывать свои действия (Карабанова, Георгиевская, 2019).

Выводы

Установлены значимые связи между моральной направленностью принимаемых решений (этичные, неэтичные) в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга, и психическими показателями системы интеллектуально-личностного потенциала студентов (уровень морального развития, развития коммуникативных умений, содержание представлений о

явлении кибербуллинга). Следовательно, гипотеза исследования подтверждена.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

1. Студенты с развитыми коммуникативными умениями чаще распознают ситуации, содержащие возможность кибербуллинга, выделяют признаки его проявления и лучше представляют, как себя в таких ситуациях вести, чтобы не навредить себе и собеседнику.
2. Полностью сформированное (нормативное) содержание представлений о явлении кибербуллинга повышает процент выбора этических решений в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга.
3. Студенты, чаще выбирающие этичные решения, не стремятся взаимодействовать с людьми исключительно из личной выгоды, они не ставят в приоритет только свои интересы, а опираются на ценности других людей.
4. Студенты, выбирающие неэтичные решения в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга, чаще ищут личную выгоду от общения и считают, что порядок в обществе может быть обеспечен только с помощью силы или власти (доконвенциональный уровень морального развития).

Полученные данные позволяют нам предположить, что формирование полного содержания представлений о таком явлении, как кибербуллинг, повышение коммуникативной компетентности студентов и развитие системы моральных представлений у интернет-пользователей может снизить показатели неэтичных решений в ситуациях, содержащих возможность кибербуллинга. Изучение этого выступит целью нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

- Арутюнова, К.Р., Александров, Ю.И. (2019). Мораль и субъективный опыт. Послесловие Р.Г. Апресяна. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Виноградов, М.В., Ульянина, О.А. (2020). Психологические аспекты информационного воздействия на сотрудников органов внутренних дел. *Психология и право*, 10(1), 18–29. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100102>
- Войскунский, А.Е. (2010). Психология и Интернет. Москва: Изд-во «Акрополь».
- Гильбух, Ю.З. (1995). Тест-опросник коммуникативных умений: для подростков и старшеклассников. Киев: Изд-во Научно-практического центра «Перспектива».
- Заикин, В. (2012). Современные тенденции развития психологии морали: социально-психологический взгляд. *Психологические исследования*, 5(21). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i21.801>
- Карабанова, О.А., Георгиевская, М.А. (2019). Представления об этических нормах Интернет-общения у пользователей юношеского возраста. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 43(4), 107–125.
- Корнилова, Т.В. (2015). Принцип неопределенности в психологии выбора и риска. *Психологические исследования*, 8(40). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553>
- Корнилова, Т.В. (2016). Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. Санкт-Петербург: Изд-во «Нестор-История».
- Корнилова, Т.В. (2022). Единство интеллекта и аффекта в множественной регуляции эмпатии. *Национальный психологический журнал*, (1), 94–103. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0108>
- Корнилова, Т.В., Чигринова, И.А. (2010). Личностные ценности, принятие неопределенности и макиавеллизм как предикторы морального выбора. Экспериментальная психология в России: традиции и перспективы, 670–675. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/exp_collection/contents/34742?ysclid=m0c62hcoyg256974674 (дата обращения: 20.05.2024).
- Леонтьев, Д.А., Мандрикова, Е.Ю., Рассказова, Е.И., Фам, А.Х. (2011). Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора. В кн.: Личностный потенциал: Структура и диагностика. Под ред. Д.А. Леонтьева. Москва: Изд-во «Смысл».
- Молчанов, С.В. (2003). Моральная ориентация подростков. *Психология и школа*, (1), 68–87.
- Молчанов, С.В. (2007). Морально-ценностные ориентации как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте. *Культурно-историческая психология*, (1), 73–80.

- Молчанов, С.В. (2011). Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 34(2), 59–72.
- Погожина, И.Н., Подольский, А.И., Идобаева, О.А., Подольская, Т.А. (2020). Цифровое поведение и особенности мотивационной сферы интернет-пользователей: логико-категориальный анализ. *Вопросы образования*, (3), 60–94.
- Погожина, И.Н., Сергеева, М.В. (2021). Когнитивный компонент в структуре правосознания студентов при анализе кейсов об экономических правонарушениях. *Российский психологический журнал*, 18(2), 122–137.
- Подольский, Д.А. (2005). Современные методы исследования морального развития. *Психология и школа*, (1), 100–127.
- Солдатова, Г.У., Войсунский, А.Е. (2021). Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, (3), 431–450.
- Солдатова, Г.У., Зотова, Е., Лебешева, М., Шляпников, В. (2013). Интернет: возможности, компетенции, безопасность. Методическое пособие для работников системы общего образования. Москва: Изд-во «Google».
- Солдатова, Г.У., Ярмина, А.Н. (2019). Кибербуллинг: особенности, ролевая структура, детско-родительские отношения и стратегии совладания. *Национальный психологический журнал*, (3), 17–31.
- Чигринова, И.А. (2015). Интеллектуальная и ценностная регуляция личностного выбора (на материале моральных дилемм): дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Belsey, B. (2019). Cyberbullying: An Emerging Threat to the “Always On” Generation. URL: <http://www.billbelsey.com/?p=1827> (accessed: 15.01.2023).
- Gilligan, J. (1976). Beyond Morality: Psychoanalytic Reflections on Shame, Guilt and Love. *Moral Development and Behavior: Theory, Research and Social Issues*, 144–158.
- Gonzalez-Alonso, F., Guillen-Gamez, F.D., de Castro-Hernandez, R.M. (2020). Methodological Analysis of The Effect of an Anti-Bullying Program in Secondary Education Through Communicative Competence: a Pre-Test–Post-Test Study with a Control-Experimental Group. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(9), 3047.
- Kim, J., Loewenstein, J. (2021). Analogical Encoding Fosters Ethical Decision Making Because Improved Knowledge of Ethical Principles Increases Moral Awareness. *Journal of Business Ethics*, (172), 307–324.
- Kohlberg, L. (1984). Essays on moral development. Vol. 2. The Psychology of moral development. San-Francisco: Harper & Row Publ.
- Marin-Lopez, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Hunter, S.C., Llorent, V.J. (2020). Relations Among Online Emotional Content Use, Social and Emotional Competencies and Cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, (108), 104647.
- Reynolds, S.J., Miller, J.A. (2015). The Recognition of Moral Issues: Moral Awareness, Moral Sensitivity and Moral Attentiveness. *Current Opinion in Psychology*, 6, 114–117.
- Sezer, O., Gino, F., Bazerman, M.H. (2015). Ethical Blind Spots: Explaining Unintentional Unethical Behavior. *Current Opinion in Psychology*, (6), 77–81.
- Skarbez, R., Smith, M., Whitton, M.C. (2021) Revisiting Milgram and Kishino’s Reality-Virtuality Continuum. *Front. Virtual Real*, (2), 647997. <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.647997>
- Steffgen, G., Konig, A., Pfetsch, J., Melzer, A. (2011) Are Cyberbullies Less Empathic? Adolescents’ Cyberbullying Behavior and Empathic Responsiveness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social networking*, 14(11), 643–648. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0445>
- Zych, I., Gómez-Ortiz, O., Fernández Touceda, L., Nasaescu, E., Llorent, V.J. (2020). Parental Moral Disengagement Induction as a Predictor of Bullying and Cyberbullying: Mediation by Children’s Moral Disengagement, Moral Emotions, and Validation of a Questionnaire. *Child Indicators Research*, (13), 1065–1083.

References

- Arutyunova, K.R., Aleksandrov, Yu.I. (2019). Moral and subjective experience. Afterword by R.G. Apresyan. Moscow: Institute of Psychology of RAS Publ. (In Russ.)
- Belsey, B. (2019). Cyberbullying: An Emerging Threat to the “Always On” Generation. URL: <http://www.billbelsey.com/?p=1827> (accessed: 15.01.2023).
- Chigrinova, I.A. (2015). Intellectual and value regulation of personal choice (on the material of moral dilemmas). Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)
- Gil’bukh, Yu.Z. (1995). Test-questionnaire of communicative skills: for teenagers and high school students. In: Yu.Z. Gil’bukh, (ed.). Kiev: NPC Perspektiva Publ. (In Russ.)
- Gilligan, J. (1976). Beyond Morality: Psychoanalytic Reflections on Shame, Guilt and Love. *Moral Development and Behavior: Theory, Research and Social Issues*, 144–158.
- Gonzalez-Alonso, F., Guillen-Gamez, F.D., de Castro-Hernandez, R.M. (2020). Methodological Analysis of The Effect of an Anti-Bullying Program in Secondary Education Through Communicative Competence: a Pre-Test–Post-Test Study with a Control-Experimental Group. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17(9), 3047.
- Karabanova, O.A., Georgievskaya, M.A. (2019). Perceptions of ethical Norms of Internet Communication Among Teenage Users. *Moscow University Psychology Bulletin*, 43(4), 107–125. (In Russ.)
- Kim, J., Loewenstein, J. (2021). Analogical Encoding Fosters Ethical Decision Making Because Improved Knowledge of Ethical Principles Increases Moral Awareness. *Journal of Business Ethics*, 172, 307–324.
- Kohlberg L. (1984). Essays on moral development. Vol. 2: The Psychology of moral development. San-Francisco: Harper & Row Publ.
- Kornilova, T.V. (2015). The Uncertainty Principle in Choice and Risk Psychology. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8(40). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553>
- Kornilova, T.V. (2016). Intellectual-personal potential of the person in conditions of uncertainty and risk. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)
- Kornilova, T.V. (2022). The Unity of Intellect and Affect in Multidimensional Regulation of Empathy. *National Psychological Journal*, (1), 94–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0108>
- Kornilova, T.V., Chigrinova, I.A. (2010). Personal Values, Acceptance of Uncertainty and Machiavellianism as Predictors of Moral Choice. In: V.A. Barabanshchikov, (ed.). *Experimental psychology in Russia: traditions and prospects*, 670–675. URL: https://psyjournals.ru/nonserialpublications/exp_collection/contents/34742?ysclid=m0c62hcoyg256974674 (accessed: 20.05.2024). (In Russ.)

- Marin-Lopez, I., Zych, I., Ortega-Ruiz, R., Hunter, S.C., Llorent, V.J. (2020). Relations Among Online Emotional Content Use, Social and Emotional Competencies and Cyberbullying. *Children and Youth Services Review*, (108), 104647.
- Molchanov, S.V. (2003). Moral Orientation of Teenagers. *Psikhologiya i Shkola = Psychology and School*, (1), 68–87. (In Russ.)
- Molchanov, S.V. (2007). Moral-Value Orientations as a Function of the Social Situation of Development in Adolescence and Adolescence. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, (1), 73–80. (In Russ.)
- Molchanov, S.V. (2011). Morality of Justice and Morality of Care: Foreign and Domestic Approaches to Moral Development. *Moscow University Psychology Bulletin*, 34(2), 59–72. (In Russ.)
- Podol'skii, D.A. (2005). Modern Methods of Research of Moral Development. *Psikhologiya i Shkola = Psychology and School*, (1), 100–127. (In Russ.)
- Pogozhina, I.N., Podol'skii, A.I., Idobaeva, O.A., Podol'skaya, T.A. (2020). Digital Behavior and Motivational Features of Internet-Users: Logical-Categorical Analysis. *Voprosy Obrazovaniya = Questions of Education*, (3), 60–94. (In Russ.)
- Pogozhina, I.N., Sergeeva, M.V. (2021). The Cognitive Component in The Structure of Students' Legal Consciousness When Analyzing Cases of Economic Offenses. *Rossiiskii Psikhologicheskii Zhurnal = Russian Psychological Journal*, 18(2), 122–137. (In Russ.)
- Reynolds, S.J., Miller, J.A. (2015). The Recognition of Moral Issues: Moral Awareness, Moral Sensitivity and Moral Attentiveness. *Current Opinion in Psychology*, 6, 114–117.
- Sezer, O., Gino, F., Bazerman, M.H. (2015). Ethical Blind Spots: Explaining Unintentional Unethical Behavior. *Current Opinion in Psychology*, (6), 77–81.
- Skarbez, R., Smith, M., Whitton, M.C. (2021). Revisiting Milgram and Kishino's Reality-Virtuality Continuum. *Front. Virtual Real*, (2), 647997. <https://doi.org/10.3389/frvir.2021.647997>
- Soldatova, G.U., Voiskunskii, A.E. (2021). Social-Cognitive Concept of Digital Socialization: New Ecosystem and Social Evolution of Psyche. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki = Psychology Journal of the Higher School of Economics*, (3), 431–450. (In Russ.)
- Soldatova, G.U., Yarmina, A.N. (2019). Cyberbullying: Features, Role Structure, Child-Parent Relations and Coping Strategies. *National Psychological Journal*, (3), 17–31. (In Russ.)
- Soldatova, G.U., Zotova, E., Lebesheva, M., Shlyapnikov, V. (2013). Internet: capabilities, competences, safety. Methodological handbook for workers in the general education system. Moscow: Google Publ. (In Russ.)
- Steffgen, G., Konig, A., Pfetsch, J., Melzer, A. (2011). Are Cyberbullies Less Empathic? Adolescents' Cyberbullying Behavior and Empathic Responsiveness. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 14(11), 643–648. <https://doi.org/10.1089/cyber.2010.0445>
- Vinogradov, M.V., Ulyanina, O.A. (2020). Psychological Aspects of Informational Influence on Employees of Internal Affairs Bodies. *Psikhologiya i Pravo = Psychology and Law*, 10(1), 18–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100102>
- Voiskunskii, A.E. (2010). Psychology and the Internet. Moscow: Akropol' Publ. (In Russ.)
- Zaikin, V. (2012). Modern Trends in The Development of The Psychology of Morality: a Socio-Psychological View. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 5(21). (In Russ.). <https://doi.org/10.54359/ps.v5i21.801>
- Zych, I., Gómez-Ortiz, O., Fernández Touceda, L., Nasaescu, E., Llorent, V.J. (2020). Parental Moral Disengagement Induction as a Predictor of Bullying and Cyberbullying: Mediation by Children's Moral Disengagement, Moral Emotions, and Validation of a Questionnaire. *Child Indicators Research*, (13), 1065–1083.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Ирина Николаевна Погожина, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, pogozhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3778-7110>

Irina N. Pogozhina, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, pogozhina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3778-7110>



Ольга Сергеевна Рекун, аспирант кафедры психологии образования и педагогики факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, orekuna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5641-1859>

Olga S. Rekun, Postgraduate Student, the Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, orekuna@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5641-1859>

Поступила: 21.06.2023; получена после доработки: 23.09.2023; принята в печать: 16.07.2024.

Received: 21.06.2023; revised: 23.09.2023; accepted: 16.07.2024.

ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ / EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/npj.2024.0309>
УДК 159.923

Связь отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи

М.Е. Сачкова^{1,2}✉, Л.Э. Семенова³

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация

³Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация

✉ msachkova@mail.ru

Резюме

Актуальность. В современном мире растет озабоченность глобальными рисками, в том числе и среди молодежи. При этом имеются сведения о широком распространении в молодежной среде суеверий и других вариантов веры в паранормальное, обращение к которым происходит, прежде всего, в ситуациях нестабильности для снижения тревоги и достижения ощущения безопасности. Однако до сих пор остается не уточненным вопрос о характере взаимосвязи отношения к глобальным рискам с рядом личностных особенностей, среди которых вера в паранормальное и самоэффективность, которую в плане активных действий можно рассматривать как противоположность суеверности.

Цель. Выявление специфики связей отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи.

Методы. Эмпирическое исследование проводилось в онлайн-формате с помощью психодиагностических методов: «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика в адаптации Д.С. Григорьева, «Шкала общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека, опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика. С помощью корреляционного анализа были установлены статистически значимые связи структурных компонентов отношения к глобальным рискам с вариантами веры в паранормальное и личностной характеристикой самоэффективности у студенческой молодежи.

Результаты. Установлено, что отношение студенческой молодежи к глобальным рискам связано с их различными проявлениями веры в паранормальное. Наиболее сильные положительные связи обнаружены по таким компонентам отношения к глобальным рискам, как религиозный авторитаризм и апокалипсизм. И напротив, отрицательные связи зафиксированы между поведенческим компонентом готовности участвовать в превенции рисков, с одной стороны, и верой в предсказания и традиционной религиозной верой студенческой молодежи, с другой. Также констатированы положительные взаимосвязи самоэффективности с когнитивными компонентами отношения к глобальным рискам — оптимизмом и религиозным авторитаризмом.

Выводы. Полученные результаты свидетельствуют о содержательной близости религиозного авторитаризма и апокалипсизма с верой в сверхъестественное у студентов. При этом общая самоэффективность также связана с религиозным авторитаризмом как стратегией предотвращения глобальных рисков и угроз.

Ключевые слова: отношение к глобальным рискам, суеверность, вера в паранормальное, самоэффективность, студенческая молодежь

Для цитирования: Сачкова, М.Е., Семенова, Л.Э. (2024). Связь отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи. *Национальный психологический журнал*, 19(3), 115–127. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0309>

Relationship Between Attitude to Global Risks, Belief in the Paranormal and Self-Efficacy among Students

Marianna E. Sachkova^{1,2}✉, Lidiya E. Semenova³

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

² Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation

³ National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ msachkova@mail.ru

Abstract

Background. There is a growing concern about global risks, including among young people in the modern world. At the same time, there also appears information about the wide spread of superstitions and other variants of belief in the paranormal among young people. The appeal to the paranormal occurs primarily in situations of instability and is aimed at reducing anxiety and achieving a sense of security. However, there is still an unspecified question about the nature of the relationship between the attitude to global risks and a number of personal characteristics, including belief in the paranormal and self-efficacy, which in terms of active actions can be considered as the opposite of superstition.

Objective. The goal is to identify the specifics of the relationship between attitudes to global risks and the belief in the paranormal and self-efficacy among students.

Methods. The empirical research was conducted in an online format using psychodiagnostic techniques: “The scale of belief in the paranormal” by J. Tobacyk in the adaptation of D.S. Grigoriev, “The scale of general self-efficacy” by R. Schwarzer and M. Yerusalem in the adaptation of V.G. Romek, the questionnaire “Attitude to global risks” by T.A. Nestik. Statistically significant connections between the structural components of the attitude to global risks with the variants of belief in the paranormal and the personal evaluation of self-efficacy among students were established.

Results. It is found that the attitude of students to global risks is associated with various manifestations of belief in the paranormal. The strongest positive links were found in such components of the attitude to global risks as religious authoritarianism and apocalypticism. On the contrary, negative connections are recorded between the readiness to participate in risk prevention, on the one hand, and faith in predictions and the traditional religious belief of students, on the other hand. A positive relationship between self-efficacy and the cognitive components of the attitude to global risks — optimism and religious authoritarianism — was also found.

Conclusions. The results obtained indicate the substantial proximity of religious authoritarianism and apocalypticism with a belief in the supernatural among students. At the same time, general self-efficacy is a personal characteristic associated with optimism and religious authoritarianism as a strategy for preventing global risks and threats.

Keywords: attitude to global risks, superstition, belief in the paranormal, self-efficacy, student youth

For citation: Sachkova, M.E., Semenova, L.E. (2024). Relationship between attitude to global risks, belief in the paranormal and self-efficacy among students. *National Psychological Journal*, 19(3), 115–127. <https://doi.org/10.11621/npj.2024.0309>

Введение

Современный мир изобилует скрытыми и открытыми (вполне очевидными) угрозами для безопасности общества и личности, поэтому неслучайно психология риска уже прочно заняла свою нишу среди актуальных направлений психологических исследований (Емельянова, Белых, 2019; Нестик, Журавлев, 2018; Нестик, Николаев, 2020; Beck, 2011; Boustras, Waring, 2020 и др.).

Так, в частности, в российской психологии в последние годы появились данные, иллюстрирующие специфику отношения к глобальным рискам разных слоев населения, представителей разных возрастных групп, в том числе и молодежи. Установлено, что глобальные риски начинают вызывать озабоченность

у современного молодого поколения, а тревоги по поводу будущего все чаще становятся связанными с глобальными угрозами, вызванными политическими и экономическими процессами (Нестик, Журавлев, 2018). Констатированы некоторые отличия в отношении к глобальным рискам у студентов с православным и светским мировоззрением в плане стратегий предотвращения этих угроз, что происходит посредством актуализации религиозных ценностей либо политического компромисса и международного сотрудничества (Емельянова, Белых, 2019). Кроме того, подчеркивается значимость для поддержания уверенности в предотвращении глобальных рисков таких социально-психологических ресурсов личности, как высокий уровень образования и доверия к миру, высокий социальный статус, удовлетворенность основных потребностей, субъективное благополучие,

эмоциональная стабильность и др. (Человек в условиях глобальных рисков, 2020).

При этом в самой структуре отношения к глобальным рискам Т.А. Нестик выделяет следующие компоненты: ценностно-мотивационный (субъективная значимость глобальных рисков, ценность жизни и ее продолжения в других поколениях, использование допустимых способов их предотвращения), когнитивный (представления о рисках, способах превенции, их оценка и прогнозирование), аффективный (выраженность тревоги, позитивное или негативное восприятие будущего человечества) и поведенческий (готовность участвовать в предотвращении угроз, а также во время и после катастроф) (Нестик, 2016).

В то же время, помимо специфики содержания и структурно-динамических характеристик отношения к глобальным рискам, в центре внимания ряда исследователей оказывается оценка таких возможных исходов, как рост социального пессимизма, утрата чувства защищенности, страх, уязвимость, неспособность контролировать происходящее, управлять будущим и даже в целом выученная беспомощность, еще больше повышающих риск катастрофических последствий (Нестик, Журавлев, 2018). Как следствие, в результате утраты чувства безопасности у человека могут актуализироваться различные механизмы психологической защиты, одним из которых может стать феномен суеверия (Лебедев, 1987; Ольшанский, 2002; Саенко, 2006).

Анализируя феномен суеверий, Л. Леви-Брюль рассматривал их как подвид коллективных представлений, источником которых является мифологическое мышление. Согласно его точке зрения, суеверия практически не поддаются критике и формируются с раннего возраста в виде навязанного мнения. Они представляют собой аффективно-интеллектуальный комплекс, выполняющий компенсирующую, защитную роль (Леви-Брюль, 1994). В свою очередь в логике подхода Дж. Тобасика, предложившего оригинальный диагностический опросник, суеверия определяются как частный случай, один из вариантов веры в паранормальное наряду с традиционной религиозной верой, верой в пси-способности, спиритизм, колдовство и т.д. (Тобасук, Milford, 1983). При этом суеверность рассматривается как социально-психологическое свойство личности, определяющее склонность человека к вере в сверхъестественное и паранормальное (Андрюшкова, 2016).

Как показывают исследования, вера в паранормальное, потребность в мистицизме обусловлены актуальными процессами экономического, политического, культурного и национального характера и присущи людям различного пола, возраста, социального статуса, образования и профессий (Измоденова, 2013; Караваева, 2015; Строгальщикова, 2012). Так, М.Ю. Строгальщикова приводит данные, согласно которым 38% студентов-психологов верят в черную магию, некоторые носят талисманы, верят в родовое

проклятие и доверяют гаданию по руке (Строгальщикова, 2012). Практически аналогичные результаты получены и в исследовании А.В. Юревича и М.А. Юревича: до 42% учащихся вузов подвержены верованиям в паранормальные явления, при этом меньше всего они сомневаются в таких явлениях, как переселение душ, колдовство и магия, т.е. в том, что сложно проверить, в сравнении, например, с телекинезом или телепортацией (Юревич, Юревич, 2013). А по данным еще одного исследования, суеверными себя считают вообще 76% студентов (Воронежский, Зинченко, 2016).

По мнению Ю.В. Саенко, суеверность может рассматриваться как аффективный стиль реагирования личности в необычных, стрессогенных ситуациях, вызывающих страх и тревогу, в основе которого лежит базовая потребность в безопасности и который проявляется в обращении к сверхъестественным силам (Саенко, 2006). Причем суеверность людей сосуществует наряду с рациональностью и резко возрастает в так называемые кризисные периоды, в сложных, экстремальных жизненных ситуациях, ситуациях неопределенности, утраты контроля и повышенной ответственности, в состоянии эмоциональной напряженности и дезорганизации психической деятельности (Караваева, 2015; Лебедев, 1987; Почепцов, 2000; Саенко, 2006). Усилить веру в паранормальное может также фрустрирование значимых для личности потребностей (Саенко, 2004).

Другими словами, суеверия выполняют адаптационные и психотерапевтические функции (функции психологической поддержки): упрощают и стабилизируют образ постоянно меняющегося мира, делают его более понятным и прогнозируемым, создают иллюзию контроля над ситуацией, а также позволяют снять или снизить социальное напряжение (Строгальщикова, 2012; Boden, 2015), стабилизировать внутреннее состояние, преодолеть страх перед неизвестным, придают уверенность в завтрашнем дне, обеспечивают безопасность, защищают от негативных переживаний, связанных с реальностью, свободой и ответственностью, служат способом компенсации нереализованных потребностей (Блейлер, 1981; Измоденова, 2013; Саенко, 2006).

Однако в то же время существует мнение, что наряду с функцией психологической защиты суеверия, как и другие варианты веры в паранормальное, препятствуют конструктивной активности, преобразованию мира, реализации творческих способностей и в целом успешной социализации личности в условиях инновационного общества; они могут замедлять интеллектуальное развитие и самоактуализацию, стимулировать реактивное поведение (Блейлер, 1981; Саенко, 2006). Установлено, что суеверные люди обладают интеллектуальной пассивностью, экстернальным локусом контроля, повышенной внушаемостью и тревожностью (Абитов, Абдулина, 2023; Саенко, 2004, 2006; Saucier, 2010). Констатируется также связь суеверности с

пессимизмом и депрессией (Vyse, 2020). Поэтому и происходит обращение к предсказаниям и приметам для снижения тревоги и достижения ощущения безопасности. Более того, использование внешних средств поддержки поведения может быть также проявлением слабо развитой саморегуляции и низкой самоофективности (Леонтьев, 2016; Леонтьев, Осин, 2007), ведь, как было показано в более ранних исследованиях, самоофективность положительно связана с самоуважением, оптимизмом, мотивацией к активным действиям, в том числе в трудных ситуациях, и отрицательно — с тревожностью, беспомощностью, избеганием проблемы и пессимизмом (Крюкова, 2010; Шварцер и др., 1996).

Соответственно, говоря о вере в паранормальное, есть все основания полагать, что ее наличие может приводить личность к определенному отношению к глобальным рискам. В частности, если принять во внимание факт, что суеверность позволяет личности снимать с себя ответственность и во многом полагаться на внешние сверхъестественные силы, то в отношении глобальных рисков такая позиция является неконструктивной и даже опасной. Кроме того, в этом плане суеверность оказывается полной противоположностью самоофективности личности, под которой понимается оценка человеком собственной поведенческой компетентности, своих возможностей решать разнообразные жизненные задачи, т.е. уверенность личности в эффективности собственных действий (Bandura, 1977). Иными словами, если суеверность личности предполагает опору на что-то внешнее, т.е. демонстрирует склонность переносить ответственность с себя на внешние силы, то самоофективность личности, напротив, предполагает опору на себя, свои возможности. При самоофективности человек управляет собой, своим развитием, регулирует уровень собственных усилий, который он готов приложить для достижения поставленной цели (Толочек, 2013), тогда как при суеверности наблюдается нерешительность личности (Rogers et al., 2006) и склонность приписывать жизненные события независящим от самого человека обстоятельствам — судьбе, удаче или сверхъестественным силам (Saucier, 2010).

С позиции теории А. Бандуры, самоофективность есть когнитивный конструкт, убеждение личности в наличии необходимых подвластных контролю внутренних ресурсов, которое позволяет достаточно точно предсказать реальное поведение человека, его усилия и настойчивость, но отнюдь не успешность результата, который может быть обусловлен в том числе и внешними не подконтрольными человеку факторами (там же). Считается, что самоофективность личности не носит надситуативный характер, а является ситуационно специфичной, обусловленной контекстом деятельности. Однако последователь А. Бандуры — Р. Шварцер в ходе совместной с М. Ерусалемом разработки диагностической методики обосновал наличие особого мировоззренческого

конструкта — общей самоофективности — убежденности личности в своих внутренних ресурсах, способствующих успеху (готовности к преодолению любых трудностей, способности контролировать ситуацию, умения находить варианты решения проблем) и нашел убедительные доказательства того, что она является достаточно стабильной характеристикой (Schwarzer, Jerusalem, 1995).

Учитывая тот факт, что общая самоофективность относится к числу тех внутренних условий, которые личность создает или вовлекает, т.е. использует для решения собственных задач и достижения значимых целей, этот мировоззренческий конструкт можно рассматривать в качестве одного из ресурсов личности, которые, по словам Д.А. Леонтьева, «вкладываются, принося прибыль, но сами не расходуются» (Леонтьев, 2016, с. 26). В логике ресурсного подхода с позиций предложенной Р. Шварцером и М. Ерусалемом трактовки общая самоофективность может рассматриваться как универсальный метаресурс, обладание которым «дает выигрыш в самых разнообразных ситуациях» (там же, с. 22). В частности, Д.А. Леонтьев, считая самоофективность устойчивой психологической переменной, относит ее к одной из разновидностей личностных ресурсов, а именно: к группе психологических ресурсов саморегуляции, наряду с локусом контроля, толерантностью к неопределенности, рефлексией и др. (там же). При этом, принимая во внимание тот факт, что самоофективность оказывает влияние на паттерны мышления, целеполагание, мотивационную составляющую, способы принятия решений, действия, чувства и мысли, включая оптимистические или пессимистические сценарии развития событий (Шварцер и др., 1996), на наш взгляд, логично полагать, что она будет иметь связь и с отношением к глобальным рискам: его когнитивными (позицией о возможных способах решения, выраженностью оптимистических мыслей) и поведенческими (характером субъектной активности, степенью готовности действовать) паттернами.

Между тем в научной литературе четкого ответа на вопрос о характере связи между верой в паранормальное и отношением к глобальным рискам мы не находим. Более того, отсутствует четкий ответ на вопрос, как соотносятся вера в паранормальное и отношение к глобальным рискам с самоофективностью, которую можно считать «противоядием» от выученной беспомощности (Seligman, 1975), и, вероятно, тем ресурсом личности, способным противостоять возникновению негативных психологических последствий в ситуациях масштабных рисков и угроз. Иными словами, на данный момент не было проведено исследований, которые бы подтверждали наличие или отсутствие связей между различными компонентами отношения к глобальным рискам и стремлением личности обращаться к паранормальным (внешним) явлениям или опираться на собственные (внутренние) ресурсы.

Цель и гипотеза исследования

Целью нашего исследования стало выявление специфики связей отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное и самоэффективностью у студенческой молодежи.

Нами были выдвинуты следующие **гипотезы**:

1. Существует прямая взаимосвязь между верой в паранормальное с когнитивными и эмоциональными компонентами, а также обратная связь с поведенческими компонентами отношения к глобальным рискам у студенческой молодежи.

2. Чем выше уровень общей самоэффективности, тем выше оптимизм студентов (их вера в позитивный сценарий) в отношении глобального будущего и готовность активно действовать для защиты себя и своих близких.

Выборка

В исследовании принял участие 121 студент 1–4 курсов факультетов социально-гуманитарного (65 человек) и медицинского профилей (56 человек) вузов Москвы (57%) и Нижнего Новгорода (43%). Возраст респондентов от 18 до 22 лет ($M = 19,6$; $SD = 1,2$), 90% женского пола.

Методы и методики

Исследование проводилось в онлайн-формате в марте — июне 2022 года. Участие носило добровольный и анонимный характер.

Для сбора данных использовалась «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика в адаптации Д.С. Григорьева (Григорьев, 2015). В этой методике выделены 7 субшкал: традиционная религиозная вера, психоспособности (например, телекинез или левитация), колдовство, суеверия, спиритизм, экстраординарные формы жизни (например, существование снежного человека), предсказания (астрологов, экстрасенсов и других людей). Оценка каждой шкалы осуществлялась респондентами по 7-балльной шкале, где 1 — абсолютно не согласен, а 7 — абсолютно согласен с утверждением. Коэффициент α Кронбаха по шкалам от 0,73 до 0,83.

Степень выраженности самоэффективности измерялась с помощью «Шкалы общей самоэффективности» Р. Шварцера и М. Ерусалема в адаптации В.Г. Ромека (Шварцер и др., 1996). Данная методика сконструирована авторами с позиций концепции общей самоэффективности в русле социально-когнитивной теории личности А. Бандуры. Коэффициент α Кронбаха = 0,77.

В исследовании был также использован опросник «Отношение к глобальным рискам» Т.А. Нестика (Нестик, Журавлев, 2018), в котором утверждения оцениваются по 5-балльной шкале: от 1 — «совершенно не

согласен» до 5 — «полностью согласен». Этот опросник позволяет оценить аффективный (А), когнитивный (К) и поведенческий (П) компоненты отношения к рискам по 9 субшкалам: тревога по поводу рисков (А), необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения (К), фаталистическое игнорирование (К), религиозный авторитаризм (К), радикальные решения («одни выживают за счет других», К), оптимизм (К), апокалиптизм (К), готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков (П) и готовность к активным действиям для защиты себя и близких (П). Коэффициент α Кронбаха по шкалам от 0,65 до 0,95.

Кроме того, при заполнении анкеты респонденты указывали свой пол, возраст, курс обучения, факультет (специализацию).

Описательная статистика, корреляции между переменными вычислялись с помощью статистического пакета SPSS 26.0. В ходе статистического анализа были применены критерий Колмогорова — Смирнова, коэффициент Спирмена.

Результаты исследования

Полученные в исследовании результаты были подвергнуты сравнительному анализу со средними значениями, приведенными авторами методик в соответствии с данными по их стандартизации (Григорьев, 2015; Нестик, Журавлев, 2018; Шварцер и др., 1996). В связи с тем, что в нашей выборке преобладали респонденты женского пола, стандартизированные средние значения были так же применены для женщин. Кроме того, поскольку нами не были выявлены статистически значимые различия между результатами учащихся вузов Москвы и Нижнего Новгорода, а также между результатами студентов гуманитарного и медицинского профилей, мы исключили из анализа региональную специфику и специфику профессиональной подготовки учащейся молодежи и рассматривали как совокупную выборку всех респондентов, проживающих в условиях городов-миллионников.

Было обнаружено, что по всем шкалам «веры в паранормальное» значения в баллах ниже, чем средние нормативные: в особенности по субшкалам «психоспособности» и «колдовство» (более, чем на 1 балл), по субшкале «суеверия» различий нет. Стандартные отклонения по всем шкалам находятся в тех же границах, что и в описательной статистике по методике.

Описательная статистика на общей выборке респондентов показала, что вера в паранормальное у студентов социально-гуманитарных и медицинских факультетов вузов не имеет яркой выраженности (Таблица 1). Все значения находятся ниже среднего уровня, при этом самый высокий средний балл получен по традиционной вере, а меньше всего студенческая молодежь подвержена суевериям, вере в существовании экстраординарных форм жизни и в психоспособности людей.

Таблица 1
Описательная статистика

Шкалы		минимум Min	максимум Max	среднее M	станд. откл. Sd
Вера в паранормальное	традиционная религиозная вера	1,0	7,0	3,78	1,44
	пси-способности	1,0	6,8	2,60	1,50
	колдовство	1,0	7,0	3,19	1,77
	суеверия	1,0	5,3	2,17	1,27
	спиритизм	1,0	6,5	3,39	1,53
	экстраординарные формы жизни	1,0	6,3	2,98	1,18
	предсказания	1,0	7,0	3,12	1,47
Самооффективность		20	40	30,94	4,43
Отношение к глобальным рискам	тревога по поводу рисков	1,0	5,0	3,36	0,81
	необходимость сотрудничества	1,8	5,0	3,79	0,55
	фаталистическое игнорирование	1,5	4,5	3,12	0,62
	религиозный авторитаризм	1,0	5,0	2,44	0,78
	радикальные решения	1,2	4,2	2,20	0,66
	оптимизм	2,0	4,8	3,52	0,57
	апокалиптизм	1,0	4,3	2,34	0,74
	готовность участвовать	1,0	5,0	3,28	0,87
	готовность к активным действиям	1,7	5,0	3,36	0,70

Table 1
Descriptive statistics

Scale		Min	Max	M	Sd
Paranormal belief	Traditional religious belief	1.0	7.0	3.78	1.44
	Psi-belief	1.0	6.8	2.60	1.50
	Witchcraft	1.0	7.0	3.19	1.77
	Superstition	1.0	5.3	2.17	1.27
	Spiritualism	1.0	6.5	3.39	1.53
	Extraordinary life forms	1.0	6.3	2.98	1.18
	Precognition	1.0	7.0	3.12	1.47
Self-efficacy		20	40	30.94	4.43
Attitude to global risks	Anxiety about risks	1.0	5.0	3.36	0.81
	The need for cooperation	1.8	5.0	3.79	0.55
	Fatalistic ignoring	1.5	4.5	3.12	0.62
	Religious authoritarianism	1.0	5.0	2.44	0.78
	Radical solutions	1.2	4.2	2.20	0.66
	Optimism	2.0	4.8	3.52	0.57
	Apocalypticism	1.0	4.3	2.34	0.74
	Readiness to participate	1.0	5.0	3.28	0.87
	Readiness for active actions	1.7	5.0	3.36	0.70

По результатам оценки общей самооффективности мы можем утверждать, что студенты считают себя вполне способными успешно задействовать свои внутренние ресурсы при преодолении

препятствий и решения разного рода задач. Так, средний показатель (31 балл) свидетельствует о достаточно выраженном уровне самооффективности.

Наконец, по итогам исследования отношения к глобальным рискам можно констатировать, что здесь средние значения оказались выше нормативных. В частности, по аффективному компоненту «тревога по поводу глобальных рисков», когнитивным компонентам «необходимость сотрудничества», «фаталистическое игнорирование» и «оптимизм», субшкале «апокалиптизм» (до 0,5 б.), по «религиозному авторитаризму» и «радикальным решениям» различий нет. По поведенческим компонентам отношения студентов к глобальным рискам были также зафиксированы более высокие значения, чем нормативные (выше на 0,9 б. и 1,2 б. по двум шкалам).

Таким образом, если в когнитивном и эмоциональном компонентах отношение к рискам несколько повышено, но несущественно, то в поведенческом компоненте можно наблюдать большую готовность к личному участию в защите от угроз внешнего мира, что может свидетельствовать о повышении мобилизационного потенциала студенческой молодежи в современных условиях социальной нестабильности.

Для выявления специфики связей между отношением к глобальным рискам и определенным психологическим ресурсам, на которые могут опираться студенты, была проведена проверка на нормальность распределения по критерию Колмогорова — Смирнова, результат которой по всем шкалам ($p < 0,01$) показал необходимость дальнейшего использования непараметрических методов статистической обработки данных.

В Таблице 2 представлены результаты выявленных корреляций посредством коэффициента Спирмена.

Согласно результатам корреляционного анализа у студентов были обнаружены статистически значимые положительные связи между некоторыми шкалами веры в паранормальное и когнитивными компонентами отношения к глобальным рискам. В числе этих компонентов оказались «фаталистическое игнорирование», «религиозный авторитаризм», «оптимизм» и «апокалиптизм». При этом была зафиксирована только одна слабо выраженная связь веры в экстраординарные способности и апокалиптизма ($p < 0,05$). В то же время не было обнаружено связи веры в паранормальное с аффективным компонентом «тревога», когнитивным компонентом «необходимость сотрудничества» и поведенческим компонентом «готовность к активным действиям по защите себя и близких». Также было установлено, что поведенческий компонент «готовность участвовать в предотвращении рисков» имеет обратную взаимосвязь с традиционной верой ($p < 0,01$) и доверием к предсказаниям ($p < 0,05$). Таким образом, первая гипотеза подтвердилась частично.

Что же касается общей самооффективности студенческой молодежи, то у этой личностной характеристики были констатированы только две корреляции с религиозным авторитаризмом ($p < 0,01$) и оптимизмом ($p < 0,05$). Предполагаемая взаимосвязь самооффективности с готовностью предпринимать шаги для защиты себя и близких хотя и была обнаружена, но не достигла уровня значимости. Таким образом, наличие слабых корреляций приводит к мысли о том, что на данный момент мы не можем уверенно утверждать, что вторая гипотеза подтвердилась.

Таблица 2

Корреляционные связи показателей веры в паранормальное и самооффективности с отношением к глобальным рискам у студенческой молодежи (по Спирмену, $N = 121$)

Вера в паранормальное	Отношение к глобальным рискам								
	тревога по поводу рисков	необходимость сотрудничества	фаталистическое игнорирование	религиозный авторитаризм	радикальные решения	оптимизм	апокалиптизм	готовность участвовать	готовность к активным действиям
традиционная вера	0,02	-0,02	0,11	0,40***	0,03	0,21*	0,26**	-0,22**	0,01
пси-способности	-0,10	-0,01	0,26**	0,38***	0,27**	0,19*	0,37***	-0,17	-0,01
колдовство	-0,09	0,03	0,16	0,21*	0,14	0,19*	0,30***	-0,15	0,03
суеверия	-0,11	0,02	0,19*	0,33***	0,16	0,12	0,45***	-0,17	-0,04
спиритизм	-0,07	0,09	0,25**	0,26**	0,15	0,34***	0,31***	-0,12	-0,07
экстраординарные способы жизни	-0,05	-0,04	0,08	0,03	0,10	-0,03	0,18*	-0,03	0,01
предсказания	-0,05	0,09	0,25**	0,30***	0,18*	0,24**	0,39***	-0,18*	-0,01
самооффективность	-0,04	-0,01	-0,08	0,22**	0,09	0,19*	-0,09	-0,15	0,12

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$, *** $p \leq 0,001$

Table 2

The correlations of paranormal belief, self-efficacy and attitudes to global risks in student youth (Spearman coefficient, N = 121)

Paranormal belief	Attitudes to global risks								
	anxiety about risks	the need for cooperation	fatalistic ignoring	religious authoritarianism	radical solutions	optimism	apocalypticism	readiness to participate	readiness for active actions
traditional religious belief	0.02	-0.02	0.11	0.40***	0.03	0.21'	0.26**	-0.22**	0.01
psi belief	-0.10	-0.01	0.26**	0.38***	0.27**	0.19'	0.37***	-0.17	-0.01
witchcraft	-0.09	0.03	0.16	0.21'	0.14	0.19'	0.30***	-0.15	0.03
superstition	-0.11	0.02	0.19'	0.33***	0.16	0.12	0.45***	-0.17	-0.04
spiritualism	-0.07	0.09	0.25**	0.26**	0.15	0.34***	0.31***	-0.12	-0.07
extraordinary life forms	-0.05	-0.04	0.08	0.03	0.10	-0.03	0.18'	-0.03	0.01
precognition	-0.05	0.09	0.25**	0.30***	0.18'	0.24**	0.39***	-0.18'	-0.01
self-efficacy	-0.04	-0.01	-0.08	0.22**	0.09	0.19'	-0.09	-0.15	0.12

Note: * p ≤ 0.05. ** p ≤ 0.01. *** p ≤ 0.001

Обсуждение результатов

Результаты проведенного исследования показали, что в современных условиях роста международной напряженности отношение студенческой молодежи к глобальным рискам несколько выше, чем было обнаружено в предыдущих исследованиях (Нестик, Журавлев, 2018), однако не выходит за пределы среднего уровня. В частности, достаточно позитивным является то, что уровень тревоги не превышает границы нормы. При этом важным фактом стало то, что за последнее время в среде студенческой молодежи усилились тенденции к осознанию необходимости участвовать и готовности действовать в мероприятиях по предотвращению рисков, а также наметился рост оптимизма как веры в возможность построения позитивного будущего. Не исключено, что данная актуализация поведенческого компонента отношения к глобальным рискам была обусловлена как биосоциальными (в случае с пандемией), так и социально-геополитическими вызовами последних лет, которые способствовали усилению направленности молодежи на активное участие в защите от угроз. К тому же такая активность всегда подразумевает наличие некоторого социального оптимизма, ведь если нет уверенности, что можно разрешить ситуацию лучшим способом, то человек, напротив, становится пассивным и отстраненным.

Вместе с тем, что касается приверженности представлениям о сверхъестественном, то стоит отметить, что студенты гуманитарных и медицинских факультетов вузов в целом оказались мало склонны к мистицизму. Иными словами, наши результаты отличаются

от данных, полученных ранее другими авторами (Воронежский, Зинченко, 2016; Григорьев, 2015; Юревич, Юревич, 2013 и др.). Выходит, что среди участников нашего исследования преобладают студенты, обладающие достаточно развитым критическим мышлением и определенно выраженным скептицизмом, что и нашло отражение в полученных результатах. Наш взгляд, этот факт довольно любопытен, особенно, если принять во внимание то обстоятельство, что абсолютное большинство наших респондентов составили лица женского пола, которые по имеющимся в научной литературе данным, в том числе полученным ранее нами, обнаруживают большую склонность к суевериям и нетрадиционной религиозности, чаще демонстрируют религиозную активность и отмечают значимость для современного человека веры как таковой, нежели представители мужского пола (Гусева, 2014; Семенова и др., 2015; Ткачук, Беспалова, 2022). Более того, поскольку значительную часть участников нашего исследования составляли студенты медицинского вуза, полученные данные расходятся также и с отмечаемой ранее некоторыми авторами высокой степенью приверженности медицинских работников магическим ритуалам, заговорам и приметам (Короткова, Трошин, 2017). Мы не исключаем, что невысокая в целом степень выраженности у студентов веры в паранормальное может объясняться их личностными особенностями, в частности, самоэффективностью, которая у многих из них оказалась достаточно ярко выраженной. Поясним, что к такому заключению нам позволяют прийти результаты ряда ранее проведенных исследований, иллюстрирующих противоположный по своей сути характер

суеверности и самооффективности личности (Саенко, 2006; Толочек, 2013; Шварцер и др., 1996 и др.), в том числе те, где констатируется положительная связь первой из них с экстернальностью, пессимизмом, тревожностью и нерешительностью (Саенко, 2006; Rogers et al., 2006; Saucier, 2010; Vyse, 2020 и др.) и отрицательная связь второй с беспомощностью и избеганием проблем (Крюкова, 2010; Шварцер и др., 1996). Другими словами, наличие убежденности в своих внутренних ресурсах, вера в свои способности, в том числе возможность контролировать обстоятельства, что, собственно, и предполагает общая самооффективность (Шварцер и др., 1996; Schwarzer, Jerusalem, 1995), делает излишним обращение студентов к вере в неподдающиеся собственному контролю паранормальные явления, т.е. их опору на внешние силы.

Полученные в исследовании результаты свидетельствуют также о том, что отношение студенческой молодежи к глобальным рискам связано с их различными проявлениями веры в паранормальное. В особенности сильные связи обнаружены с религиозным авторитаризмом и апокалиптизмом. Объяснить данный факт можно достаточно легко, поскольку эти показатели отношения к глобальным рискам, согласно трактовке Т.А. Нестика, отражают возвращение к традиционным религиозным ценностям, контроль за гражданами и ожидание конца света, что обусловлено представлениями о существовании темных и светлых сил, о верности предсказаний и т.п. В этом плане наши данные подтверждаются более ранними результатами исследования Т.А. Нестика, где было установлено, что апокалиптизм обусловлен фатализмом, а религиозный авторитаризм связан с религиозностью в целом (Нестик, Журавлев, 2018). При этом показательно, что рост склонности к авторитаризму (выраженному контролю за гражданами) был зафиксирован именно в ситуациях повышения реальных социальных и экзистенциальных рисков, что, несомненно, присутствует и в опыте опрашиваемых нами респондентов (там же).

Кроме того, интересен обнаруженный нами феномен обратной связи поведенческого компонента готовности участвовать в превенции рисков с верой в предсказания астрологов, экстрасенсов и т.п., в то, что судьба предопределена, а также с традиционной религиозной верой студенческой молодежи. Как подчеркивает Т.А. Нестик, фатализм, который зачастую обусловлен верой в сверхъестественное, блокирует участие в коллективных действиях и повышает стремление к радикальным решениям (там же), что и подтверждено нашим исследованием. К тому же, как показывает анализ базовых религиозных ценностей у представителей разных конфессий, традиционная религиозность также часто может приводить к смирению (Schimmel, 2000), а вера в божий контроль над мировыми делами — к отказу от активных действий (Veery, Ben-Nun Bloom, 2015). Вместе с тем, наши данные хорошо корреспондируют с выводами ряда ав-

торов о том, что верующие люди более подвержены страху самостоятельности, нежели атеисты (Грошева, 2004), и по сравнению с атеистами чаще выбирают стратегию дистанцирования от трудностей и реже — стратегию «принятие ответственности» (Тобалов, 2004).

Как уже отмечалось выше, в исследовании были получены данные, свидетельствующие о достаточно выраженной самооффективности студенческой молодежи. В частности, 20% учащихся вуза продемонстрировали высокий уровень общей самооффективности. При этом было установлено наличие связи (хотя и достаточно слабой) этой личностной характеристики с оптимизмом при восприятии глобальных угроз. На наш взгляд, безусловно, требуется дополнительная проверка данного факта на расширенной выборке, однако, опираясь на полученные результаты, а также на ряд теоретических работ (Леонтьев, 2016; Schwarzer, Jerusalem, 1995), мы все же считаем вполне допустимым рассматривать веру в свои силы и результативность действий в качестве возможного личностного ресурса по преодолению рисков, обладание которым может давать, по словам Д.А. Леонтьева, дополнительный «выигрыш», во всяком случае некоторым представителям учащейся молодежи при определенных условиях. Косвенным подтверждением такой возможности служат неоднократно констатируемые ранее факты, позволяющие рассматривать самооффективность как предиктор успешного и безопасного поведения личности, включая совладание с трудными ситуациями (Крюкова, 2010; Погорелов, 2012; Grau et al., 2002; Katz-Navon et al., 2007). В то же время обнаруженная связь самооффективности с авторитарными формами борьбы с глобальными угрозами уже сложнее поддается интерпретации, поскольку, по имеющимся данным (Шварцер и др., 1996; Bandura, 1977; Schwarzer, Jerusalem, 1995), самооффективность обычно не сочетается с установкой на необходимость внешнего контроля. Можно предположить, что с точки зрения какой-то части студенческой молодежи дополнительным стимулом для использования собственных внутренних ресурсов в плане решения глобальных проблем может служить ориентация на традиционные религиозные ценности, значимость которых в качестве стратегии предотвращения глобальных рисков ранее уже была констатирована у православных студентов (Емельянова, Белых, 2019). Не исключено, что и среди участников данного исследования могли оказаться студенты с подобным мировоззрением. Однако точная информация на этот счет отсутствует, поскольку наличие религиозной ментальности у респондентов специально не выявлялось. К тому же сам религиозный авторитаризм как стратегия решения глобальных рисков в целом не был в числе приоритетных у студенческой молодежи, равно как и склонность к традиционной религиозной вере.

Предполагаемая связь общей самооффективности студентов с готовностью к активным действиям по

защите себя и близких не достигла уровня статистической значимости, что, наш взгляд, можно трактовать, исходя из источников самоэффективности (Шварцер и др., 1996). По всей видимости, уверенность в собственных силах студентов не затрагивает сферу действий глобального характера по причине отсутствия у них личного опыта подобных действий и возможности наблюдения за положительным опытом других людей. Иными словами, выходит, что даже общая самоэффективность студенческой молодежи носит преимущественно локальный характер и не распространяется на более масштабный уровень глобальных действий.

Выводы

Обобщая полученные в исследовании результаты, можно сделать следующие выводы:

Большинство из участвующей в исследовании студенческой молодежи — учащихся гуманитарных и медицинских факультетов вузов характеризуются таким отношением к глобальным рискам, в котором, прежде всего, преобладают тревога и одновременно оптимизм, необходимость сотрудничества и готовность к участию в превентивных мерах. При этом данное отношение они демонстрируют на фоне достаточно высокой самоэффективности и в целом мало выраженной склонности к вере в паранормальное, причем не только к суеверию, спиритизму, колдовству, но и включая традиционную религиозную веру.

Список литературы

- Абитов, И.Р., Абдулина, Р.Р. (2023). Особенности взаимосвязи суеверности с индивидуально-типологическими и личностными характеристиками субъекта. *Актуальные проблемы психологического знания*, (4), 34–47. https://doi.org/10.51944/20738544_2023_4_34
- Андрюшкова, Н.П. (2016). Психологические факторы суеверности у молодежи. *Вестник пермского университета. Филология. Психология. Социология*, (3), 46–52.
- Блейлер, Э. (1981). Аутистическое мышление. Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.В. Петухова. Москва: Изд-во Московского ун-та.
- Воронежский, И.С., Зинченко, Я.Г. (2016). Место суеверий в студенческой среде. *Электронный вестник Ростовского социально-экономического института*, (2), 16–18.
- Григорьев, Д.С. (2015). Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж. Тобасика. *Социальная психология и общество*, 6(2), 132–145.
- Грошева, Л.Н. (2004). Социальные страхи у верующих и атеистов: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Гусева, Е.С. (2014). Гендерные аспекты индивидуальной религиозности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 16(2–2), 329–332.
- Емельянова, Т.П., Бельх, Т.В. (2019). Отношение к глобальным рискам студентов православных и светских вузов. *Социальная психология и общество*, 10(3), 40–50. <https://doi.org/10.17759/sps.2019100303>
- Измоденова, Н.Н. (2013). Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения. *Труды Кольского научного центра РАН*, (6), 20–35.
- Караева, В.Ю. (2015). Психологическое исследование проявления иррациональных установок у специалистов различных профессий. В: Психологическая культура в современном российском обществе. Сб. материалов Всеросс. науч.-практич. конф. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала РАНХиГС.
- Короткова, М.Н., Трошин, И.С. (2017). Отношение медицинского персонала к применению магических ритуалов, заговоров и примет в профессиональной деятельности. В: История и археология. Материалы 4-й Междунар. науч. конф. (С. 31–34). Санкт-Петербург: «Свое издательство».
- Крюкова, Т.Л. (2010). Психология совладающего поведения в разные годы жизни: монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова.
- Лебедев, В.И. (1987). Духи в зеркале психологии. Москва: Изд-во «Советская Россия».

Наибольшее число значимых положительных связей с различными вариантами веры в паранормальное наблюдается у таких компонентов отношения к глобальным рискам, как религиозный авторитаризм и апокалиптизм, что свидетельствует о содержательной близости этих феноменов с верой в сверхъестественное.

Самоэффективность может выступать личностной характеристикой, поддерживающей в определенной степени оптимизм и ориентацию на религиозный авторитаризм как стратегию предотвращения глобальных угроз.

В качестве ограничений выполненного исследования следует указать на его специфическую выборку (студенческая молодежь, причем преимущественно лица женского пола) и необходимость ее расширения в плане других возрастных и социальных групп. Так, например, интересно было бы сравнить данные, прежде всего, о восприятии рисков в крупных городах и в небольших населенных пунктах. Следует также отметить важность выявления характера связи самоэффективности со всеми вариантами веры в паранормальное и дополнительного изучения гендерных особенностей отношения к глобальным рискам, при этом рассмотрев не столько общую самоэффективность, сколько ее составляющие компоненты. Кроме того, в перспективе можно говорить и о поиске тех личностных и социально-психологических предикторов, которые опосредуют характер связи отношения к глобальным рискам с верой в паранормальное у разных групп населения.

- Леви-Брюль, Л. (1994). Сверхъестественное в первобытном мышлении. Москва: Изд-во «Педагогика-Пресс».
- Леонтьев, Д.А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал*, (62), 18–37.
- Леонтьев, Д.А., Осин, Е.Н. (2007). Личностный потенциал как объект психодиагностики. *Психологическая диагностика*, (1), 4–7.
- Нестик, Т.А. (2016). Глобальные риски как психологический феномен. *Пути к миру и безопасности*, (1), 24–38.
- Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (2018). Психология глобальных рисков. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Нестик, Т.А., Журавлев, А.Л. (ред.). (2020). Человек в условиях глобальных рисков: социально-психологический анализ. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
- Нестик, Т.А., Николаев, Е.Л. (2020). Связь отношения личности к глобальным рискам со страхом смерти и проактивным копингом: эмпирическое исследование. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17(4), 812–821. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-812-821>
- Ольшанский, Д.В. (2002). Психология масс. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер».
- Погорелов, А.А. (2012). Самоэффективность как предиктор эффективного и безопасного поведения личности. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 129(4), 140–145.
- Почепцов, Г.Г. (2000). Психологические войны. Москва: Изд-во «Рефл-бук».
- Саенко, Ю.В. (2004). Суеверия современных студентов. *Вопросы психологии*, (4), 122–130.
- Саенко, Ю.В. (2006). Психологические аспекты изучения суеверий. *Вопросы психологии*, (6), 85–97.
- Семенова, Л.Э., Чевачина, А.В., Семенова, В.Э. (2015). Гендерная специфика представлений современной российской молодежи о религии и мотивах обращения к ней. *Современные проблемы науки и образования*, (2-3). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23343> (дата обращения: 21.01.2023).
- Строгальщикова, М.Ю. (2012). Социально-психологические особенности феномена суеверия: автореф. дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Ткачук, Г.С., Беспалова, Т.М. (2022). Влияние возрастных и гендерных характеристик на склонности к суеверию. *Концепт*. URL: <http://e-koncept.ru/2022/0.htm> (дата обращения: 21.01.2023).
- Тобалов, Ю.П. (2004). Совладение с трудными жизненными ситуациями у верующих: на материале православных христиан и мусульман: дисс. канд. психол. наук. Москва.
- Толочек, В.А. (2013). О возможности новых подходов к профессиональному становлению субъекта. *Психология. Экономика. Право*, (1), 6–15.
- Шварцер, Р., Ерусалем, М., Ромек, В.Г. (1996). Русская версия шкалы общей самоэффективности. *Иностранная психология*, (7), 71–77.
- Юревич, А.В., Юревич, М.А. (2013). Легковерие и скептицизм в студенческой среде. *Социология науки и технологий*, (3), 127–137.
- Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*, 84(2), 191–215.
- Beéry, G., Ben-Nun Bloom, P. (2015). God and the Welfare State — Substitutes or Complements? An Experimental Test of the Effect of Belief in God's Control. *PLoS ONE*, 10(6), e0128858. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0128858>
- Beck, U. (2011). Living in and coping with world risk society. In the Coping with Global Environmental Change, Disasters and Security: Threats, Challenges, Vulnerabilities, and Risks. In: H.G. Brauch, (ed.). (pp. 11–17). New York: Springer Publ.
- Boden, M. (2015). Supernatural Beliefs: Considered Adaptive and Associated with Psychological Benefits. *Personality and Individual Differences*, 86, 227–231. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.06.023>
- Boustras, G., Waring, A. (2020). Towards a Reconceptualization of Safety and Security, Their Interactions, and Policy Requirements in a 21st Century Context. *Safety Science*, 132, 104942. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104942>
- Grau, R., Martínez, I., Salanova, S. (2002). Safety Attitudes and Their Relationship to Safety Training and Generalised Self-Efficacy. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics (Jose)*, 8(1), 23–35.
- Katz-Navon, T., Naveh, E., Stern, Z. (2007). Safety Self-efficacy and Safety Performance: Potential Antecedents and the Moderation Effect of Standardization. *International Journal of Health Care Quality Assurance*, 20(7), 572–584.
- Rogers, P., Qualter, P., Phelps, G., Gardner, K. (2006). Belief in the Paranormal, Coping and Emotional Intelligence. *Personality and Individual Differences*, 41(6), 1089–1105. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.04.014>
- Saucier, D. (2010). Insight Offered into Superstitious Behavior. *Kansas State University. Science Daily*. URL: www.sciencedaily.com/releases/2010/09/100902131736.html (accessed: 19.05.2024).
- Seligman, M.E. (1975). Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman Publ.
- Schimmel, S. (2000). Vices, Virtues and Sources of Human Strength in Historical Perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19(1), 137–150.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M. (1995). Generalized Self-Efficacy Scale. Windsor: Nfer-Nelson Publ.
- Tobacyk, J., Milford, G. (1983). Belief in Paranormal Phenomena: Assessment Instrument Development and Implications for Personality Functioning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(5), 648–655.
- Vyse, S. (2020). The Psychology of Superstition. Superstition: A Very Short Introduction. *Oxford Academic: Online Edn*. URL: <https://oceanpdf.com/authors/stuart-vyse/pdf-epub-superstition-a-very-short-introduction-download-70197564409/> (accessed: 19.05.2024).

References

- Abitov, I.R., Abdulina, R.R. (2023). Features of the Relationship of Superstition with Individual Typological and Personal Characteristics of the Subject. *Aktual'ny'e Problemy` Psixologicheskogo Znaniya = Actual Problems of Psychological Knowledge*, (4), 34–47. (In Russ.). https://doi.org/10.51944/20738544_2023_4_34
- Andryushkova, N.P. (2016). Psychological Factors of Superstition Among Young People. *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 3(27), 46–52. (In Russ.)
- Bandura, A. (1977). Self-efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*, 84(2), 191–215.

- Beéry, G., Ben-Nun Bloom, P. (2015). God and the Welfare State — Substitutes or Complements? An Experimental Test of the Effect of Belief in God's Control. *PLoS ONE*, 10(6), e0128858. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0128858>
- Beck, U. (2011). Living in and coping with world risk society. In *The Coping with Global Environmental Change, Disasters and Security: Threats, Challenges, Vulnerabilities, and Risks*. In: H.G. Brauch, (ed.). (pp. 11–17). New York: Springer Publ.
- Bleiler, E. (1981). Autistic thinking. In: Y.B., Gippenreiter, V.V., Petukhov, (eds.). *A textbook on general psychology. Psychology of thinking*. Moscow: Moscow Univ. Press. (In Russ.)
- Boden, M. (2015). Supernatural Beliefs: Considered Adaptive and Associated with Psychological Benefits. *Personality and Individual Differences*, 86, 227–231. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.06.023>
- Boustras, G., Waring, A. (2020). Towards a Reconceptualization of Safety and Security, Their Interactions, and Policy Requirements in a 21st Century Context. *Safety Science*, 132, 104942. <https://doi.org/10.1016/j.ssci.2020.104942>
- Emelyanova, T.P., Belykh, T.V. (2019). Attitude to Global Risks of Students of Orthodox and Secular Universities. *Social'naya Psihologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, 10(3), 40–50. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2019100303>
- Grau, R., Martínez, I., Salanova, S. (2002). Safety Attitudes and Their Relationship to Safety Training and Generalised Self-Efficacy. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics (Jose)*, 8(1), 23–35.
- Grigoriev, D.S. (2015). Adaptation and Validation of the Scale of Belief in the Paranormal In: J. Tobiasika, (ed.). *Social'naya Psihologiya i Obshchestvo = Social Psychology and Society*, 6(2), 132–145. (In Russ.)
- Grosheva, L.N. (2004). Social fears among believers and atheists. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)
- Guseva, E.S. (2014). Gender Aspects of Individual Religiosity. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Centra Rossijskoj Akademii Nauk = Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 16(2-2), 329–332. (In Russ.)
- Izmodenova, N.N. (2013). Superstitions as a Way of Life of Educated Groups of the Population. *Trudy Kol'skogo Nauchnogo Centra RAN = Proceedings of the Kola Scientific Center of the RAS*, 6(19), 20–35. (In Russ.)
- Karaeva, V.Y. (2015). Psychological study of the manifestation of irrational attitudes in specialists of various professions. In the Psychological culture in modern Russian society. All-Russian Scientific and Practical Conference. Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ. (In Russ.)
- Katz-Navon, T., Naveh, E., Stern, Z. (2007). Safety Self-efficacy and Safety Performance: Potential Antecedents and the Moderation Effect of Standardization. *International Journal of Health Care Quality Assurance*, 20(7), 572–584.
- Korotkova, M.N., Troshin, I.S. (2017). The attitude of medical personnel to the use of magical rituals, conspiracies and signs in professional activity. In the History and Archeology. Fourth International Scientific Conference. St. Petersburg: Svoe izdatel'stvo Publ. (In Russ.)
- Kryukova, T.L. (2010). Psychology of coping behavior in different years of life: a monograph. Kostroma: KSU named after N.A. Nekrasov Publ. (In Russ.)
- Lebedev, V.I. (1987). Spirits in the mirror of psychology. Moscow: Sovetskaya Rossiya Publ. (In Russ.)
- Leontiev, D.A. (2016). Self-regulation, Resources and Personal Potential. *Sibirskij Psichologicheskij Zhurnal = Siberian Psychological Journal*, (62), 18–37. (In Russ.)
- Leontiev, D.A., Osin, E.N. (2007). Personal Potential as an Object of Psychodiagnostics. *Psihologicheskaya Diagnostika = Psychological Diagnostics*, (1), 4–7. (In Russ.)
- Levi-Bruhl, L. (1994). Supernatural in primitive thinking. Moscow: Pedagogika-Press. (In Russ.)
- Nestik, T.A. (2016). Global Risks as a Psychological Phenomenon. *Puti k Miru i Bezopasnosti = Paths to Peace and Security*, 1(50), 24–38 (In Russ.)
- Nestik, T.A., Nikolaev, E.L. (2020). The Relationship of the Individual's Attitude to Global Risks with the Fear of Death and Proactive Coping: an Empirical Study. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej Shkoly Ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 17(4), 812–821. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2020-4-812-821>
- Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (2018). Psychology of global risks. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Nestik, T.A., Zhuravlev, A.L. (eds.). (2020). Man in conditions of global risks: socio-psychological analysis. Moscow: Institute of Psychology of the RAS Publ. (In Russ.)
- Olshansky, D.V. (2002). Psychology of the masses. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ.)
- Pocheptsov, G.G. (2000). Psychological wars. Moscow: Repl-buk Publ. (In Russ.)
- Pogorelov, A.A. (2012). Self-efficacy as a Predictor of Effective and Safe Behavior of a Person. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Tekhnicheskie Nauki = Proceedings of the Southern Federal University. Technical Sciences*, 129(4), 140–145. (In Russ.)
- Rogers, P., Qualter, P., Phelps, G., Gardner, K. (2006). Belief in the Paranormal, Coping and Emotional Intelligence. *Personality and Individual Differences*, 41(6), 1089–1105. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2006.04.014>
- Saenko, Y.V. (2004). Superstitions of Modern Students. *Voprosy Psikhologii*, (4), 122–130. (In Russ.)
- Saenko, Y.V. (2006). Psychological Aspects of the Study of Superstitions. *Voprosy Psikhologii*, (6), 85–97. (In Russ.)
- Saucier, D. (2010). Insight Offered into Superstitious Behavior. *Kansas State University. Science Daily*. URL: www.sciencedaily.com/releases/2010/09/100902131736.html (accessed: 19.05.2024).
- Schimmel, S. (2000). Vices, Virtues and Sources of Human Strength in Historical Perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 19(1), 137–150.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M. (1995). Generalized Self-Efficacy Scale. Windsor: Nfer-Nelson Publ.
- Schwarzer, R., Jerusalem, M., Romek, V.G. (1996). Russian Version of the Scale of General Self-efficacy. *Inostrannaya Psihologiya = Foreign Psychology*, (7), 71–77. (In Russ.)
- Seligman, M.E. (1975). Helplessness: On depression, development, and death. San Francisco: Freeman Publ.
- Semenova, L.E., Chevachina, A.V., Semenova, V.E. (2015). Gender Specificity of the Ideas of Modern Russian Youth about Religion and the Motives for Turning to it. *Sovremennyye Problemy Nauki i Obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*, 2(3). URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=23343> (accessed: 21.01.2023). (In Russ.)
- Strogalshchikova, M.Y. (2012). Socio-psychological features of the phenomenon of superstition. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)
- Tkachuk, G.S., Bespalova, T.M. (2022). The Influence of Age and Gender Characteristics on the Propensity to Superstition. *Koncept = Concept*. URL: <http://e-koncept.ru/2022/0.htm> (accessed: 21.01.2023). (In Russ.)

Tobacyk, J., Milford, G. (1983). Belief in Paranormal Phenomena: Assessment Instrument Development and Implications for Personality Functioning. *Journal of Personality and Social Psychology*, 44(5), 648–655.

Tobalov, Y.P. (2004). Coping with difficult life situations for believers: based on the material of Orthodox Christians and Muslims. Diss. Cand. Sci. (Psychol.). Moscow. (In Russ.)

Tolochek, V.A. (2013). About the Possibility of New Approaches to the Professional Development of the Subject. *Psikhologiya. Ekonomika. Pravo = Psychology. Economics. Law*, (1), 6–15. (In Russ.)

Voronezhsky, I.S., Zinchenko, Y.G. (2016). The Place of Superstitions in the Student Environment. *Elektronnyj Vestnik Rostovskogo Social'no-ekonomicheskogo Instituta = Electronic Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute*, (2), 16–18. (In Russ.)

Vyse, S. (2020). The Psychology of Superstition. Superstition: A Very Short Introduction. *Oxford Academic: Online Edn*. URL: <https://oceanofpdf.com/authors/stuart-vyse/pdf-epub-superstition-a-very-short-introduction-download-70197564409/> (accessed: 19.05.2024).

Yurevich, A.V., Yurevich, M.A. (2013). Credulity and Skepticism in the Student Environment. *Sociologiya Nauki i Tekhnologij = Sociology of Science and Technology*, (3), 127–137. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS



Марианна Евгеньевна Сачкова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры теоретических основ социальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Российская Федерация, msachkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>

Marianna E. Sachkova, Dr. Sci. (Psychology), Professor, Professor at the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor at the Department of Theoretical Foundations of Social Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation, msachkova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2982-8410>



Лидия Эдуардовна Семенова, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры возрастной и клинической психологии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация, verunchka08@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>

Lidiya E. Semenova, Dr. Sci. (Psychology), Associate Professor, Professor of the Department of Age and Clinical Psychology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, verunchka08@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5077-394X>

Поступила: 27.01.2023; получена после доработки: 27.05.2024; принята в печать: 04.07.2024.

Received: 27.01.2023; revised: 27.05.2024; accepted: 04.07.2024.